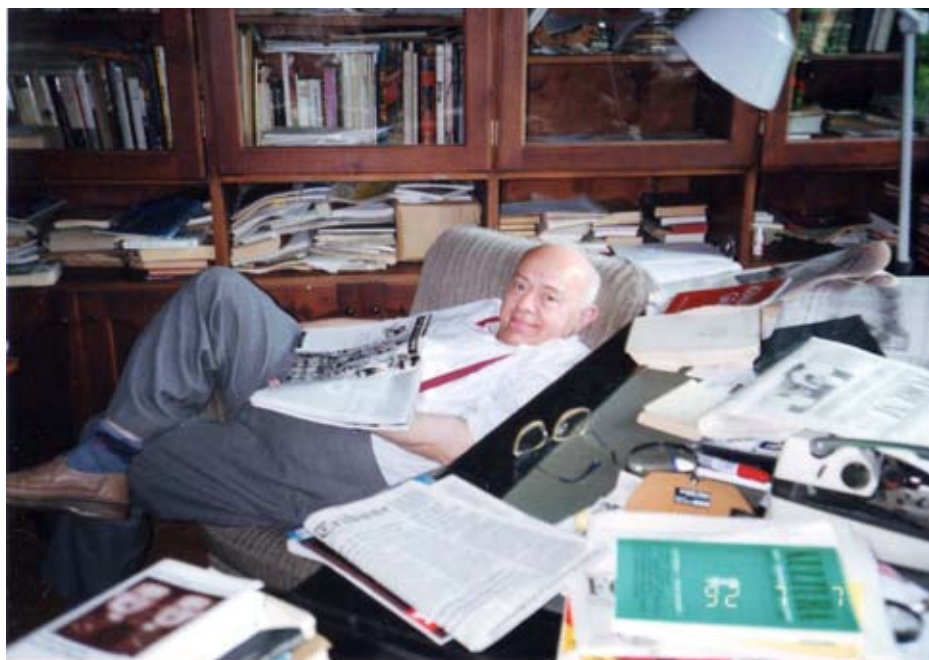

SUMMA LEMOLOGIAE 2014

SUMMA LEMOLOGIAE 2014

SUMMA LEMOLOGIAE 2014

Лемберг
Мимойд
2016

Составитель: Владимир Борисов
Оформление обложки: Алексей Андреев

Summa Lemologiae 2014. – Лемберг: Мимойд, 2016. – 153 с.

**© Андреев А.В., Ашкинази Л.А., Борисов В.И.,
Володихин Д.М., Мальчукова Н.В.,
Околовский П., Поздняков К.С.,
Смердова Е.А., Язневич В.И., 2016**

СОДЕРЖАНИЕ

Околовский Павел, Язневич Виктор. Лем	6
Ашкинази Леонид. Тот мир – Станислав Лем.....	26
Язневич Виктор. Каюсь!.....	29
Володихин Дмитрий. Три Солярис	30
Смердова Екатерина. Так творятся миры: лингвистические эксперименты Станислава Лема.....	40
Смердова Екатерина. Вероятностная интерпретация референциально непрозрачного текста.....	54
Смердова Екатерина. Станислав Лем о возможности кибернетического моделирования творческих процессов.....	68
Смердова Екатерина. Язык и структура возможного мира в «Сказках роботов» Станислава Лема.....	77
Мальчукова Нина. Проблема Другого в романах С.Лема «Солярис» и В.Пелевина «S.N.U.F.F.»	85
Поздняков Константин. Проблема понимания в рассказе С.Лема «Лунная ночь» и фельетонах И.Ильфа и Е.Петрова.....	92

Приложение

Борисов Владимир. Блог в газете «Шанс»	100
Лем. 2014 год: Библиография	109
Об авторах.....	132
Источники.....	133
Указатель имён	135

Лем

С.Лем (1921-2006) – один из самых известных в мире польских писателей (более 40 названий книг, вышедших тиражом более 40 млн. экз. на более чем сорока языках), выдающийся философ второй половины XX в.; особенно популярный и ценимый в Германии и России (ранее и в СССР); несколько раз номинировался на Нобелевскую премию по литературе. Его творчество развивалось в двух взаимодополняющих областях: это беллетристика (поддерживавшая его художественное и читательское реноме) и эссеистика/публицистика. С середины 1960-х гг., вопреки его славе мастера научной фантастики, дискурсивная проза (наряду с публицистикой) в творчестве Лема доминирует. Именно она, будучи, правда, не столь широко известной, как его литературные произведения, а зачастую и вовсе недооценённой, позволяет говорить о Леме как об оригинальном философе.

На фоне философских течений XX в. взгляды Лема можно определить как рационалистический натурализм: они связаны с логикой и отвергают платоновский дуализм. Отличительные особенности его воззрений продиктованы отношением к философии науки и марксизму, которые также считаются с логикой и бытие отождествляют с природой. „Чужеродность” лемовской философии вызвана её метафизической и созерцательной склонностью (соединённой с признанием многовековой традиции Запада), пессимистическим взглядом на человека и апологетической концепцией религии, в особенности христианства. Лему недостаёт волюнтаризма и деятельного подхода, он не доверяет прогрессу (в эпоху научно-технической революции), не хватает ему – в конечном итоге – и воинствующего атеизма. В своих принципах Лем находится в оппозиции к Б.Расселу, К.Попперу и львовско-варшавской школе (несмотря на уважение к ним), из которых, можно сказать, он в сущности вырос. А его протagonистами являются А.Шопенгауэр, Ф.Достоевский и бл. Августин.

Виктор Язневич**Павел Околовский**

Знаменательна также его враждебность к иррационализму (к которому он относил феноменологию, фрейдизм, оккультизм, постмодернизм и политкорректность, а также пантеизм).

Лем создал философскую систему (она не была сформулирована самим автором, но может быть реконструирована путём логического анализа его творчества в целом): в ней есть собственная метафизика, теория познания и аксиология. Первая из них – материалистический монизм – носит атомистичный и казуалистичный характер (вероятностный детерминизм). На её почве вырастают следующие заключения: в мире не всё связано со всем, в нём существуют лакуны; вечным Космосом управляет случай (в сфере действия стохастических законов) и в нём происходит синтрезирование эмергентности – появляется новое и непостижимое (например, жизнь, язык, культура). Материализм, с точки зрения Лема, близок к аналогичным античным доктринам, в особенности эпикуреизму (и прежде всего Лукрецию). Эквивалентом рациональной теологии в этой

метафизике является теория вероятности разума (ноология). В соответствии с ней интеллект и разум не тождественны; только разум оперирует волютивностью, в связи с чем он должен быть интегрирован в тело и наделён чувствами. Возможна целая иерархия космических разумов, которые возникают всегда самопроизвольно (как Голем или Солярис). Эти и другие идеи Лема явно выходят за рамки натурализма, что свидетельствует, в частности, об их глубине. Кроме того, они выглядят вполне пророческими на фоне современной когнитивистики. В бытии всегда скрывается тайна (что сближает метафизику польского философа с метафизикой Виттгенштейна или Лейбница).

Эпистемология Лема – явно остающаяся в тени размышлений над бытием – это умеренный эмпиризм и тонкий рационализм, обогащённые социологией знания, заимствованной у Л.Флека. Эта теория познания зиждется на классической дефиниции истины и фальсификационизме Поппера, признавая, однако, за человеком только некоторые познавательные возможности.

Антропология и аксиология Лема, будучи важнейшими элементами его системы и являясь его главным вкладом в современную философию, христианоцентричны (прежде всего из-за признания склонности человеческой природы к моральному злу и определяющей роли Декалога в человеческой жизни). Это важнейшие тезисы лемовской философии человека. Индивидуальную судьбу каждого определяют его гены (нативизм), эпоха (состояние культуры) и общность (отчизна и родина). Эти факторы не зависят от наших желаний и намерений. Не зависит от нас и технология („она меняется независимо от цивилизации”), которая развивается в направлении, доподлинно не известном. (Эта черта социальной философии детерминизма, определяющая нашу коллективную судьбу, объединяет философию Лема с историческим материализмом Маркса.) Кроме того, человек по своей природе зол (антропологическое манихейство), что означает, что существуют хорошие люди, способные обуздать имманентное зло, и порочные, неспособные это сделать – их может остановить только физическое насилие. Моральные тормоза даёт живая нравственность религиозного происхождения. По мне-

нию Лема, христианство выше всех других религий, так как только оно создало научно-техническую цивилизацию как дополнение к правовому государству (основанному на идее свободы). Поэтому христианская система ценностей наиболее соответствует человеческой природе (хотя Декалог сегодня следовало бы дополнить новыми заповедями, адекватными современным условиям, в частности, тем, которые порождены новыми биотехнологиями). В основе религии лежит неизбежность смерти. Поэтому то, что даёт коллективную надежду в отношении индивидуального небытия – это религия, а людей нерелигиозных практически не существует. Религиозность Лема синкретична: она содержит приметы католицизма (в области культа и образа жизни) и иные, внехристианские элементы. Его метафизическая доктрина с атрибутами Космоса – творение и уничтожение (*mors immortalis*), а также эсхатологическая надежда, явно апеллирующая к *О природе вещей* (*De rerum natura*) Лукреция. Лем аргументировал надежду на жизнь после смерти тем, что Космос будет всегда порождать всё новые поколения разумных существ, и они будут реализовывать абсолютные ценности (в частности, стремление к истине, защиту невинных и т.п.). Эта особенность философии Лема даёт основание принимать, независимо от интенции автора, христианские формы реализации прославления Господа, или, в светских терминах – аксиологический абсолютизм.

Центральное звено философии Лема составляют его глубокие размышления о развитии и разложении научно-технической цивилизации. Сразу после 1953 г., когда Дж.Ватсон и Ф.Крик обнародовали своё открытие (быть может, важнейшее в науке XX в.) структуры ДНК и механизма наследственности, Лем полностью воспринял их новый стиль мышления. Единственный из известных философов, он перенёс его в область философии. Вскоре, в *Сумме технологии* (*Summa technologiae*), он признавал изменчивые языки, к которым относится ДНК, наивысшим проявлением эволюции Космоса, отражающим главные метафизические свойства Универсума. В свете этого знания недостаточно заявить, что „генотип определяет фенотип”, а следует резюмировать, что в клетке уже заключена наша судьба. В ней скрыта также (хотя и в спящем состоянии) наша душа,

всё человеческое разнообразие и вся индивидуальность каждого человека: физическая, интеллектуальная, эмоциональная, моральная. Философия Лема – философия судьбы, то есть согласия с судьбой; её можно назвать тихизмом. В отличие от всякого светского гуманизма, она не противоречит судьбе, так как судьба выступает в ней демиургом: глухим для нас, случайным и даже несправедливым. Пародируя известные *Тезисы о Фейербахе* Маркса, можно было бы сказать так: современные философы пытались только изменить мир, а Лем делал всё, чтобы его понять.

Очень трудно осуществляется знакомство с Лемом в „философских салонах”. Это происходит по трём причинам: литературный или сложный язык его эссеистики, тот факт, что он, как и Лейбниц, не был академическим философом, и очевидное новаторство его философии. В 1999 г. в Германии (Б.Греффрат) и независимо от него в России и Беларуси (А.Грицанов) статьи о Леме появились в философских словарях. В Польше это было сделано только в 2005 г.

Сочинения Лема в СССР издавались на русском языке начиная с 1955 г. В 1960-е гг. началось триумфальное шествие его беллетристики (прежде всего научно-фантастических произведений). Однако переведены были и его *Сумма технологии*, и *Высокий замок*. В 1970-е в СССР печатались новые романы и рассказы Лема. Переводы польского автора в СССР подвергались цензуре, однако издавались большими тиражами. Наиболее известными были переводы А.Громовой, Ф.Широкова, Д.Брускина, Е.Вайсброта, Р.Нудельмана. Лем стал любимым писателем интеллигенции – студентов, инженеров и учёных, частично компенсируя им недоступность произведений западной литературы того времени. В 1960-е гг. писатель неоднократно приезжал в СССР, где его „носили на руках”. Он хорошо знал русский язык, дал по-русски около 70 интервью. Его произведения в СССР неоднократно экранизировались. Наиболее известные фильмы – *Солярис* (1968 г. – реж. Б.Ниренбург, 1972 – реж. А.Тарковский). После 1980 г. – в связи с политическими событиями в Польше и выездом Лема в Западный Берлин и Вену – публикация его сочинений в СССР приостановилась (*Провокация* была издана по-русски в 1984 г., но в Израиле). После 1985 г., во время перестройки-

ки и гласности, Лем снова стал востребован широкими читательскими кругами (теперь уже наряду с писателями других стран мира). Главным его переводчиком на русский стал К. Душенко, отдельные переводы осуществлялись и на другие языки народов СССР. После распада СССР интерес к Лему в России не угас. До конца XX в. по-русски была издана почти вся его беллетристика. С 1999 г. главным переводчиком на русский и популяризатором творчества С. Лема является белорус польского происхождения В. Язневич. Он переводит философские книги и статьи польского автора, в частности: *Молох*, *Мгновение*, *Секс-войны*, *Дилеммы*, *Мой взгляд на литературу* и *Так говорил... Лем*. С 2002 г. московское издательство АСТ публикует самое полное собрание сочинений Лема. Уже вышло 20 томов, и среди них впервые – *Диалоги*, *Философия случайности*, *Фантастика и футурология*. Кроме этого, главного издания полного собрания, публикуются и другие произведения в нескольких сериях (в частности, в серии „Философия”, чему автор был особенно рад). В общей сложности по-русски издано 235 книг с произведениями Лема тиражом более 11 млн. экземпляров, более чем 250 статей и работ о его творчестве. [На январь 2016 года: 301 книга с произведениями Лема тиражом более 13 млн. экземпляров. – В.Я.] Необыкновенной популярностью пользуются биография Лема, его сочинения и исследования, посвящённые творчеству философа, на российских интернет-порталах. Знаменательно, что в переизданной в 2007 г. известной книге Б. Рассела *История западной философии* в качестве эпиграфа были приведены слова: „её взял бы с собой на необитаемый остров Станислав Лем”. В 2011 г. российские космонавты попросили доставить на орбитальную станцию романы Лема *Солярис* и *Эдем*.

Павел Околовский (пер. Марии Лескинен)

Первые переводы рассказов С.Лема на русском языке были опубликованы в СССР в 1955 г., первая книга – *Астронавты* – в 1957 г., а в 1960 г. со сборника *Вторжение с Альдебарана* и романа *Магелланово облако* началось триумфальное вторжение Лема в умы советских читателей.

Произведения Лема в СССР попали на благодатную почву, пришлись к месту и ко времени. В условиях жёсткой социалистическо-коммунистической пропаганды были ограничения в области современной западной литературы, но произведения писателей из социалистических тогда стран переводились на русский язык и издавались большими тиражами. Первые научно-фантастические романы и рассказы Лема как нельзя лучше подошли для тех времён, а само творчество писателя представлялось как впитывание тем, приёмов и стиля американской научной фантастики, преодоление её влияния и потом воинствующая борьба с нею за победу в литературе о будущем великой социальной Мечты. Не случайно ведь в предисловии к *Магелланову облаку* подчёркивалось, что в главе *Коммунисты* Лем „утверждает мысль, что и через тысячи лет не только будет существовать коммунизм, но останутся и коммунисты – передовой отряд человечества”; при этом и сам Лем в рецензии был назван „писателем-коммунистом”, что, как известно, абсолютно не соответствовало действительности.

Высококласная литература, выходящая из-под пишущей машинки Лема, разнообразие стилей, которые он демонстрировал, привели к тому, что для очень большой группы советских читателей он стал любимым писателем, в том числе и потому, что был „лучом света в тёмном царстве” – в какой-то мере своим многогранным творчеством компенсировал недостающее в доступной литературе. В начале 1967 г. Клуб любителей фантастики Московского государственного университета провёл анкетный опрос о современной фантастической литературе среди читателей, а также писателей-фантастов и журналистов. На вопрос „Кто Ваши любимые писатели-

фантасты?” читатели поставили Лема на первое место, а писатели и журналисты – на третье (после Р.Брэдбери и братьев А. и Б. Стругацких).

Советские литературные критики оперативно отслеживали издание книг Лема в Польше и свои рецензии на произведения писателя часто публиковали ещё до издания их на русском языке. Например, рецензия на *Диалоги* была опубликована в 1958 г. („Книга С.Лема, безусловно, заслуживает внимания социологов-марксистов как одна из попыток приблизиться к рассмотрению закономерностей социальной жизни и интерпретировать их в понятиях кибернетики”), на *Фантастику и футурологию* – в 1971 г. („Книга С.Лема посвящена анализу важнейших актуальных философско-социологических проблем”; „Идеал гуманистической и одновременно научной фантастической литературы – это, несомненно, благородные и точные ориентиры для социально-активной практики художника и социального учёного в наше время”), хотя сами эти книги на русском языке были изданы уже только в XXI в.

В 60 гг. Лем несколько раз посещал Советский Союз, о чём у него остались самые тёплые воспоминания, ибо его больше нигде так сердечно не принимали. Например, Б.Стругацкий, сопровождавший Лема в Ленинграде в октябре 1965 г., в письме своему брату писал: „триумф Лема не поддаётся никакому описанию – его встречали в СССР как космонавта, высадившегося на Луне, только что на улицах народ не ревел”. Посещал Лем Москву и для работы вместе с режиссёром А.Тарковским над сценарием фильма *Солярис*, но в этой работе два великих мастера разошлись во мнениях, и поэтому писатель со скандалом от этой работы отстранился. Лем активно сотрудничал с советскими периодическими изданиями, публикуя специально написанные для них статьи, участвуя в развёрнутой на страницах изданий полемике на литературные и научные темы, специально писал предисловия для советских читателей для своих произведений.

Но не всё было так прекрасно в отношении к Лему в СССР. 5 марта 1966 г. появилась Записка Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС *О недостатках в издании научно-фантастической ли-*

тературы, в которой говорилось и о творчестве Лема, а именно: „По мнению литераторов (...) основоположником философской фантастики является современный польский писатель Станислав Лем. В его многочисленных романах и повестях (...) будущее коммунистическое общество представляется абсолютно бесперспективным и выражающимся. (...) Перед человечеством стоит дилемма: либо человек создаст условия абсолютного комфорта и абсолютной безопасности, и тогда он выродится, либо он сможет создать идеально обслуживающий его кибернетический мир, и тогда он слаб и ничтожен, хотя и останется человеком. И вот, усвоив эту философию, полную пессимизма и неверия в силу разума, представители отечественной философской фантастики вступили в противоборство с идеями материалистической философии, с идеями научного коммунизма”. Как следствие Записки – *Эдем* был слегка сокращён (как, впрочем, ещё и до Записки *Солярис* и даже *Магелланово облако*), из *Суммы технологии* был изъят текст о трансцендентности, а *Глас Господа* вообще был сокращён на треть и опубликован под названием *Голос неба*.

После распада СССР издательством „Текст” были приобретены авторские права на издание произведений Лема, и для реализации этих прав было принято решение издать десяти томное собрание его художественных произведений. В результате за 1992-1996 гг. вышло даже тринадцать томов, а в 1997-1998 гг. ещё десять. В это же время был опубликован также ряд научно-публицистических статей писателя. С 2002 г. в издательстве АСТ начало издаваться новое, самое полное *Собрание сочинений* С.Лема. Кроме того книги Лема издаются в сериях „Philosophy”, „Золотой фонд мировой классики”, „Золотая библиотека”, „Золотая библиотека фантастики”, „Библиотека мировой фантастики”, „Мастера”, „Книга на все времена” и др.

Из обзорных работ о творчестве Лема следует отметить объёмную статью в *Энциклопедии фантастики* и в „толстом” журнале „Новый мир”. Лему были посвящены две научные диссертации. В первой (С.Солодовников, *Роман-предостережение в творчестве Станислава Лема*, 1979) автор доказывает, что „источником фантастического в романе-предостережении С.Лема

является стремление поставить определённый мысленный опыт, сконструировать некое идейное построение для того, чтобы наблюдать поведение и чувства человека под новым углом зрения. (...) Научно-фантастический роман-предостережение как жанр литературы берёт на себя прогностические функции, не свойственные до сих пор литературе, пытается предвидеть возможные изменения в мире; С.Лем с особой внимательностью относится к возможности отрицательных изменений для человечества. В реальной жизни всё может, разумеется, пойти своим путём, более безопасным и положительным для людей, но весьма возможно, что мир выберет положительный путь именно благодаря «отрицательно-критической» модели писателя-фантаста». Во второй диссертации (Д.Мышко, *Философские аспекты научной фантастики С.Лема*, 1992) автор на основе наблюдений над проблемно-тематической и идейной стороной научно-фантастических произведений писателя и изучения их художественных особенностей делает выводы, что „С.Лем всегда был заинтересован феноменом Общего в человеческой экзистенции, заинтригован поиском универсальной правды, созданием собственной философии жизни и человека. Философские элементы содержали все произведения писателя. В движении С.Лема от образа утопической действительности будущего через этическую программу к использованию философских категорий непосредственно в художественном произведении иллюстрируется неустанный желанием писателя сказать своё веское слово об этом сложном и постоянно меняющемся мире”. Автор подчёркивает, что „наиболее важная сторона этой фантастики – это её философский подтекст, присутствующий почти во всех произведениях писателя, в разной форме, но всегда значительный и существенный”.

Философская суть творчества Лема нашла своё воплощение в том, что в настоящее время он как философ представлен в философских энциклопедиях (при этом в качестве философского понятия представлен и *Солярис*). Писатель был очень удовлетворён этим фактом: „Я хорошо знаю, что в нашей стране считаюсь автором нескольких книг из области научной фантастики. Но как-то странно получилось, что за границами Польши я выступаю не как литератор,

а как философ. Например, как аналитический философ я фигурирую на странице 362 в *Новейшем философском словаре*, изданном в России, и единственное неудобство мне там доставляет сосед, потому что затем в словаре рассматриваются философские труды хорошо известной личности, каковой был В. Ленин”.

Виктор Язневич

Библиография

- Człowiek z Marsa* (1946, wyd. ros. *Человек с Марса*, 1997).
Szpital Przemienienia (1948, wyd. ros. *Больница Преображения*, 1995).
Astronauta (1951, wyd. ros. *Астронавты*, 1957).
Obłok Magellana (1955, wyd. ros. *Магелланово облако*, 1960).
Dialogi (1957, wyd. ros. *Диалоги*, 2005).
Inwazja z Aldebarana (1959, wyd. ros. *Вторжение с Альдебарана*, 1960).
Śledztwo (1959, wyd. ros. *Следствие*, 1990).
Eden (1959, wyd. ros. *Эдем*, 1966).
Powrót z gwiazd (1961, wyd. ros. *Возвращение со звезд*, 1965).
Pamiętnik znaleziony w wannie (1961, wyd. ros. *Рукопись, найденная в ванне*, 2002).
Solaris (1961, wyd. ros. *Солярис*, 1963).
Niezwyciężony (1964, wyd. ros. *Непобедимый*, 1964).
Summa technologiae (1964, wyd. ros. *Сумма технологии*, 1968).
Bajki robotów (1964, wyd. ros. *Сказки роботов*, 1991).
Cyberiada (1965, wyd. ros. *Кибериада*, 1967).
Wysoki zamek (1966, wyd. ros. *Высокий замок*, 1969).
Głos Pana (1968, wyd. ros. *Голос неба*, 1970; *Глас Господа*, 2002).
Filozofia przypadku (1968, wyd. ros. *Философия случая*, 2007).

Opowieści o pilotcie Pirxie (1968, wyd. ros. *Навигатор Пиркс*, 1971).

Fantastyka i futurologia (1970, wyd. ros. *Фантастика и футурология*, 2004).

Doskonała próżnia (1971, wyd. ros. *Абсолютная пустота*, 2002).

Maska (1976, wyd. ros. *Маска*, 1976).

Katar (1976, wyd. ros. *Насморк*, 1978).

Golem XIV (1981, wyd. ros. *Голем XIV*, 2002).

Wizja lokalna (1982, wyd. ros. *Осмотр на месте*, 1990).

Prowokacja (1984, wyd. ros. *Провокация*, 2002).

Biblioteka XXI wieku (1986, wyd. ros. *Библиотека XXI века*, 2002).

Pokój na Ziemi (1987, wyd. ros. *Мир на земле*, 2003).

Fiasko (1987, wyd. ros. *Фиаско*, 2003).

Tajemnica chińskiego pokoju (1996, wyd. ros. *Тайна китайской комнаты*, 2004).

Bomba megabitowa (1999, wyd. ros. *Мегабитовая бомба*, 2004).

Okamgnienie (2000, wyd. ros. *Мгновение*, 2004).

Rasa drapieżców. Teksty ostatnie (2006, wyd. ros. *Раса хищников*, 2008).

Фантастика с конвейера (1961).

Предисловие автора к русскому изданию "Солярис" (1962).

Вопрос остаётся открытым (1962).

Фантастика и наука (1965).

Младенчество кинофантастики (1965).

Безопасна ли техника без опасности? (1965).

Жилище будущего (1968).

Литература, проецирующая миры (1969).

Кибернетика не разрешит проблем... (1972).

Тысяча и один голос романа (1973).

Воспоминания (1975).

Как достичь синтеза (1975).

Одиноки ли мы в космосе? (1977).

Азимов А., *Фантастика – живая ветвь искусства, // Время искать: сборник статей*, ред. В.Захарченко, Москва 1986.

Альпер З., *Технология будущего*, „Новый мир” 1969, № 12 (рец. на кн. *Сумма технологии*).

Андреев К., *Станислав Лем, // Лем С., Магелланово облако*, Москва 1960; *Лем против Лема*, „Литературная газета”, 26.10.1965.

Араб-Оглы Э., *Диалоги с будущим, // Лем С., Избранное*, Москва 1976.

Арбитман Р., *Живём только дважды: заметки о фантастике*, Волгоград 1991.

Бак Д., *Биография непрожитого, или Время жестоких чудес: Фантастика Станислава Лема на рубеже столетий*, „Новый мир” 1996, № 9.

Балабуха А., *Земля это маленький шар?, // В мире фантастики: Сборник литературно-критических статей и очерков*, Москва 1989.

Баландин Р., *Распознавание в природе и природа распознавания*, Минск 1988.

Бардасова Э., *Специфика научной фантастики в литературоведческих дискуссиях 70-90-х годов*, Казань 1993.

Бирюков Б., Широков Ф., *О „Сумме технологии”, об эволюции, о человеке и роботах, о науке... Опыт оценки, // Лем С., Сумма технологии*, Москва 1968.

Борисов В., Гаков В., *Лем Станислав, // Энциклопедия фантастики*, Минск 1995.

Брандис Е., *Научная фантастика и человек в сегодняшнем мире*, „Вопросы литературы” 1977, № 6; *Научная фантастика и художественное познание действительности, // Художественное творчество*, Ленинград 1983.

Брандис Е., Дмитревский В., *Мир будущего в научной фантастике*, Москва 1965.

Бритиков А., *Фантастика, её специфика и действительность, // Советская литература и новый человек*, Ленинград 1967; *Эволюция научной фантастики, // О прогрессе в литературе*, Ле-

нинград 1977; *Научная фантастика, фольклор и мифология*, „Русская литература” 1984, № 3.

Бугров В., *В поисках завтрашнего дня*, Свердловск 1981; *1000 ликов мечты. О фантастике всерьёз и с улыбкой*, Свердловск 1988.

В мире фантастики: Сборник литературно-критических статей и очерков, ред. А.Кузнецов, Москва 1989.

Вайсброт Е., *Станислав Лем и его путешествия в космос*, // *На суше и на море*, Москва 1964.

Воздвиженская А., *Продолжая споры о фантастике*, „Вопросы литературы” 1981, № 8.

Газенко О., Макаров В., Пестов И., *Человечество и космос*, Москва 1987.

Гаков В., *Виток спирали: зарубежная научная фантастика 60-70-х годов*, Москва 1980; *Четыре путешествия на машине времени (Научная фантастика и её предвидения)*, Москва 1983; *Мудрая ересь фантастики*, // *Другое небо*, Москва 1990.

Гей Н., Пискунов В., *Мир, человек, искусство*, Москва 1965.

Герчук Ю., *Архитекторы воздушных замков: Г.Уэллс и С.Лем*, // *Панорама искусств*, Москва 1981.

Горловский А., *Время фантастики*, „Юность” 1967, № 1.

Грицанов А., *Лем*, // *Новейший философский словарь*, Минск 1999; *Солярис*, // *Всемирная энциклопедия: Философия, XX век*, Минск 2002. [Gricanow A., *Hasła „Lem” i „Solaris” z rosyjskich encyklopedii*, „Przegląd Filozoficzno-Literacki” 2009, № 1].

Громова А., *Правда о людях и сказки о роботах*, // *Лем С., Охота на Сэтavra*, Москва 1965.

Гуревич Г., *Беседы о научной фантастике*, Москва 1991.

Дмитревский В., *Прежде всего постараться понять*, // *Лем С., Солярис. Эдем*, Москва 1973.

Днепров А., *Нет, к звёздам!: О романе С.Лема „Возвращение со звёзд”*, „Молодая гвардия” 1965, № 5.

Зоркая Н., „*Солярис*” *Андрея Тарковского*, „Советский экран” 1973, № 5.

Ивашева В., *На пороге XXI века: (НТР и литература)*, Москва 1979.

Каганская М., *Вчерашнее завтра: Книга о русской и нерусской фантастике*, Москва 2004.

Кагарлицкий Ю., *Человек и будущее человечества*, „Иностранная литература” 1967, № 1; *Реализм и фантастика*, „Вопросы литературы” 1971, № 1; *Что такое фантастика?*, Москва 1974 [Kagarlicki J., *Co to jest fantastyka naukowa?*, przeł. K.Malinowski, Warszawa 1977].

Казанцев А., *От планеты смерти до облака мечты*, // Лем С., *Вторжение с Альдебарана*, Москва 1960.

Кантор В., *Цепь чрезвычайных совпадений*, „Литературное обозрение” 1979, № 2.

Кедров К., *Поэтический космос*, Москва 1989.

Клуб любителей фантастики МГУ. От Москвы до Витима..., // *Фантастика-67*, Москва 1968.

Ковтун Е., *Фантастика в эру постмодернизма: русская и восточноевропейская фантастическая проза последней трети XX столетия*, „Славянский вестник” 2004, вып. 2.

Куницын Г., *Общечеловеческое в литературе*, Москва 1980.

Лагин Л., *Дневники звездопроходца*, „Литературная газета” 1962, 10 апр. (рец. на кн. *Звёздные дневники Ийона Тихого*).

Ларин С., *Литература крылатой мечты*, Москва 1961

Левоневский Д., *Станислав Лем в Ленинграде*, „Литература и жизнь”, 23.11.1962.

Ляпунов Б., *Фантастика и жизнь*, „Вопросы литературы” 1959, № 12; *Проектируется грядущее*, „В мире книг” 1969, № 7 (рец. на кн. *Сумма технологии*); *В мире фантастики. Обзор научно-фантастической литературы*, Москва 1975.

Мелешенко Ю., *Техника и закономерности её развития*, Ленинград 1970.

Мельников А., *Актуальная фантастика*, „Иностранная литература” 1958, № 10 (рец. на кн. *Астронавты*).

Михановский В., *Магический кристалл: Заметки о научной фантастике*, // *Сборник научной фантастики*, Москва 1977.

Молчанов Н., *Загадки будущего*, „Литературная газета” 1966, 25 янв.

Молчун М., *Станислав Лем в роли прорицателя*, „Деловой мир” 1992, № 3.

Мошенская Л., *Мир приключений и литература*, „Вопросы литературы” 1982, № 2.

Мышко Д., *Философские аспекты научной фантастики С.Лема*, Москва 1993; „Антифинальная” позиция С.Лема в научно-фантастических романах 60-80-х годов: К проблеме типологии фавулы, „Славяноведение” 1995, № 5.

Никольский С., *Проблема судеб человеческой цивилизации в романе и драме XX в.: Антимилитаристский аспект (на материале славянских литератур)*, // *Славянские литературы: X Международный съезд славистов*, Москва 1988.

Осипов А., *Основы фантаствоведения*, Москва 1989; *Фантастика от „А” до „Я”: (основные понятия и термины). Краткий энциклопедический справочник*, Москва 1999.

Парнов Е., *Короли и конструкторы*, // Лем С., *Непобедимый. Кибериада*, Москва 1967; *Современная научная фантастика*, Москва 1968; *Фантастика в век НТР: Очерки современной научной фантастики*, Москва 1974.

Петрянов-Соколов И., *Три слоя „Маски”*, „Химия и жизнь” 1976, № 8.

Рабинович Г., *Рассказы Станислава Лема*, „Иностранная литература” 1961, № 7 (рец. на кн. *Вторжение с Альдебарана*).

Размахнина В., *Время в романе Ст.Лема „Возвращение со звёзд”*, // *Проблемы генезиса и развития реализма в зарубежной литературе*, Красноярск 1975; *Научно-фантастический роман как модель социальных процессов (К вопр. типологии жанра)*, // *Типология и взаимосвязи в русской и зарубежной литературе*, Красноярск 1977.

Роднянская И., *Перед выбором: Заметки о социальной фантастике*, „Вопросы литературы” 1963, № 7; *Два лица Станислава Лема*, „Новый мир” 1973, № 2.

Рыбалкин М., *О жанровых особенностях научно-фантастического рассказа: (В связи с дискуссиями о научной фантастике)*, „Учёные записки Южно-Сахалинского государственного педагогического института. Кафедра литературы” 1963, т. 4, вып. 1.

Сергеев А., *Лем Станислав*, // *Краткая литературная энциклопедия*, т. 4, Москва 1967.

Смелков Ю., *Гуманизм космической эры*, „Вопросы литературы” 1973, № 11; *Фантастика – о чём она?*, Москва 1974.

Солодовников С., *Роман-предостережение в творчестве Станислава Лема*, Минск 1979.

Степаненко А., *Социокультурные и технические предпосылки искусственного интеллекта*, Ростов-на-Дону 2005.

Степновская Т., *Научная фантастика как вид фантастической литературы*, Ростов-на-Дону 1985.

Тимошенко Т., *Научная фантастика как социокультурный феномен*, Ростов-на-Дону 2003.

Титов Г., *Пути к неизведанному*, // Лем С., *Возвращение со звёзд. Звёздные дневники*, Москва 1965.

Токмянина С., *Станислав Лем как фантаст, футуролог, философ науки*, „Наука Урала” 2007, № 8.

Урбан А., *Фантастика и наш мир*, Ленинград 1972.

Файнбург З., *В поисках формулы человеческого...*, // Лем С., *Навигатор Пиркс. Голос Неба*, Москва 1970.

Фетисова А., *Научная фантастика в условиях модерна и пост-модерна: культурно-исторические аспекты*, Ростов-на-Дону 2008.

Фрумкин К., *Философия и психология фантастики*, Москва 2004.

Харитонов Е., *Наука о фантастическом: Библиографический справочник*, Москва 2001.

Харитонов М., *Человек и технология*, „Иностранная литература” 1969, № 10 (рец. на кн. Сумма технологии)

Хренов Н., *Открытие космического чувства (А.Тарковский экранизирует С.Лема)*, // *Искусство и точные науки*, Москва 1979.

Человек, космос, творчество: История и современность, Москва 1992.

Чёрная Н., *В мире мечты и предвидения. Научная фантастика, её проблемы и художественные возможности*, Киев 1972.

Чернышёва Т., *Фантастика и современное натурфилософское мифотворчество*, // *Художественное творчество*, Ленинград 1983; *Природа фантастики*, Иркутск 1985.

Шалашова З., *Мир будущего в художественной литературе, // Контуры грядущего*, Москва 1970.

Шуткевич В., *Станислав Лем: Глупость как движущая сила истории. Фантаст о Реальности*, „Комсомольская правда” 1991, 26 февр.

Энциклопедия фантастики, ред. Вл.Гаков, Минск 1995.

Arndt H., *Stanisław Lems Prognose des Epochenendes*, Darmstadt 2000.

Balcerzak E., *Stanisław Lem*, Warszawa 1973.

Bereś S., *Tako rzecze... Lem. Ze Stanisławem Lemem rozmawia Stanisław Bereś*, Kraków 2002 [*Так говорил... Лем. Беседы со Станиславом Лемом*, Москва 2006].

Dajnowski M., *Między uniformizacją a płynnością formy. Postać groteskowa w prozie Lema jako vehiculum myśli filozoficzno-społecznej*, „Przegląd Filozoficzno-Literacki” 2009, № 1.

Davis J., *Stanisław Lem. A Reader's Guide*, Starmont, Mercer Island 1990.

Engel P., *An Interview with Stanisław Lem*, „The Missouri Review” 1984, vol. 7, № 2.

Fiałkowski T. *Świat na krawędzi*, Kraków 2001.

Graefrath B., *Lems Golem. Parerga und Paralipomena*, Frankfurt am Main 1996; *Es fällt nicht leichen, ein Gott zu sein. Ethik für Weltenschöpfer von Leibniz bis Lem*, München 1998; *Lem Stanisław, // Grosse Werke Lexicon der Philosophie*, Stuttgart 1999.

Handke R., *Ze Stanisławem Lemem na szlakach fantastyki naukowej*, Warszawa 1991.

Heller M., *Pan Lem i profesor Hogarth*, „Znak” 1971, № 2.

Jarzębski J., *Zufall und Ordnung. Zum Werk Stanisław Lems*, Frankfurt am Main 1986; *Bóg ateistów: Schulz, Gombrowicz, Lem*, „Znak” 1997, № 2; *Wszystkie światy Lema*, Kraków 2003; *Lem Stanisław, // Wielka Encyklopedia PWN*, t. 15. Warszawa 2003.

Jaźniewicz W., *Fenomen Stanisława Lema w świecie rosyjskojęzycznym*, „Odra” 2007, № 11 [Язневич В., *Станислав Лем в русскоязычном мире*, „Новая Польша” 2008, № 5]; *Rosyjskojęzyczne publikacje Stanisława Lema*, „Przegląd Filozoficzno-Literacki” 2009, № 1.

Jesiólkowski J., *Czy Stanisław Lem wielkim filozofem jest?*, „Przegląd Artystyczno-Literacki” 2001, № 6.

Kandel M., *The cosmic carnival of Stanisław Lem*, New York 1981.

Kasprzyk K., *Stanisław Lem: bibliography*, Kraków 1999.

Keller L., *Visions of the Future in the Writings of Stanisław Lem*, Melbourne 2002.

Krywak P., *Fantastyka Lema: droga do „Fiaska”*, Kraków 1994.

Lem i tłumacze, red. E. Skibińska, J. Rzeszutnik, Kraków 2010.

Lem T., *Awantury na tle powszechnego ciężenia*, Kraków 2009.

Lem w oczach krytyki światowej, red. J. Jarzębski, Kraków 1989.

Leś M., *Stanisław Lem wobec utopii*, Białystok 1998.

Lichański J., *Stanisław Lem – filozofi pisarz (dyskusja z lemologami)*, „Przegląd Humanistyczny” 2000, № 3.

Maciąg W., *To już nie powieść*, „Twórczość” 1969, № 7.

Majewski P., *Międzyzwierzęciem a maszyną. Utopia technologiczna Stanisława Lema*, Wrocław 2007; *Lem fantastyczny czy makabryczny? O możliwym źródle pisarstwa nie-realistycznego*, „Przegląd Filozoficzno-Literacki” 2009, № 1.

Michera W., *Piękna jako bestia. Przyczynek do teorii obrazu*, Warszawa 2010.

Myszko D., *Filozoficzne problemy relacji „szłowiek – maszyna” w science fiction. (W oparciu o twórczość Stanisława Lema)*, // *Od strony Kresów. Studia i szkice*, red. H. Bursztyńska, T. Budrewicz, S. Musijenko, Kraków 1994.

Niewiadowski A., Smuszkiewicz A., *Leksykon polskiej literatury fantastyczno-naukowej*, Poznań 1990.

Nusser P., *Stanisław Lems roman „Der Unbesiegbare” im Vergleich mit trivialer S.F.*, „Der Deutschunterricht” 1984, № 2.

Okołowski P., *Stanisław Lem*, // *Polska filozofia powojenna*, red. W. Mackiewicz, t. 3, Warszawa 2005; *Filozofia Lema*, „Odra” 2007, № 4; *Materia i wartości. Neolukrecjanizm Stanisława Lema*, Warszawa 2010.

Oramus M., *Bogowie Lema*, Poznań 2007.

Orliński W., *Co to są sepulki? Wszystko o Lemie*, Kraków 2007.

Pięta I., *Problemy intertekstualnego obrazowania w wybranych powieściach fantastyczno-naukowych Stanisława Lema*, Toruń 2002.

Plaza M., *O poznaniu w twórczości Stanisława Lema*, Wrocław 2006; *Lem i Poe czyli o pewnej dalekiej przyjaźni*, „Przegląd Filozoficzno-Literacki” 2009, № 1.

Scheck F., *Stanisław Lem, ein moderner Revisionist. Auseinandersetzungen*, Essen 1974.

Smuszkiewicz A., *Stanisław Lem*, Poznań 1995.

Stanisław Lem. Pisarz, myśliciel, człowiek (Summa Lemologiae), red. J.Jarzębski, A.Sulikowski, Kraków 2003.

Stoff A., *Stanisława Lema dialog z czytelnikami*, „Przegląd Humanistyczny” 1977, № 6; *Powieści fantastyczno-naukowe Stanisława Lema*, Warszawa 1983.

Sulikowski R., „*Stanisław Lem – pisarz, myśliciel i filozof*”: *międzynarodowa konferencja w Krakowie (15-17 listopada 1999)*, „Ruch Literacki” 2000, № 4.

Suvin D., *Lem Stanisław, // The Encyclopedia of Science Fiction*, ed. J.Clute, N.Nicholls, London 1994.

Szpakowska M., *Dyskusje ze Stanisławem Lemem*, Warszawa 1996.

Über Stanisław Lem, hg. W.Berthel, Frankfurt am Main 1981.

Wasilewski A., *Kultura, technologia, literatura. Stanisław Lem o kryzysie kulturowym*, „Przegląd Filozoficzno-Literacki” 2009, № 1.

Wawrzyniak W., *Humanistyczny wymiar fantastyki Stanisława Lema*, „Polonistyka” 1983, № 6.

Wydmuch M., *Lem, czyli Kopernik w podejrzanym kosmosie*, „Literatura na Świecie” 1974, № 7.

Zgorzelski A., *Fantastyka. Utopia. Science fiction. Ze studiów nad rozwojem gatunków*, Warszawa 1980.

Ziegfield R., *Stanisław Lem*, New York 1985.

Павел Околовский, Виктор Язневич, Януш Добешевский

Леонид Ашкинази

Тот мир – Станислав Лем

Любая книга – кабель между мозгом автора и мозгом читателя. Кабель с двумя разъёмами, они же коннекторы, на концах – способностью сформулировать и способностью понять. Не протёртые с утра (известно чем) контакты барахлят. Искрят! – гордо говорят неряхи, намекая на немереный ток и свою индуктивность. Вдобавок Интернет выдрал из кабеля диод, и любой идиот или тролль на жалованье может автору направить в обратном направлении своё мнение о его умственных способностях.

У автора же перед органами восприятия был огромный мир, и читателю с рецензентом тот мир тоже может быть интересен. Правда, один автор надул щёки и сообщил, что его стих не зеркало, а телескоп. Но у него – да и у многих других – то ли зеркало было кривое, то ли бинокль перевёрнутый, то ли по проплаченности, то ли по необъективности. А тут рецензент со своей блажью: написать и о том мире, и о том кабеле содержательно и интересно, благо автор нам не чужой, а уж как не чужой нам тот мир, о ком он пишет! Тот мир – Станислав Лем.

Итак, Виктор Язневич, «Станислав Лем».

Редакция с удовлетворением отмечает: и мы его читаем, и наши читатели его читают, и мы несколько раз имели удовольствие публиковать Лема, в том числе и в переводе Язневича. Данная книга вышла в серии «Мыслители XX столетия» (Минск, 2014) и посвящена в основном проблеме «философ Лем или писатель?». Мне кажется, что проблемы здесь нет – читай и наслаждайся, – поэтому, может быть, мне удастся быть объективным.

Сначала о формальном. В книге, как это и должно быть, приведена биография Лема, причём со множеством неизвестных нам

ранее деталей – например, о его некотором участии в политике, антифашистской и антисоветской. Но главное в биографии, предложенной нашему вниманию, – подробное описание именно не только литературной, но и философской стороны его деятельности, в частности его не слишком удачные контакты с философским истеблишментом. Причина этого проста: как пишет сам Лем, «в жизни и работе я был котом, который ходит собственными тропами... появлялся в различных удивительных областях, от кибернетической социологии и философии до вымышленной критики несуществующих романов и до science fiction, везде был пришельцем со стороны, которого чаще, чем признание, приветствовало восхищение читателей – наиболее разумное, ибо во всех темах, которые затрагивал, и жанрах, в которых творил, был одиночкой и самозванцем».

Дело, однако, не только в этом. Во-первых, в каждой области есть свой принятый стиль. А пан Станислав и свою литературу не всегда писал чисто литературно – что, кстати, очевидно, сужало круг читателей, – и свою философию писал не совсем тем языком, к которому привычны философы. Причём в некоторых его литературных произведениях есть просто философские вставки, но есть и «растворённое». Понятно, что это (как и любая особенность стиля), если говорить гуманитарным языком, поляризует читателей. А если говорить физико-техническим, то функция распределения читателей по оценкам делается бимодальной и дисперсия каждой моды убывает. Отсюда мораль: спрашивать читателей об отношении к авторам и произведениям надо в более дробной шкале, чем это обычно делается, и, скорее всего, шкала должна быть двухступенчатая. Из личного опыта – работы по социологии, написанные физиком и технарём,

принимаются высококлассными социологами с интересом, но с ворчанием. Один раз в прошлом году чуть не убили.

Есть и ещё две мелкие причины для не слишком быстрого и лёгкого признания Лема как философа – IQ 180 и, судя по некоторым признакам, не всегда гуманное отношение к туповатому собеседнику. Я слегка исследовал вопрос: собеседник, чей IQ превышает ваш на 20, воспринимается как быстро схватывающий, в обратном случае – как заметно не выспавшийся. Представьте, как действует разница на две-три ступени большая... А вот цитата из Лема, хорошо иллюстрирующая его некую размашистость в суждениях. «Моя литература, несмотря на то, какова её художественная ценность, обычно в себе содержит некую старательно упакованную Мысль, которой у других не наблюдается, то есть является оригинальной интеллектуально, и поэтому также *nota bene* обычно наталкивается на сильное сопротивление именно интеллектуалов, которые, стыдно сказать, обычно ужасно не суверенны в своем интеллектуализме и не знают, бедняжки, что Мысль – это не то же самое, что Мода (в данном случае Мода на определенный Фасон Мысли)». Понятно, что установлению дружеских контактов такая реакция способствовала не всегда.

Книга Виктора Язневича содержит великолепный конспект философских взглядов Лема, и поэтому я знаю, у кого она – в виде файла, когда её слямзят и выложат в Сеть, – будет безумно популярна: на сайтах, предлагающих рефераты. Следует ожидать «вспышки интереса» к философии Лема – особенно во время зачётной сессии, когда стон стоит над городом и дымятся лазерники, выпекая «рефераты». Интересен также раздел, в котором собраны мнения Лема о многих философах. Рискую слегка обидеть автора книги, замечу, что он будет популярен и у тех, кто, согласно анекдоту, «не читал Фейербаха», – например, мне читать было интересно.

В заключение зададим два вопроса: надо ли эту книгу читать и если да – то когда: до Лема, одновременно или после него? Ответ прост: да, читать, и лучше после. Почему читать – понятно: потому что интересно и полезно. А почему после? Ответ прост и здесь – чтобы при чтении самого Лема не только мурлыкать от удовольствия, но и нейронами работать.

В.И.Язневич

Каюсь!

В книге «Язневич В.И. Станислав Лем. – Минск: Книжный Дом, 2014, 448 с.» на стр. 90, к величайшему сожалению, содержится информация, не соответствующая действительности.

Из книги следует удалить два предложения: «В Москву Лем в последний раз приезжал весной 1996 года на презентацию своих книг, впервые изданных в России с соблюдением всех авторских прав. На встрече с читателями он говорил: “Я рад, меня тут хорошо знают и любят. Жаль только, мои книги столько лет издавались пиратским способом, в вашей стране всем было наплевать на авторские права”».

Эту информацию я поместил в книгу, взяв за основу статью Георгия Иванова (см. http://www.peoples.ru/art/literature/prose/fantasy/stanislav_lem/history2.html), в которой имеются высказывания Владимира Борисова и Константина Душенко, будто бы данные автору статьи. Я посчитал, что информацию о приезде Станислава Лема в Москву автор статьи получил от Душенко, который в то время был основным переводчиком Лема, к тому же в статье приводятся подробности будто бы от очевидца («В прохладную погоду писатель был одет очень легко и немного старомодно: рубашка, жилетка, шейный платок. Лем никуда не торопился. Для каждого, кто хотел с ним пообщаться или просто подписать книгу, находил хотя бы пару слов», приведена прямая речь Лема), которые убедили меня в реальности события. Поэтому эту информацию я не перепроверил, посчитав, что текст согласован с высказывающимися лицами. Как оказывается, зря не проверил... В 1996 г. Лем в Москву не приезжал, а автор ни Борисова, ни Душенко не спрашивал, а надёргал информацию из разных мест, кое-что добавив от себя... Именно так и рождаются мифы... Каюсь...

Дмитрий Володихин

Три Солярис

Более полувека назад вышел роман Станислава Лема «Солярис» (1961). Весьма быстро он обрёл славу одного из сильнейших в мировой научной фантастике XX века. К нашему времени роман получил статус классики НФ. «Машина времени» Уэллса, «20.000 лье под водой» Верна, «Туманность Андромеды» Ефремова и «Солярис» Лема стоят в одном ряду.

Роман польского фантаста получил кинотрактовки от двух персон, не менее известных, чем сам пан Станислав. Но философская основа у книги и экранизаций принципиально разная... Можно сказать, кричаще разная.

Роман холодноват, рассудочен. Тексты Лема вообще похожи на северное сияние: они наполнены яркими играми рациональности, пёстрыми ярмарками разума, пронизывающего всё и вся... Но это свет не греющий, тепла в нём нет. Чувства персонажей Лема, как правило, приглушены, уведены на второй план по сравнению с интеллектуальными конструкциями, со сферой идей. Лем в лучших своих вещах – холодное пламя. «Солярис» не составляет исключения.

Центральная тема книга – возможности человеческого разума и границы его познавательной способности. А поскольку в те времена, когда создавался роман, наука являлась главным инструментом познания – как, собственно, и в наши дни – то «Солярис» наполнен размышлениями о пределах, через которые наука перейти не способна.

В романе специальная дисциплина «соляристика» представляет собой удачный эвфемизм понятию «наука» в целом. То, что говорится о соляристике, говорится о науке вообще. В одном месте Лем прямо об этом сообщает: «Для многих, однако, особенно молодых, “афера” [соляристики]... постепенно становилась чем-то вроде пробного камня собственной ценности. “В сущности, – говорили они, – речь идёт о ставке гораздо большей, чем изучение соляристи-

ческой цивилизации, речь идёт о нас самих, о границе человеческого познания”».

Сюжетно роман построен на отношениях между сверхсложной структурой – океаном на планете Солярис – и людьми. Что собой представляет этот океан, Лем не определяет точно. Автор лишь устами главного героя, Криса Кельвина, знакомит читателя с несколькими теориями, высказанными на сей счёт.

«Физики, а не биологи выдвинули парадоксальную формулировку “плазменная машина”, имея в виду существо, в нашем понимании, возможно, и нежи-

вое, но способное к целенаправленным действиям в астрономическом масштабе. В этом споре, который, как вихрь, втянул в течение нескольких недель все выдающиеся авторитеты, доктрина Гамова – Шепли пошатнулась впервые за восемьдесят лет... Некоторое время её ещё пытались защищать, утверждая, что океан ничего общего с жизнью не имеет, что он даже не является образованием пара- или пребиологическим, а всего лишь геологической формацией, по всей вероятности, необычной, но способной лишь к стабилизации орбиты Соляриса посредством изменения силы тяжести: при этом ссылались на закон Ле Шателье... Наперекор консерватизму появлялись другие гипотезы (например, одна из наиболее разработанных, гипотеза Чивита-Витты). Согласно этим гипотезам океан является результатом диалектического развития: от своего первоначального состояния, от праокеана – раствора слабо реагирующих химических веществ он сумел под влиянием внешних условий (то есть угрожающих его существованию изменений орбиты), минуя все земные ступени развития, минуя образование одно- и многоклеточных организмов, эволюцию растений и животных, перепрыгнуть сразу в стадию “гомеостатического” океана. Иначе говоря, – он не приспособ-

саблывался, как земные организмы, в течение сотен миллионов лет к условиям среды, чтобы только через такое длительное время дать начало разумной расе, но стал хозяином среды сразу же... Всё это происходило за много лет до моего рождения. Когда я ходил в школу, Солярис в связи с установленными позднее фактами был признан планетой, которая наделена жизнью, но имеет только одного жителя... Океан – источник электрических, магнитных, гравитационных импульсов – говорил как бы языком математики; некоторые типы его электрических разрядов можно было классифицировать, пользуясь наиболее абстрактными методами земного анализа, теории множеств, удалось выделить гомологи структур, известных из того раздела физики, который занимается выяснением взаимосвязи энергии и материи, конечных и бесконечных величин, частиц и полей. Всё это склоняло учёных к выводу, что перед ними мыслящее существо, что-то вроде гигантски разросшегося, покрывшего целую планету протоплазменного моря-мозга, которое тратит время на неестественные по своему размаху теоретические исследования сути всего существующего».

Солярис – громадный, опасный, чрезвычайно интересный объект изучения. Орды учёных пытались так или иначе раскодировать его загадки, определить его сущность. Однако вместо единого твёрдого мнения получился букет разнообразных, противоречащих друг другу трактовок. Мало того, сама соляристика расплзлась на ветви и сферы, мало связанные друг с другом.

Кельвин вынужден констатировать: «Исследователей и теорий были легионы. Впрочем, кроме “установления контакта” существовали и другие проблемы... Были отрасли соляристики, в которых специализация зашла так далеко, особенно на протяжении последней четверти столетия, что солярист-кибернетик почти не мог понять соляриста-симметриадолога. “Как можете вы понять океан, если уже не в состоянии понять друг друга?” – спросил однажды шутивно Вейбек, который был в мои студенческие годы директором Института. В этой шутке было много правды». И, далее, в другом месте: «Соляристика оказалась загнанной во всё более разветвляющийся, полный тупиков лабиринт. В атмосфере всеобщего равнодушия, застоя и обескураженности другой, бесплодный, никому не нужный бумажный океан сопутствовал океану Соляриса».

Суть этой ситуации следует соотнести не с фантастической соляристикой, а со вполне реальной земной наукой середины XX века. Это она до такой степени разветвилась в своём стремлении познать мир, что абсолютно утратила единство и начала испытывать ощущение тупика. Для Лема, влюблённого в науку, это весьма значимый и, в какой-то степени, болезненный момент.

Итог: соляристика вроде бы «проиграла сражение». Она не дала ответов на самые крупные, основополагающие вопросы о том, что такое Солярис. Так не пора ли сократить дотации на неё? Если перевести это на язык земной реальности, то станет ясно: Лем беспокоится об утрате наукой авторитета, о том, что менеджмент уже не склонен давать новые деньги на её развитие, если не видит прямых ответов, очевидной практической пользы.

И читается в этом трагедия, затаённая боль автора.

Океан порой интерпретируется как Бог, дьявол, йог, дебил... Первая и вторая трактовки ставят на повестку дня метафизику, т.е. уже не вполне науку, если не сказать вполне не-науку. Для автора подобный поворот событий – ещё одна разновидность поражения.

Лем подвергает соляристов, в том числе главного героя, страшным испытаниям. Люди изучают и осваивают окружающий мир (в данном конкретном случае – Солярис), а мир-Солярис осваивает их. Он может вторгнуться в человеческое сознание, задеть там самое важное, самое святое, самое кошмарное. Столкновение Кельвина с копией его давно умершей жены и представляет собой пример такого вторжения; их любовные игры некрасивы, жутковаты. Мир-Солярис может убить или довести до самоубийства. Мир-Солярис может поставить перед человеком чудовищные препятствия. А у человека есть всего лишь одно орудие защиты и понимания – наука. Притом орудие, как уже говорилось выше, несовершенное, дающее сбои, знающее поражения.

Но... человеку нужен космос. Человеку нужно познание окружающего мира. Лем в этом уверен. Он позволяет персонажам мысли об отступлении и даже об уничтожении непознанного, непонятого. Однако в конечном итоге автор заставляет людей двигаться вперёд, используя столь несовершенное орудие, не сдаваться и не трусить, какие бы тяготы и кошмары ни ждали их на пути познания. А если они попадают в нечеловеческие обстоятельства, то – Лем подчёрки-

вает это! – им следует вести себя вне человеческой морали. Космос её не знает, не понимает. Общаясь с ним, познавая его, полагает Лем, надо оставить мораль, выработанную людьми, забыть о ней.

В романе «Солярис» не столь уж важна любовь Кельвина и его «ожившей» супруги Хари. И даже контакт с великим океаном не столь уж важен. Напрасно столь большое значение придают словам, прозвучавшим в романе о контакте: «Мы отправляемся в космос приготовленные ко всему, то есть к одиночеству, борьбе, страданиям и смерти. Из скромности мы не говорим этого вслух, но думаем про себя, что мы великолепны. А на самом деле, на самом деле это не всё и наша готовность оказывается недостаточной. Мы вовсе не хотим завоёвывать космос, хотим только расширить Землю до его границ. Одни планеты пустынно, как Сахара, другие покрыты льдом, как полюс, или жарки, как бразильские джунгли. Мы гуманны, благородны, мы не хотим покорять другие расы, хотим только передать им наши ценности и взамен принять их наследство. Мы считаем себя рыцарями святого Контакта. Это вторая ложь. Не ищем никого, кроме людей. Не нужно нам других миров. Нам нужно зеркало. Мы не знаем, что делать с иными мирами. Достаточно одного этого, и он-то нас уже угнетает. Мы хотим найти собственный, идеализированный образ, это должны быть миры с цивилизацией более совершенной, чем наша. В других надеемся найти изображение нашего примитивного прошлого, в то же время по ту сторону есть что-то, чего мы не принимаем, от чего защищаемся. А ведь мы принесли с Земли не только дистиллят добродетели, героический монумент Человека! Прилетели сюда такие, какие есть в действительности, и когда другая сторона показывает нам эту действительность – не можем с этим примириться». Это – частность. Подсказка читателям. Лем, насколько можно понять из романа, в принципе не очень интересуется проблемой контакта. Контакт, всё-таки налаженный с такими мучениями, у него – пример успеха человечества, идущего по пути познания, не считая потерь, точно так же, как сумасшедшая любовь человека и человековидной куклы – пример труднопреодолимого барьера на этом пути.

Правильное отношение человека к вселенной высказано соляристом Снаутом, который даёт совет Кельвину: «Владей собой... Будь готов ко всему. Это невозможно, я знаю. Но ты попробуй. Это

единственный выход. Другого я не знаю». В познании мира нужно владеть собой и быть готовым ко всему, хотя это и невозможно. Но ведь ещё более невозможно – остановиться. Космос – нужен! Познание – нужно! Потери – неизбежны. «Кто вы такой – учёный или жалкий трус?!», – кричит на соляриста Сарториуса Кельвин. Вот пафос романа, вот сумма философии Лема, высказанной в этой книге.

Менее известен текст Лема, посвящённый, в сущности, той же теме – «Расследование» (1958). Тайны жизни и смерти исследованы там с помощью современной криминалистики профессионалами своего дела, и... профессионалы вынуждены опустить руки. В нашем мире, на Земле, есть нечто, их знаниям и навыкам не поддающееся. Притом непонятно, до какой степени это самое «нечто» вообще может быть расшифровано когда-нибудь – через десять лет, пятьдесят, сто...

«Расследование» по сути своей пессимистично. Не столько следствие потерпело поражение, сколько наука, знания людей. «Солярис» несёт в себе оптимизм: да, трудно, но продвижение всё-таки возможно.

По мотивам романа появились три экранизации – телеспектакль Бориса Ниренбурга, фильмы Андрея Тарковского и Стивена Содерберга, а также спектакль Дэвида Гласса и балет Сергея Жукова¹. Но внимание зрителей было приковано только к двум продолжениям «Соляриса», а именно работам Тарковского и Содерберга. На них и сосредоточимся.

Фильм «Солярис» Андрея Тарковского (1972), где Кельвина играет Донатас Банионис, одновременно сужает и расширяет философское поле Соляриса.

Сужает – в том смысле, что наука, познание, освоение космоса Тарковского не особенно интересуют. Режиссёр сохраняет приличествующий научный «каркас» (гораздо больше, чем сохранит его

¹ Повесть «Отель для троглодита» Я.Верова, И.Минакова можно в какой-то степени считать продолжением художественной соляристики. Притом продолжением, благожелательным по отношению к версии Тарковского с её усиленным вниманием к личности человека, его разуму, его духовным основам.

в «Сталкере» по отношению к литературному оригиналу – повести братьев Стругацких «Пикник на обочине»). Тарковский даже чуть-чуть полемизирует с Лемом. Один из персонажей фильма выражает уверенность, что познания вне морали быть не должно, это неправильно. Но философское наполнение картины, по большей части, не связано с философским наполнением романа.

Тарковский, отталкиваясь от Лема, говорил о своём.

Кинематографист представил мир как сочетание вечного и временного.

Вечное создано до человека и существует помимо его воли. Человек способен испортить часть вечного или улучшить, но чаще всего он скользит по кромке вечности как наблюдатель. Вечное – прекрасное творение Бога. Человек может обрести его в природе и в других людях, поскольку они представляют собой такое же творение Бога. Вечное – движения водорослей в речной воде у дома родителей Кельвина. Это движение главный герой созерцает с тихой радостью, стараясь хорошенько запомнить, унести с собой в космос.

Временное – сфера творчества человека. Он может помыслить себя, свою жизнь и смерть, мир, других людей. Он наделён мощной творческой способностью. Однако то, что он создаёт, имеет короткий век. Города, техника, бытовые предметы – временное. Человек живёт во временном и во временном же он себя проявляет. Чаще всего эти его проявления скверны.

Отсюда – дикий, омерзительный хаос на станции «Солярис». Он был и у Лема, играл в романе роль декорации. Но Тарковский придаёт ему гораздо большее значение, а потому постоянно подчёркивает его, акцентирует. Там искрит проводка, здесь разбросано какое-то нелепое барахло, тут перекошена техническая колонка... В «Сталкере», кстати, бесконечные виды убитых промышленностью и транспортом ландшафтов, унылой заводчины, шприцев, валяющихся на кафельном полу, – всё та же манифестация временного, безобразного, сотворённого человеком.

Красива на станции «Солярис» одна лишь комната психологической разгрузки. Там нет хаоса, там гармония. Почему?

Потому что человек может приобщиться к вечному, т.е. имеющему божественное происхождение, не только через созерцание природы, но и через со-творчество с Богом. Например, создавая вы-

сокие образцы живописи (они представлены полотнами Брейгеля, где вечное и временное существуют в нераздельном единстве), хорошие книги, музыку, способную трогать души. И всё это сконцентрировано в комнате психологической разгрузки, которая в фильме заменила узкоспециализированную библиотеку из романа.

Но вернее всего человек может приблизиться к вечному, приблизиться к духу божественного Изначалья, общаясь с другими людьми.

Он наделён свободой воли, а потому... имеет возможность пакостничать. Человек легко проявляет раздражение, себялюбие, жестокость. Собственно, Крис Кельвин этим и занимается – по отношению к собственному отцу, к жене, к пилоту Бертону.

Но ведь точно так же человек способен проявить себя в высокой жертвенной любви. Или, например, в верной дружбе. Или, хотя бы, в ласковом отношении к близким. И, конечно, в покаянии с последующим «исправлением ума».

Образцы всех подобных движений души на экране так или иначе явлены. В центре внимания, разумеется, история Кельвина. Экстремальная ситуация на станции «Солярис» («воскрешение» жены Криса, Хари) даёт ему шанс понять собственную испорченность, в какой-то степени измениться. Прежде всего – подняться до высот истинной любви. Он испытывает стыд в отношении прежней своей чёрствости, и чувство стыда – спасительно. Не напрасно в картине звучит фраза, абсолютно не нужная в рамках романа, но для фильма – ключевая: «Стыд спасёт человечество». И не напрасно фильм заканчивается сценой, в которой Кельвин припадает к ногам отца в позе рембрандтовского блудного сына.

Человек может спастись. Хотя бы через стыд и последующее проявление добрых чувств к ближним. Иначе говоря, через нравственное очищение. Поэтому вторая ключевая фраза фильма звучит так: «Человеку космос не нужен, человеку нужен другой человек». Другой человек – возможность приближения к вечному. Другой человек – великий дар. Надо только уметь им воспользоваться...

Как пишет Юлия Анохина, «...введение в визуальную, звуковую и смысловую канву фильма религиозных аллюзий (притча о блудном сыне, *Pietà* Микеланджело, фа-минорная Хоральная прелюдия И.С.Баха, в основе которой лежит протестантская молит-

ва) – всего того, что С.Лем, убеждённый материалист и атеист, не мог принять, – создаёт неповторимое и оригинальное произведение, независимое от первоисточника и равноценное ему. Неслучайно с тех пор, как фильм вышел на экраны, рассуждения о романе Лема не обходятся без упоминания фильма Тарковского». Религиозная направленность обстановки прямо подчёркнута появлением иконы Андрея Рублёва «Троица» в кадре.

«Солярис» Тарковского представляет собой религиозно-этический трактат, переложенный на язык кино. Притом трактат отчётливо христианский.

Фильм «Солярис» Стивена Содерберга (2002) с Джорджем Клуни в главной роли – камерная постановка. Картина ни в коей мере не расширяет философское поле романа, как было у Тарковского. Только сужает. Она сфокусирована на единственной теме – теме любви.

Собственно, под относительно тонким слоем Лема обнаруживается истинный источник вдохновения – стихи валлийского поэта-романтика Томаса Дилана «И безвластна смерть остаётся». Эти стихи звучат на экране и задают тон всему фильму. Любовь способна восторжествовать над смертью, и для любви телесная оболочка людей не важна. Хари (в фильме Содерберга – Рея) давно мертва. Гибнет по сюжету фильма и Кельвин: Солярис воспроизводит его как нечто, не имеющее человеческой физиологии. Но любовь сохраняется: для неё, по мысли режиссера, кости и мышцы не нужны.

Смысл этой идеи, правду сказать, несколько нечеловеческий: любовь – больше чем люди, она может существовать вне людей, без людей. Она представляет собой что-то космическое. Некую энергию, существующую помимо копошения «белковых тел» на планете Земля...

Если о «Солярисе» Тарковского Лем высказался критически, то на «Солярис» Содерберга польский фантаст просто спустил всех собак: «Я не предполагал, что этот болван, извините, режиссёр, выкроит из этого какую-то любовь, что меня раздражает. Любовь в космосе интересует меня в наименьшей степени. Ради Бога, это был только фон. Но я всё-таки человек достаточно воспитанный. Поэтому не набросился на этого Содерберга, это не имеет смысла».

Содерберг очень далеко ушёл от литературного оригинала, дальше Тарковского. Он попытался сотворить прекрасную сказку о неуничтожимости любви, поставленную в космических декорациях. Лема всего лишь дал ему предлог для создания картины, дал эти самые декорации, не более того.

Эксперимент, конечно, смелый, но людей, т.е. в данном случае зрителей, любовь вне-человеческая, видимо, разочаровала. 47 млн. долларов бюджета дали 30 млн. долларов проката.

Холодные, наполненные суетой «человеяники» Содерберга, городская среда, в которой знакомятся и живут Кельвин и Рея, безобразны; режиссёр оторвал от этой среды любовь, ему, как видно, захотелось прокричать: «Она не умерла в этой серой унылой купели, она способна жить безо всяких купелей!» Что ж, прокричал. Но итог вышел сомнительный: кому из нас нужна любовь, которая в нас не нуждается? Не то худо, что Содерберг мало оставил от Лема, а то, что его собственная философская начинка «Соляриса» непривлекательна. Космос, сверхнизкие температуры... надежда и тепло в таких условиях не живут.

Итог: три «Солярис» – вроде басенных лебедя, рака и щуки. Они устремлены в разные стороны. Не то чтобы противоречили друг другу, а именно разнонаправлены. Это и понятно: три произведения порождены тремя разными мировидениями. Роман Лема принадлежит мировидению чистого материализма, рационализма и мало не сциентизма. Фильм Содерберга представляет вариант западного рационального мировоззрения, отягощённого прививкой восточных учений о «тонких энергиях», пронизывающих космос, о неком вселенском сознании, которое «думает людей». А картина Тарковского несёт очевидные следы христианства, поданного в неортодоксальной версии русской интеллигенции.

Итак, они не противоречат друг другу прямо. Но всё же они несовместимы и непримиримы. Они представляют собой выбор, и выбрав нечто одно, уже невозможно оказаться сторонником и второго, и третьего. Для этого просто не останется места.

Е.А. Смердова

Так творятся миры: лингвистические эксперименты Станислава Лема

В гуманитарных исследованиях начала XXI века имя Станислава Лема прочно ассоциируется уже не только с жанром фантастического романа [Бак 1996; Бразговская 2006; Фантастика...2009; Bereś 2010; Jarzębski 2012a; Jarzębski 2012b; Jarzębski 2012c], но и с футурологией, теорией информации, проблемами искусственного интеллекта [Jeśólkowski 2002]. Менее известен Лем как автор междисциплинарной теории интерпретации текста [Лем 2007]. «Белое пятно» в лемоведении –

это его работы по проблемам философии языка и общей семиотики. Язык как когнитивный инструмент, система естественных и искусственных языков человечества, языки общения человека и компьютера – это вопросы, которые Лем считал важнейшими для развития как самого человека, так и науки будущего. Проблемы философии языка – это предмет не только ряда теоретических работ Лема [Лем 2004; Лем 2007]. Размышления о языке как «творящем конструкторе» обнаруживаются также на страницах его романов.

В рамках этой статьи мы обращаемся к вопросам лингвистического конструирования. Речь пойдёт об особом виде языковой игры, которую очень любил Лем: создании «неологизмов», которые он на-

меренно оставлял в тексте без объяснения их значения. Одна из первых работ в этой области – диссертация М. Краевской [Krajewska 2003], в качестве приложения к своей работе опубликовавшей словарь неологизмов Станислава Лема. В отличие от М. Краевской, нас интересует не только собственно лингвистический, но также лингвофилософский и семиотический аспекты этой проблемы. В частности, речь пойдёт о цели создания знаков без референтов и условиях их вероятностной интерпретации, о том, как такими знаками определяется характер возможных миров Станислава Лема.

Анализ проводится на материале «Звёздных дневников» Станислава Лема [Lem 1982; Lem 2012]. Одновременно используются его теоретические работы о языке фантастики [Лем 2006; Лем 2007], проблемах искусственного интеллекта, вероятностного анализа языка, креативного потенциала языковых систем [Лем 2004].

«Звёздные дневники» – это космологическая эпопея космонавта Ийона Тихого, оформленная в виде дневниковых записей. Тихий посещает множество планет, знакомится с представителями инопланетных цивилизаций. «Звёздные дневники» можно назвать также философскими повестями, критическими заметками, социологическим и футурологическим исследованием.

Одновременно этот текст – лингвистическая экспериментальная площадка, где автор выявляет креативные возможности языка, создавая слова для обозначения несуществующих (фиктивных) объектов. В «Звёздных дневниках» нами выделено 230 знаков, отсутствующих в словаре польского или какого-либо другого языка. Применительно к ним мы условно используем понятие *нереферентный знак*, имея в виду следующее. Лем создаёт только «оболочку» знаков, не предоставляя читателю сведений о том, на какие объекты мира (то есть референты) знаки указывают¹. В этом случае процесс коммуникации с текстом подобен «странной семантической петле» [Хофштадтер 2001]: не отсылая читателя к внеязыковому / внетекстовому миру, знак отсылает к самому себе.

¹ В терминологии С.А. Крипке, автор производит процесс «первого крещения» знака [Крипке 1986], однако скрывает от языкового сообщества саму связь между носителем знака и замещаемым им объектом.

Предваряя полёт на планету Энтеропия («Четырнадцатое путешествие»), Ийон Тихий знакомится с ней по статье в «Космической энциклопедии»:

«<...> в этой статье мне всё было ясно, за исключением упоминания о *сепульках*, *трансме* и *струме*. К сожалению, последний вышедший том Энциклопедии заканчивается на статье “Соус грибной”, и потому в нём нет ничего о *трансме* или *струме*» [Lem 2012: 107].

Не менее загадочна ситуация и с сепульками. В том же томе Энциклопедии о них сказано только то, что «сепульки – элемент цивилизации ардритов, играющий значительную роль в их существовании» [Там же]. Так читатель вовлекается в лингвистическую игру. Как носитель языка, он знает, что слово (знак) должно указывать на какой-либо объект (конкретный или абстрактный), замещая его в акте коммуникации, обретая в этом процессе значение. Но поскольку референты этих знаков не описываются автором, читатель не может провести в сознании линию между носителем знака (последовательностью звуков или графем) и объектом указания. Отмечая факт присутствия на Энтеропии *сепулек* и *трансм*, Лем лишь утверждает действительность существования этих объектов на планете, при этом сами объекты остаются вне возможностей нашего воображения.

Что из этого следует? Казалось бы, придуманные Лемом «слова» нельзя считать знаками, поскольку они не имеют толкования. Согласно Л. Витгенштейну, «если знак не применяется, то он не имеет значения» [Витгенштейн 2011: 66]. Но даже если автор ничего не говорит об объектах, стоящих за созданными им словами, языковая компетенция читателя позволяет, хотя бы вероятностным образом, приблизиться к пониманию значений таких знаков. Это основная идея данной статьи.

Любой, даже придуманный, знак есть часть языковой системы. Внутри неё он обладает, по крайней мере, грамматическим значением и коннотацией [Лем 2007: 261], которые и следует обнаружить в процессе языковой игры с текстом. Создавая знаки, казалось бы, не отсылающие ни к одному из известных нам объектов мира, Лем

актуализирует принцип семиозиса: нельзя создать знак, существующий вне какой-либо знаковой системы, не связанный в каком-либо отношении с уже известными знаками. А это значит, что читатель, которому автор не предоставляет информацию о том, например, что такое или кто такие *сепульки* или *струмы*, неизбежно опирается на свою языковую компетенцию. Знания о системе известных ему языков (родного и / или иностранного) позволяют производить словообразовательный анализ авторского неологизма, обнаруживать фонетическую близость между новым словом и известными словами, выделять грамматические показатели, определять синтаксическую позицию знака в высказывании. В итоге, читатель может вложить в знак то значение, которое будет соотноситься с местом и временем интерпретации, языковым сознанием и текстом памяти самого интерпретатора [Ингарден 1962; Лем 2007]. Из этого следует, что в действительности речь пойдёт не столько о *нереферентных* знаках (таковые в семиозисе невозможны), сколько о знаках с *намеренно скрываемой* автором *референцией*.

Скрытая референция – это предпосылка *языковой игры*. Лем отмечает: игра идёт «по обе стороны стола» [Лем 2007: 562], имея в виду, что с языком играют как автор, так и читатель. Первый занимается словотворчеством, второй – интерпретацией произведённых знаков. Правила игры у обоих вероятностны и определяются законами самого языка.

Анализ языковой игры Станислава Лема должен предполагать ответы на два вопроса. Какова цель игры в словотворчество? Почему созданные Лемом слова функционируют в тексте как знаки без референта, вернее, знаки с намеренно скрытым референтом?

За созданием новых слов стоит задача сотворения нового возможного мира, который существует исключительно в языковой форме:

«<...> язык, из материала которого строится текст, может уподобляться окну, открытому в мир <...>» [Лем 2006: 31].

Вселенная содержит неизвестные нам объекты, которые следует назвать. Лем опирается на семиотическую аксиому: если есть знак, то есть и то, на что он указывает. И потому, если я придумаю

слово, то за ним в рамках моего возможного мира обязательно что-то стоит. Язык, продолжает Лем, может выполнять функцию не только «прозрачного стекла», которое позволяет рассмотреть неизвестный мир во всех подробностях. Язык может быть и витражом, дымчатым стеклом, стеклом с дефектами, с выпуклостями и вогнутостями, и даже совершенно закрытым стеклом [Там же: 31–32]. Творя возможные миры, Лем, чаще всего, использует последние из указанных вариантов.

Употреблением «только что» созданного знака автор «подтверждает», что замещаемый словом объект действительно «существует» в описываемом мире:

<...> wnet pojawiły się na planecie nowe istoty – dwojacy, trojacy, czwartacy, potem ósmacy <...> [Lem 2012: 166].

<...> вскоре на планете появились новые существа – двойки, тройки, четверяки, потом восьмяки <...>².

Однако то, как, например, выглядят эти существа, чаще всего, остаётся загадкой для читателя. Вопрос о том, почему Лем так охотно использовал приём намеренного сокрытия референтов, не относится напрямую к сфере лингвистики. На этот вопрос, скорее, могут ответить историки литературы, психологи. А, возможно, он так и останется загадкой самого Станислава Лема.

Однако остаётся вопрос о стратегиях интерпретации знаков с намеренно сокрытыми референтами. Читатель опирается на знание родного (в данном случае, польского) языка. Представим параметры, или **фильтры вероятностной интерпретации**, которые используются в ходе языковой игры с лемовскими текстами. Мы вынужденно дадим эти фильтры в виде некоторой последовательности, линейно, что обусловлено лишь способом представления знания, законами нарратива. Однако в процессе чтения-интерпретации читатель пропускает знак со скрытой референцией одновременно через всю систему фильтров. Причём, число фильтров определяется уровнем его языковой компетенции. Метафорически фильтр интерпретации есть «сито языковой системы», позволяющее в остатке получать некото-

² Здесь и далее перевод наш. – Е.С.

рые смысловые элементы. К числу возможных фильтров отнесём следующие: фонетические ассоциации, грамматические (морфологические) показатели, синтаксическая позиция в высказывании, контекст высказывания, интертекст. «Просеивание» знака без референта сквозь решётки языковой системы есть когнитивный процесс, позволяющий вероятностным образом актуализировать и стабилизировать значение нового слова [Арутюнова 1977: 18; Падучева 1985: 10; Лем 2007: 99].

Фонетические ассоциации проявляют наличие возможных «деривационных» связей между нереферентным знаком и словами известных читателю языков. Как пишет о словотворчестве Дж.Р.Р. Толкин:

«С фонетическим удовольствием <от созданного слова> смешивается ещё более неуловимое наслаждение от установления и осмысления новых отношений между символом и значением» [Толкин 2008: 293].

Например, лемовский знак *modraki* [Lem 1982: 321] созвучен польскому слову *modry* (синий). И потому вполне вероятно, что *modraki* – это синявки, объекты синего цвета или существа, способные окрашивать в синий цвет другие объекты. Фонетические ассоциации – самый вероятностный способ интерпретации нереферентных знаков. Так, слово *tufle* напоминает польское *tulić* (ласкать, прижимать к себе), а слово *dabry* (дабры) похоже на контаминацию *dar* (дар) и *dobry* (хороший). Но у Лема *tufle*, *dabry*, *kompry* (компры), *borzyszki* (божишки) и др. – всё это номинации странного персонажа: картофеля-мутанта, который пожирает пролетающие мимо его планеты космические корабли [Там же: 321–322] и, значит, не имеет ничего общего с атрибутом «доброты».

Фонетические фильтры, чаще всего, являются ложными указателями. Однако отметим, что при создании неологизмов Лем в 72% случаев (166 знаков из 230-ти) активно использует приём фонетического подобия. Корни придуманных слов по звучанию похожи на корни польского и латинского языков. Так как интерпретация есть не что иное, как операция сравнения, то интерпретатор пробует перекинуть мостик между звучанием нового и известного знака.

Наиболее надёжным фильтром интерпретации выступают **показатели грамматического значения и словообразовательные показатели**. Как уже было сказано, Лем создавал неологизмы, опираясь на знание польского языка. Теми же знаниями пользуется и польскоязычный читатель.

Например, знак *sepulka* позволяет выделить:

– флексию **-a** (по аналогии с польскими именами существительными женского рода единственного числа *gwiazda* (звезда), *iskra* (искра), *maskotka* (талисман));

– корень *sepul-* и суффикс со значением лица женского пола (или уменьшительно-ласкательный) **-k-**. В тексте мы обнаруживаем формы множественного числа: *sepulki* (флексия **-i**), Винительного падежа женского рода: *sepulkę* (флексия **-ę**). Следовательно, сепулька может в равной степени оказаться как живым существом женского пола, так и неодушевлённым объектом.

А вот в ходе интерпретации грамматической формы *capierzyści* (капежищи) польскоязычный читатель отметит чередование в конце основы, которое характерно для существительных в Именительном падеже, обозначающих лиц мужского пола (так называемые лично-мужские формы). Соответственно, *capierzyści* – это некие *капежисты*.

На основании анализа грамматических показателей Именительного падежа множественного числа можно систематизировать нереферентные знаки из «Звёздных дневников» по семантическим признакам живое / неживое, лицо / не лицо, мужское / женское. Так, *kompry* (компры), *maramony* (марамоны), *ośmioly* (осьмёлы) относятся к классам «живое» (об этом свидетельствует контекст), но «не лицо» (в противном случае функционировали бы формы *komprzy*, *maramoni*, *ośmieli*). Если бы Лем не употребил форму Винительного падежа единственного числа *sepulkę*, то по форме множественного числа *sepulki* можно было бы с равновероятностью восстановить две формы единственного числа: *sepulka* (женский род) и *sepulek* (мужской род).

Отметим, что в отечественной лингвистической традиции эксперимент по «просеиванию» псевдослов сквозь грамматическую решётку был предложен Л.В. Щербой: «*Глокая куздра штеко будланула бокра*». Интерпретация данного высказывания возможна только на уровне анализа показателей грамматического значения: слово- и формообразовательных. Например, *глокая*, по аналогии с *мокрая* или *добрая*, – это имя прилагательное женского рода, единственного числа, Именительного падежа. *Глокая* есть некий признак одушевлённого объекта женского пола (*куздра*) и т.д. Когда мы определили частеречную принадлежность слов, нам не составит труда восстановить их начальные формы (*глокий, куздра, будлануть, бокр*). Лингвистические игры Щербы и Лема – это способ показать в действии креативный потенциал языковой системы. По Лему, новые слова создаёт не столько автор, сколько сам язык. Его неограниченный потенциал – это потенциал комбинаторики морфем. Интересно, что «создаются» только корневые морфемы, которые остаются семантически непрозрачными. Но в качестве семантически информативных обязательно используются известные носителю языка показатели грамматических значений.

Достаточно информативным является и **контекстный фильтр** интерпретации.Descriptions-описания свойств фиктивных объектов расширяют наше знание о возможном мире иных планет:

«*Kurdel jako zwierzyzna łowna stawia najwyższe wymagania...*».

В качестве промыслового зверя курдель предъявляет высочайшие требования... [Lem 2012: 119].

Дескрипция «промысловый зверь» помогает отнести знак *kurdel* к классу «диких зверей», «объектов охоты». Значит, на планете Энтеропия, кроме курдлей, есть другие животные, на которых можно охотиться (*zwierzyzna łowna*). Из других контекстов мы узнаём, что у курдлей непробиваемый панцирь, и поэтому на них охотятся, взрывая их изнутри. Таким образом, система дескрипций связывает возможный мир с реальным. Фиктивные объекты обладают свойствами известных нам объектов («промысловый зверь», «непробиваемый панцирь» и др.). Справедливости ради, следует за-

метить, что Лем крайне редко сопровождает свои нереферентные знаки дескрипциями.

К возможным фильтрам интерпретации можно отнести и интертекстуальные отсылки, частично основанные на фонетических ассоциациях. Так, звучание неологизмов *zamachowcy*, *docelici*, *powielanie*, *liniuchowie*, *rozlewity*, *prognozy*, *destrukcjanie* напоминает названия средневековых религиозных сект, ересей и др. (*прогнозиты*, *деструктиане*, *повеляне*).

Почему интерпретация знаков со скрытым референтом носит **вероятностный характер**? Чем определяется степень вероятности? Система фильтров, способствующих актуализации знака, может частично меняться в ходе каждой последующей интерпретации. Интерпретатор выбирает те фильтры, которые считает значимыми. Будучи не в силах объять всю Вселенную полностью, мы воспринимаем её по частям [Пуанкаре 1999: 16]. Так и читатель анализирует неизвестное слово, используя аналитический принцип. Там, где это возможно, он устанавливает для знака без референта фонетические ассоциации, извлекает значения из грамматических показателей, анализирует синтаксическую позицию знака в высказывании и т.д. Чем больше фильтров он обнаруживает, тем больше информации получает об объектах возможного текстового мира.

Применительно к интерпретации, классическое определение вероятности или отношения числа благоприятствующих событию элементарных исходов к их общему числу [Гмурман 2010: 19] можно понять как соотношение всех потенциально возможных фильтров интерпретации к числу тех, что выбраны читателем. При этом не все фильтры равновероятны для каждого интерпретатора:

«“Приёмник” имеет в своём сознании некоторое представление о возможных смысловых значениях знака, – одно из них имеет бóльшую вероятность появления, другое – меньшую и т.д.» [Налимов 1995].

В конечном итоге:

«Семантика каждого конкретного текста задаётся своей функцией распределения (плотностью вероятности) <...> В тексте смыслы всегда оказываются заданными избирательно. Нам не дано знать всё. <...>. Вероятность оказывается тем

окном, через которое мы можем всматриваться в семантический мир» [Налимов 2000].

Чем больше в тексте знаков с непрозрачной референцией, тем большую роль играют фильтры интерпретации. Они призваны помочь читателю частично «воссоздать» референт: например, получить представление о его онтологической природе и функциональном назначении в возможном мире. Покажем это на примере интерпретации нереферентного знака *kręgodręcze* (хребтоломки). Вскрыть возможную семантику этого слова³ помогает устойчивая фонетическая ассоциация с двумя польскими словами: *kręgosłup* – позвоночник и *dręczyć* – мучить, утомлять. Тогда (добавляя и способ словообразования) заключаем, что *kręgodręcze* могут оказаться *хребтоломками*. У Лема это слово входит в класс со знаками *gastrokoły* (гастроколы) и *męczywłoki* (пытконити), которые связаны с семантикой «мучения».

Грамматический анализ позволяет установить, что за знаком *kręgodręcze*, в равной степени, могут стоять как объекты женского, так и мужского пола. Флексия *-e* в польском языке выступает показателем значений существительного множественного числа, Именительного падежа, женского рода и мужского рода. Возможные формы единственного числа: *kręgodręcza* (она) и *kręgodręcz* (он).

Далее задаём вопрос: *kręgodręcze* – это инструменты, с помощью которых некто мучает другого, или это субъекты, осуществляющие данные действия? Обращая внимание на морфологическую выраженность предикативного центра высказывания, в которое включено это слово, получаем уточнение:

«Panowie i Panie wspanialsze – gastrokoły, kręgodręcze ... nadeszły!!! – Karkaruana XI» [Lem 2012: 54].

Прекрасные дамы и господа – пришли гастроколы, **хребтоломки** ...

Подлежащее *kręgodręcze* определяется предикатом *nadeszły* (пришли), где *-ły* есть показатель существительного, обозначающего «не лицо». Потому *kręgodręcze* – это знак для обозначения оду-

³ Напомним: мы исходим из того, что Лем, создавая знаки для объектов своих миров, намеренно «забывает» прояснить направление референции.

шевлённых объектов женского или мужского рода, однако эти объекты не относятся к классу лиц, то есть не обозначают взрослых субъектов-мужчин. Эти выводы подтверждаются и контекстуально.

Сюжет главы «Одиннадцатое путешествие», где упоминаются *křęgodręcze*, разворачивается вокруг шпионских игр между роботами и людьми. Оказывается, все роботы на планете Карелирия – это люди, притворяющиеся роботами и стремящиеся делать то, что всегда желают делать роботы: мучить людей. В газетных объявлениях для этой цели предлагаются различные устройства, в том числе и *křęgodręcze* (хребтоломки).

Как мы видим, значение нереферентного знака можно «приоткрыть», если рассматривать его как часть языковой системы, как элемент, подчиняющийся её законам (грамматическим). В этом случае посредством формальных показателей передаётся, например, информация об онтологической природе замещаемого объекта: предмет, атрибут, действие; лицо / не лицо и др. Одновременно нереферентный знак включён в пространство самого текста. Контекст – не что иное, как «среда обитания» знака. **Способ включения нереферентного знака в текст** – ещё один фильтр, позволяющий получить вероятностное представление не только о замещаемом объекте, но и о самом возможном мире.

Нереферентные знаки используются Лемом в качестве **инструмента создания возможного текстового мира**. Отдалённые уголки Вселенной, которые посещает астронавт Тихий, не похожи на земной мир. Создание новых миров – лингвистический процесс. Для номинации нового объекта требуется новый знак.

Больше всего неологизмов – 48% (111 из 230-ти) – включены в текстовую картину мира как *единичное упоминание*:

<...> *Że zaś masy węzowych splotów nikt nie miał siły dźwigać sam, doprawiano sobie tak zwane **pochódki (ogonatory)***
<...> [Там же: 170].

<...> А так как огромный вес сплётённых змеиных щупалец оказался неподъёмным, они добавили к телу **огонаторы**
<...>.

Из значений польского *ogon* (хвост) и неологизма *pochódki* (от *chodzić*, ходить) выводится вероятностный образ референта: *огонаторы* – это класс объектов, предназначенных для транспортировки дополнительных органов, появившихся у людей во время «биореволюции». Эти объекты похожи на «прицепы», помогающие биологическому существу перемещать своё тело в пространстве.

Достаточно часто Лем включает в тексты перечисления классов неизвестных объектов:

Przemysł wysoko rozwinięty, głównie środków spożywczych. Podstawowe pozycje eksportu: manubrie fosforyzowane, sercoklety i laupanie w kilkudziesięciu gatunkach, żebrowane i wolno opalane [Там же: 106].

Промышленность высокоразвитая, главным образом, пищевая. Основные статьи экспорта: **фосфоризованные манубры, серцоклеты и лаупаны** нескольких десятков сортов, рифлёные и подкопчёные.

Перечисление классов объектов позволяет автору «одним росчерком пера» указать на то, насколько многопланова неизвестная нам Вселенная, насколько её миры могут быть отличны от нашего.

Подведём итоги работы.

1. Нереферентные знаки – авторский инструмент создания возможных миров. Сам характер намеренно скрываемой референции не позволяет читателю реалистично, во всех подробностях представить те объекты, на которые «указывают» лемовские неологизмы.

2. Большинство нереферентных знаков в «Звёздных дневниках» (93%) являются индексами, с помощью которых только фиксируется сам факт существования неизвестных объектов в возможном мире. Однако 10 неологизмов (4%) Лем всё же сопровождает иконическими изображениями (это рисунки С. Лема, якобы принадлежащие Ййону Тихому).

3. Интерпретация знаков со скрытой референцией носит вероятностный характер. Степень вероятности определяется числом используемых фильтров интерпретации.

4. Нереферентные знаки Лема – это результат эксперимента, в котором выявляются креативные возможности (прежде всего, морфемно сочетательный потенциал) польского языка.

Библиография

Арутюнова Н.Д., 1977: Номинация, референция, значение // Языковая номинация (общие вопросы). – М.: Наука, 1977.

Бак Д., 1996: Биография непостижимого, или время жестоких чудес // Новый мир. – 1996. – №9. – С. 197-206.

Бразговская Е.Е., 2006: Референция и отображение (от философии языка к философии текста): монография. – Пермь: ПГПУ, 2006. – 192 с.

Витгенштейн Л., 2011: Логико-философский трактат. (Серия «Памятники философской мысли».) – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. – 288с.

Гмурман В.Е., 2010: Теория вероятностей и математическая статистика: учеб. пособие. – М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2010. – 479с.

Ингарден Р., 1962: Исследования по эстетике. – М.: Изд-во Иностранной Литературы, 1962.

Крипке С., 1986: Загадка контекстов мнения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. – М.: Прогресс, 1986. С. 194-242.

Лем С., 2004: Фантастика и футурология: в 2 т. – М.: АСТ, 2004.

Лем С., 2006: Сумма технологии. – М.: АСТ; СПб: Terra Fantastica, 2006. – 668 с.

Лем С., 2007: Философия случая. – М.: АСТ: Хранитель, 2007. – 767с.

Налимов В.В., 1995: Вселенная смыслов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://v-nalimov.ru/articles/100/460> (Дата посещения: 20.04.2013, 14:43)

Налимов В.В., 2000: Этюды по истории кибернетики (Предтечи кибернетики в Древней Индии). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://v-nalimov.ru/articles/119/473> (Дата посещения: 20.04.2013, 14:45)

Падучева Е.В., 1985: Высказывание и его соотносённость с действительностью. – М.: Наука, 1985.

Пуанкаре А., 1999: Теория вероятностей. – Ижевск: Ижевская республиканская типография, 1999. – 280с.

Толкин Дж.Р.Р., 2008: Чудовища и критики. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2008. – 413с.

Фантастика и технологии (памяти Станислава Лема), 2009: Сборник материалов международной научной конференции 29-31 марта 2007 г. – Самара: Раритет, 2009.

Хофштадтер Д., 2001: Гёдель, Эшер, Бах: эта бесконечная гирлянда. – Самара, 2001.

Эпштейн М., 2004: Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2004. – 864с.

Bereś S., 2010: Galaktyka Lem // Skibińska E., Rzeszotnik J. Lem i tłumacze. – Kraków: Księgarnia Akademicka, 2010. – 405 s.

Jarzębski J., 2012a: Lustro // Lem S. Solaris. – Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2012. – S. 329-337.

Jarzębski J., 2012b: Roboty a ludzie // Lem S. Bajki robotów. – Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2012. – S. 212-222.

Jarzębski J., 2012c: Spór między Münchhausenem a Guliwerem // Lem S. Dzienniki gwiazdowe. – Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2012. – S. 379-385.

Jeśólkowski J., 2002: Stanisław Lem jako filozof / Praca magisterska w zakresie filozofii na kierunku filozofia. – Toruń, 2002.

Krajewska M., 2003: Neologizmy w wybranych utworach S. Lema i ich translacja na język rosyjski / Rozprawa doktorska. – Toruń, 2003.

Lem S., 1982: Dzienniki gwiazdowe. – Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1982. – 523 s.

Lem S., 2012: Dzienniki gwiazdowe. – Krakow: Wydawnictwo Literackie, 2012.

Е.А. Смердова

Вероятностная интерпретация референциально непрозрачного текста

Вероятность оказывается тем окном, через
которое мы можем всматриваться в семантиче-
ский мир.

Василий Налимов

Интерпретация текста позволяет свести его прочтение к некоторому «управляемому формату». Особенно интересно обнаружить (или создать) такой формат для текстов, находящихся в состоянии семантической неопределённости [Эко 2005: 15]. В контексте семиотики Ч. Пирса интерпретация знака сводится к операции соотнесения его носителя и референта (включая и способ его отображения). Основная причина семантической неясности высказывания, или «размытости» его значений, – референциальная непрозрачность, то есть невозможность «видеть» стоящий за знаком референт и однозначным образом соотнести высказывание с замещающей им ситуацией [Куайн 2000: 114]. Основные задачи статьи: определить инструменты создания семантической неопределённости высказываний в цикле Станислава Лема «Cyberiada» («Кибериада») [Lem 1966: 2012]¹, показать, что интерпретация этих текстов может но-

¹ В статье рассматриваются пять рассказов цикла: «Jak ocalał świat» («Как уцелел мир») [Lem 2012:178-186], «Maszyna Trurla» («Машина Трурля») [Lem 2012:186-202], «Wielkie lanie» («Большая трёпка») [Lem 2012:202-211], «Wyprawa pierwsza A, czyli Elektybałt Trurla» («Экспедиция первая А, или Электрибалт Трурля») [Lem 1966:213-224], «Wyprawa szósta, czyli jak Trurl i Kłapaucjusz demona drugiego rodzaju stworzyli, aby zbójcę gębona pokonać» («Экспедиция шестая, или

сить только вероятностный характер, вывести алгоритм интерпретации неререферентных знаков.

I

По Лему, языки человечества и разум индивида – это ведущие инструменты не только адаптации человека к миру, но и трансформации реальности. Работая как «творящий конструктор», язык стирает грань между мирами: вещным и сотворённым в виде знаков (семиотическим). Поэтому человек живёт не столько в физической реальности, сколько в пространстве знаков (интеллектуальной сети). Такова основная идея «Кибериады».

Рассказы, составившие впоследствии единый цикл, публиковались Лемом, начиная с 1964 г. Они объединены главными героями – конструкторами Трурлем и Клапауцишем, чья специализация – создание машин, обладающих человекоподобным искусственным интеллектом. Машины, например, могут создавать любые предметы, название которых начинается с буквы N («Как уцелел мир»), или обладают способностью текстопорождения, затмевая славу «настоящих» поэтов («Экспедиция первая, или Электрибалт Трурля»). В мире Лема люди не просто создают роботов, но уже вынуждены сосуществовать с ними. Будучи самонастраивающимися и самосовершенствующимися системами, роботы «постепенно превращались *из объекта в субъект*, из построенной машины – в собственного строителя, из титана в оковах – в суверенного властелина» [Лем 2004: 323]. Обретая автономность от своих создателей, машины бунтуют и даже делают попытки убить их («Машина Трурля»). Интересно, что на базе, в том числе, и этого, казалось бы, художественного цикла Лем впоследствии напишет книгу философских эссе «Молох» и повесть о суперкомпьютере Големе, посвящённые вопросам искусственного интеллекта и мира как информационной среды [Лем 2005; Лем 2004].

Как Трурль и Клапауциш сотворили демона второго рода, чтобы грабителя губона победить») [Лем 1966:224-237]. Далее везде названия текстов будут приводиться только в русском переводе.

Возможный мир, создаваемый Лемом, не отличается детализацией, поскольку автора интересуют исключительно теоретические вопросы: например, порог разумности, к которому создатель должен подвести систему, с тем, чтобы далее она обрела интеллектуальную автономию. Однако, говоря о функционировании и возможностях машин, Лем может вскользь упомянуть и некоторые странные объекты действительности: *пчмы, камбузели, недоступки* и др.:

Świat wyglądał wręcz przeraźliwie. Zwłaszcza ucierpiał niebo: widać było na nim ledwo pojedyncze punkciki gwiazd; ani śladu prześlicznych gryzmaków i gwajdolnic, które tak dotąd upiększały nieboskłon!

– Wielkie nieba! – zakrzyknął Klapaucjusz. – A gdzie są kambuzele? Gdzie moje murkwe ulubione? Gdzie pćmy łagodne? [Lem 2012: 183]

Мир выглядел просто устрашающе. Особенно пострадало небо; на нём виднелись лишь одинокие точки звёзд – и ни следа прелестных грызмаков и гвайдолниц, которые так украшали раньше небосвод.

– О небо! – воскликнул Клапауциш. – А где же камбузели? Где мои любимые муркви? Где кроткие пчмы? (Здесь и далее перевод наш. – Е.С.)

С лингвистической точки зрения, знаки *пчмы* (*pćmy*), *муркви* (*murkwi*) – это псевдослова. Они отсутствуют в словарях польского языка, однако обладают фонетической оболочкой, грамматическими показателями, функционируют в качестве членов синтаксических конструкций. Но что стоит за ними во внеязыковом мире? Предметы или существа? Как выглядят эти объекты отображения, каковы особенности их существования? Встреча с такими знаками создаёт для читателя ситуацию референциальной непрозрачности и семантической неясности. Поскольку Лем намеренно не вводит в тексты дескриптивные описания референтов, то есть не интерпретирует лексические значения своих псевдослов, то для читателя интерпретация знаков без референтов превращается в игру с вероятностным результатом.

Второй причиной вероятностной интерпретации текстов данного цикла становится ещё один стилистический приём Лема: интерференция жанров. «Кибериада» – это научно-фантастический

рассказ с философскими включениями и одновременно сказка с элементами летописного повествования. Идеальный, по У. Эко, читатель приступает к интерпретации, располагая багажом априорных знаний о конвенциях нарративов разных жанров. Но поскольку Лем создаёт тексты на пересечении нескольких жанров, выбор правил интерпретации какого-то определённого жанра становится невозможным. Если учесть, что Лему как автору известны те жанры, на которые он ссылается, а читателю – нет. Выбор «ведущего» жанра («Кибериада» – это, в большей степени, научно-фантастический рассказ, сказка или философское повествование) остаётся за каждым читателем в отдельности. Также в качестве причины невозможности обозначить чёткие семантические границы лемовского текста назовём интертекстуальные отсылки, которые автор намеренно оставляет неопределёнными. Все отсылки носят исключительно ассоциативный характер, и их интерпретация, соответственно, будет зависеть от объёма текстовой памяти читателя.

II

Каждое положение дел в мире (ситуация) развивается во времени и пространстве, то есть имеет некоторый результат, или исход. Все сложные системы организованы таким образом, что результат развития и их самих в целом, и их элементов нельзя описать однозначным образом. *Вероятность* – это термин, обозначающий величину наиболее вероятных исходов некоторого события [Гмурман 2010: 19]. С помощью вероятностного метода прогнозируются различные события: от частоты землетрясений до возможности выпадения шестёрок в игре в кости. Во всех отраслях науки, где объектом исследования является ряд / система равновероятностных событий, применяется вероятностный метод: в математике и статистике [Пуанкаре 1999], теории игр и лингвистике [Ерофеева 2005 и др.]

Современная лингвистика всё чаще использует *вероятностный анализ* языка, созданный В.В. Налимовым [Налимов 1979]. В основе метода Налимова лежит утверждение, что смысловое пространство знака в словаре / тексте представлено в виде семанти-

ческого поля, элементы которого упорядочены по линейной шкале [Налимов 1979: 74]. Все возможные значения знака составляют континуум спрессованных смыслов. В акте употребления знака / его интерпретации происходит «распаковка смыслов»: выдвижение вперёд или одного определённого значения, или размытой системы нескольких значений. В любом случае, эти варианты становятся вероятностным итогом коммуникации интерпретатора со знаком / текстом.

Интерпретация знака определяется многоаспектным контекстом-дискурсом: от непосредственного контекстуального окружения слова до ситуации, в которой происходит интерпретация, и текстовой памяти интерпретатора. Отсюда, «элемент случайного входит в наше речевое поведение, накладываясь на логическую структуру» [Налимов 1979: 74], а сама вероятность приобретает субъективный характер:

«“Приёмник” имеет в своём сознании некоторое представление о возможных смысловых значениях знака, – одно из них имеет бóльшую вероятность появления, другое – меньшую и т.д.» [Налимов 2000: URL].

Обратимся к нашей непосредственной проблеме: интерпретации референциально непрозрачных высказываний. Будем исходить из того, что вероятностная природа интерпретации характерна для знаков различного уровня сложности: слов, высказываний, текстов. На первый взгляд, кажется, что интерпретацию лемовских «слов» невозможно совершать как логическую операцию разложения их семантики на элементарные семы. Действительно, какое значение приписывается знакам *gryzmałki* (*грызмаки*), *gumundy* (*рымунды*) или *gwajdolnicy* (*гвайдольницы*)? Если таких лексем нет в словаре польского языка, то значит ли это, что они автоматически становятся незнаками? Нет. И, прежде всего, потому, что *муркви* и *пчмы* возникают как результат языковой игры своего автора. Создавая знак, Лем намеренно скрывает от читателя направление его референции: *Где мои любимые муркви? Где нежные пчмы?* Особенность лемовских игр с языком в том, что контекст (*любимые, нежные*) не позволяет читателю представить в деталях объекты отображения, что и делает

высказывание референциально непрозрачным. Всё дело в том, что употребление дескрипций, предикатов зафиксировано в корпусе языка. Иными словами, в нескольких (даже во многих) текстах мы встретим одно и то же употребление, вроде *любимая мама*, *нежный возлюбленный*. А теперь представьте себе *нежных пчмов*. Едва ли они чем-то схожи с нежными возлюбленными. В результате, знакомый предикат (в данном случае отображает способ существования референта в картине мира) сочетается с неизвестным знаком, что, естественно, ещё больше запутывает читателя. Теперь ему нужно представить себе не просто пчмов, а именно нежных, способных быть такими. Мы можем допустить (и, скорее всего, это именно так), что сам Лем мог обладать вполне отчётливыми представлениями о том, как выглядят *пчмы* и другие объекты его возможных миров. Для читателя же процесс интерпретации превращается в определение наиболее вероятностных (ожидаемых) значений. Но как они возникают?

Для формализации вероятностной интерпретации языковых знаков Налимов обращается к теореме Бейеса: $p(y/\mu)$, где y – все возможные значения знака, μ – выбранные интерпретатором значения, а p есть контекст интерпретации, позволяющий производить операцию распределения значений в сознании интерпретатора. Ещё раз подчеркнём: вероятность обнаружения того или иного значения знака зависит от *контекста* интерпретации. Контекст актуализирует значение, определяя направление мысли читателя. Для референциально непрозрачных высказываний можно выделить ряд *контекстуальных актуализаторов значений*, выполняющих роль *фильтров интерпретации*. Пропуская лемовские «псевдослова» через эти фильтры, мы получаем в остатке некоторые «фрагменты» их семантики. В нашем случае, в качестве таких фильтров выступают:

– фонетические ассоциации, позволяющие связывать звуковые оболочки псевдослов со словами польского языка;

– грамматические актуализаторы, позволяющие проводить морфемный анализ псевдослов, анализировать их как морфологические формы и члены синтаксических конструкций.

На уровне интерпретации всего текста можно использовать фильтр, выявляющий интертекстовые значения, а также выбирать

конвенции для анализа жанровых особенностей текстов. Фильтр интертекстовых значений позволяет соотнести данный знак (или текст-знак) со знаком из другого текста (с другим текстом-знаком) на основании маркеров интертекстовых взаимодействий (имя собственное, референтно употреблённая дескрипция, топоним и т.д.)

Таким образом, вероятностная интерпретация предполагает, что, «пропуская» текст через систему обозначенных фильтров, отталкиваясь от уровня языковой компетенции и объёма текстовой памяти, читатель получает его *вероятностное понимание*. В ходе интерпретации референциально непрозрачных текстов читатель, в определённом смысле, становится соавтором:

«Постулирование сотрудничества, сотворчества читателя – это вовсе не осквернение структурного анализа текста внетекстовыми элементами. Читатель как активное начало интерпретации – это часть самого процесса порождения текста» [Эко 2007: 10].

Фонетический и грамматический фильтры, как уже было сказано, предназначены для интерпретации псевдослов, взятых в качестве лексем и грамматических форм. В «Кибериаде» функционируют 56 нереферентных знаков. Среди них, например: *apelajda* (*анеляйда*), *apentula* (*апентула*), *bajta* (*байта*), *bamba* (*бамба*), *browajka* (*бровайка*), *chrzęskrzyboczek* (*хшенскишибочек*), *dogremnie* (*догремне*), *filidrony* (*филидроны*), *graszaki* (*грашаки*), *greni* (*грени*). Обнаруживая в тексте знаки без референта, читатель неизбежно включает их в пространство словаря и грамматики того языка, на котором написан данный текст. Такой, казалось бы, парадоксальный шаг объясняется двумя причинами:

– читатель принимает правила языковой игры, предложенной ему автором. В частности, читатель допускает, что любой вербальный знак авторского текста указывает на какой-либо референт, а значит, может быть интерпретирован. Отсюда, терминологическое обозначение «нереферентный знак» очень условно, и гораздо точнее говорить о псевдословах Лема как о знаках с непрозрачной референцией;

– все вербальные знаки авторского текста, написанного на польском языке, должны интерпретироваться в системе польского языка.

Так, референт знака может «воссоздаваться» на основании обнаружения морфемной «идентичности» у псевдослов и слов польского языка: речь идёт как о звуковой близости морфем, так и их функциональной тождественности. Например, в знаках *filidrony* (филидроны), *рсту* (пчмы), *plukwy* (плюквы), по аналогии со словоформами *filmy* (фильмы), *kanty* (края), мы выделяем флексию -у со значением множественного числа имён существительных, относящихся к классу женско-вещных форм. В псевдослове *nędzioły* можно обнаружить фонетическое созвучие с польским корнем *nędz-*, а значит, допустить вероятностную связь нового знака с гнездом: *nędza* – нужда, нищета, бедность, *nędźni-k(-ca)* – негодяй(ка), *nędźny* – жалкий, убогий, ничтожный, исхудалый [Słownik języka polskiego PWN: URL].

Морфемный анализ лемовских псевдослов сходен с процессом последовательного выдвижения ящичков в старинном буфете или комодe. Выдвигая ящичек, мы обнаруживаем там какой-либо предмет, то есть, по крайней мере, получаем информацию о функциональном назначении ящичка. Так и с лемовскими словами: процесс выделения морфем в псевдослове заставляет нас искать аналогию с фонетически близкими (или тождественными) морфемами польского языка. Именно в этом процессе мы получаем вероятностное представление о семантике каждой морфемы в отдельности и псевдослова в целом. Грамматический фильтр позволяет не только безошибочно определять частеречную принадлежность новых «слов», но также их синтаксический потенциал. Вот ещё примеры. Лемовский знак *gryzmaki* созвучен с польским глаголом *gryźć*, что позволяет выделить корневую морфему -gryz- (-gryz-). Далее, ориентируясь на морфемный фонд польского языка, выделяем суффикс со значением лица, используемый для наименования лиц по профессии, роду занятий и др.: (-ak). По аналогии со словоформами *maski* (маски), *obarzanki* (баранки) находим флексию множественного числа имени существительного -i. Итоговая информация о псевдослове *gryzmaki*: этот знак замещает класс / группу объектов, то есть является существительным в форме множественного числа, Именительного падежа. Поскольку на стыке основы и флексии не происходит чере-

дования, допускаем, что это женско-вещная форма, обозначающая, например, группу лиц женского пола (в лично-мужской форме существительное выглядело бы как *gryzmacu*).

Знаки *kambuzele*, *ściśnęta* и др. в следующем предложении выполняют функцию его субъекта:

– Ależ to... – zaczął przestraszony Klapaucjusz i w tej chwili zauważył, że istotnie już nie tylko na n nikną różne rzeczy: przestały ich bowiem otaczać, *kambuzele*, *ściśnęta*, *wytrzopki*, *gryzmaki*, *rymundy*, *trzepecy i pćmy* [Lem 2012: 182-183].

Но ведь... – начал испуганный Клапауциш и в тот момент заметил, что исчезли не только существа на букву «Н», но также перестали существовать *камбузели*, *стисненнты*, *вытшопки*, *грызмаки*, *римунды*, *трепцы и пчмы*.

Определение синтаксической роли знаков позволяет читателю создавать модель ситуации, отображаемой высказыванием, определяя активных и пассивных «персонажей» события (субъекты в противопоставленности объектам), пространственную конфигурацию объектов, направленность действия субъектов и др. Одновременно включением псевдослов в текст создаётся эффект «достоверности» тех объектов, которые они замещают. С этой точки зрения, читателю не следует сомневаться в том, что ранее в описываемом мире действительно присутствовали *камбузели*, *стисненнты*, *вытряски*.

Следующие фильтры интерпретации выводят нас в пространство отдельного высказывания и текста в целом. Речь идёт об **интертекстовом анализе и жанровых конвенциях повествования**. Интертекст является регулятивным механизмом интерпретации, но характер и степень прочтения отсылок к другим текстам определяется филологической эрудицией читателя, обширностью его Энциклопедии:

«Семантика каждого конкретного текста задаётся своей функцией распределения (плотностью вероятности) <...> В тексте смыслы всегда оказываются заданными избирательно. Нам не дано знать всё. <...>. Вероятность оказывается тем окном, через которое мы можем всматриваться в семантический мир» [Налимов 1995: URL].

Степень неопределённости прочтения интертекстовых отсылок особенно возрастает в том случае, если автор намеренно оставляет их непрояснёнными, не указывая, например, источник жанрово-стилистического влияния. Так, в цикле «Кибериада», с нашей точки зрения, заметно влияние философских повестей Вольтера. И Лем, и Вольтер используют композиционный приём взгляда со стороны. У Вольтера на землян смотрят сатурниец Микромегас («Микромегас»), ангел Бабук («Мир, каков он есть, видение Бабука, записанное им самим»); кривой ключник взирает на богатых и властных светских дам («Кривой ключник») и т.д. [Вольтер 1998]. А в рассказах Лема роботам приписываются типичные человеческие качества: трусость, хитрость, остроумие, гордыня. Читатель получает возможность посмотреть на себя со стороны, на то, как человеческие качества уживаются с механизированной рациональностью роботов. Название лемовского цикла («Кибериада») созвучно с «Илиадой» Гомера. Отношения между конструкторами и роботами похожи на отношения между небожителями-олимпийцами и людьми. Лемовские конструкторы Трурль и Клапауциш – истинные демиурги технологической Вселенной. Однако их отношения с собственными творениями – разумными машинами – далеко не безоблачны. Как и у Гомера, на определённом этапе эволюции всё сотворённое неизбежно стремится к автономному существованию, восставая против своих создателей.

В число возможных источников влияний можно включить и Библию, и работы по философии языка. Речь идёт об одном из значимых для Лема положений: мир творится по Слову, все возможные миры – миры лингвистические, текстовые, а сам язык есть автономный генератор метафизики [Лем 2005: 107]. Не случайно, что, в свою очередь, креативной лингвистической способностью обладают и те, кто сам был сотворён по Слову. В этом контексте Лем говорит о роботе Электрибальте, у которого практике создания новых Вселенных предшествует «лингвистическая разминка» – написание стихов:

Ciemność i pustki w ciemności obrotu
Ślad dotykalny, ale nieprawdziwy,
I wiatr, jak halny, i wzrok jeszcze żywy,
I krok jak gdyby wracającej rotu [Lem 1966: 224].
Тьма и пустота во мраке возвращенья
Однако ложен след прикосновенья,
И ветер, словно шторм, и взгляд ещё живой,
И шаг, как будто войско возвращается домой.

Говоря о возможности интерпретировать «Кибериаду» в дискурсе текстов Вольтера, Гомера, в контексте библейских источников, мы констатируем следующее: а) Лем не даёт прямых прямых указаний на эти тексты; б) их выбор – результат межтекстовых сближений, принадлежащий автору данной статьи. Соответственно, интертекстовое прочтение Лема, в данном случае, следует признать вероятностным.

Это же относится и к интерпретации жанровых особенностей «Кибериады». Несмотря на то, что этот цикл традиционно относят к жанру научно-фантастического рассказа [Caillois 1967; Jarzębski 2012], в нём актуализированы стилистические особенности сказки и летописи. Сказка для Лема – это имплицитный способ ответить на сложнейшие вопросы о природе мироздания: есть ли Бог, в чём заключается тайна Творения и чем естественное отличается от искусственного²? Сказка позволяет Лему в доступной форме описать сложнейшие философские понятия, вроде *Ничто*. В рассказе «Как уцелел мир» машина Трурля умеет создавать вещи, начинающиеся с буквы Н. И это не только вещи физической природы (нити), но и объекты иной онтологии, к которым и относится *Ничто*. Как же машина творит такой объект? Она производит *Ничто*, уничтожая всё существующее [Lem 2012: 178-186]. Трудно однозначно интерпретировать этот фрагмент текста. Возможно, это лемовская ирония по поводу философского спора об онтологическом статусе универсалий. Но, скорее, здесь Лем отвечает на вопрос о том, почему же

² Первые рассказы из цикла «Кибериада» были опубликованы в составе «Сказок роботов»: «Как уцелел мир» [Lem 2012: 178-186], «Машина Трурля» [Lem 2012: 186-202], «Большая трёпка» [Lem 2012: 202-211].

у робота не возникает даже тени сомнения по поводу возможности создания Ничто. Дело в том, что машина рассматривает этот объект не как философскую универсалию, а в рамках языковой системы: ничто (*nic*) как отрицание. Отсюда и действия машины: для создания *Ничто* следует последовательно уничтожить всё.

«Нарративный тип» репрезентации (сказки, мифы, легенды) – это надёжный и удобный способ передачи и хранения информации в культуре:

«Исчезли египтяне, хранители первоначального языка, совершенного и божественного, но остался миф, текст без кода или с утраченным кодом, над которым мы неустанно бдим, тщась постичь его тайный смысл» [Эко 2007: 185].

Летопись событий, происходящих с Трурлем и Клапауцишем, добавляет возможному текстовому миру достоверности, реалистичности. Читатель погружается в хронику событий далёких космических цивилизаций. Но, в итоге, прочтение «Кибериады» как, в большей степени, сказки-летописи или научно-фантастического повествования определяется установками самого читателя, что вновь возвращает нас к вопросу о вероятности интерпретаций.

III

Подведём итоги, определив *границы вероятностной интерпретации* референциально непрозрачного текста.

Текст, в который автор включает псевдослова, не может считаться неинтерпретируемым, а сами псевдослова не столько теряют сущностные признаки знака, сколько «скрывают» их. Как пишет Б. Успенский, предложения, которые только частично или полностью состоят из псевдослов (*Глокая куздра...* и др.), «выглядят как уравнение со всеми неизвестными, где заданы отношения между символами, но конкретные значения их не раскрыты» [Успенский 2007: 188]. В лемовских текстах действительно грамматические характеристики псевдослов позволяют воспринимать достаточно чёткую логическую картинку. Например, за знаком *zamry (znikły)* стоит

класс / группа неизвестных объектов (о чём говорит показатель множественного числа существительных); это объекты, не относящиеся к классу лиц мужского пола (женско-вещная форма существительных множественного числа) и др. Анализ морфологических и синтаксических значений знака позволяет частично «воссоздать» его лексическое значение и вписать объект отображения в текстовую картину мира. Таким образом, по отношению к псевдословам читатель занимает вполне определённую позицию: соблюдает презумпцию семиотичности, осмысленности. Дискурсивные связи «Кибериады» с другими текстами культуры, устанавливаемые конкретным читателем в конкретном акте чтения, – это также способ расширить границы вероятностной интерпретации.

Мы приходим к выводу о том, что интерпретация референциально непрозрачного текста возможна только как вероятностная. В каждом случае (не исключение и наша интерпретация «Кибериады») читатель исходит из своего уровня языковой компетенции (подчеркнём, что, как и в нашей ситуации, язык текста может даже не быть родным) и объёма текстовой памяти. Таким образом, интерпретация происходит с опорой на дискурсивные внетекстовые факторы, которые и дают читателю ключ вероятностного доступа к авторским кодам.

Библиография

Бюлер К., 1993: Теория языка. Репрезентативная функция языка. – М.: Прогресс, 1993. – 528 с.

Вольтер, 1998: Собрание сочинений. В 3-х тт. Т.1. – М.: РИК Русанова – Литература – Сигма-Пресс, 1998. – 717 с.

Гмурман В.Е., 2010: Теория вероятностей и математическая статистика: учеб. пособие. – М.: Юрайт; ИД Юрайт, 2010. – 479 с.

Ерофеева Е.В., 2005: Вероятностные структуры идиомов: социолингвистический аспект. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. – 320 с.

Куйн У., 2000: Слово и объект. – М.: Логос, Праксис, 2000. – 386 с.

Лайонз Дж., 1978: Введение в теоретическую лингвистику. – М.: Прогресс, 1978. – 543 с.

Лем С., 2004а: Голем XIV / Пер. с пол. К. Душенко // Лем С. Библиотека XXI века. – М.: Издательство АСТ, 2004. – С. 303-441.

Лем С., 2004б: Фантастика и футурология. В 2 т. Кн.1. – М.: АСТ, 2004. – 591 с.

Лем С., 2005: Молох / Пер. с пол. – М.: Транзиткнига, 2005. – 781 с.

Налимов В.В., 1979: Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. – М.: Наука, 1979. – 303 с.

Налимов В.В., 1995: Вселенная смыслов. URL: <http://v-nalimov.ru/articles/100/460> (дата посещения: 20.04.2013)

Налимов В.В., 2000: Этюды по истории кибернетики (Предтечи кибернетики в Древней Индии). URL: <http://v-nalimov.ru/articles/119/473> (дата посещения: 20.04.2013)

Падучева Е.В., 1985: Выказывание и его соотнесенность с действительностью. – М.: Наука, 1985. – 272 с.

Пуанкаре А., 1999: Теория вероятностей. – Ижевск: Ижевская республиканская типография, 1999. – 280 с.

Успенский Б.А., 2007: Язык и коммуникационное пространство. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 320 с.

Эко У., 2005: Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и итал. С. Серебряного. – СПб.: Symposium, 2005. – 502 с.

Эко У., 2007: Поиски совершенного языка в европейской культуре. – СПб: Александрия, 2007. – 423с.

Eco U., 2009: Szaleństwo katalogowania. – Poznań, 2009. – 408 s.

Jarzębski J., 2012: Wszechświat Lema. – Kraków, 2012. – 320 s.

Lem S., 1983: Bajki robotów. – Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1983.

Lem S., 1966: Ratujmy kosmos i inne opowiadania. – Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1966.

Lem S., 2012: Bajki robotów. – Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2012. – 224 s.

Słownik języka polskiego PWN, 2013: URL: <http://http://sjp.pwn.pl/> (Дата посещения: 29.10.2013)

Е.А. Смердова

Станислав Лем о возможности кибернетического моделирования творческих процессов

Машина и текстопорождение

Эта работа посвящена гипотезе Станислава Лема о создании машины, способной к осознанному текстопорождению. В рассказе «Wyprawa pierwsza A, czyli Elektrybałt Trurla»¹ [Lem 1966] («Экспедиция первая А, или Электрибальт Трурля») Лем даёт нам не только информацию о внешнем виде и устройстве Электрибальта, но и описывает алгоритм программирования искусственного интеллекта. Киберпоэт Трурля создаёт различные по семантической связности и наполненности тексты: от бессмысленного смешения морфем польского языка до стихотворений в стиле Адама Мицкевича. В целом, процесс текстопорождения – это не что иное, как языковая игра, в результате которой возникает возможный текстовый мир. Таким образом, Станислав Лем воспроизводит библейское творение по Слову.

Особенность всех текстов Лема, включая этот, заключается в том, что при описании интеллектуальных экспериментов сам автор производит тот или иной эксперимент (семантический, лингвистический, философский). Лем размышляет над идеей творения вторичного текстового мира посредством **языковых стратегий**.

¹ Из цикла рассказов «Cyberiada» («Кибериада»).

Собственные языковые стратегии Лем применяет во многих текстах, обогащая тем самым уже сложившуюся текстовую Вселенную всё новыми объектами, существами и явлениями, не существующими в реальном мире. Вот и Электрибальт Трурля пополнил паноптикум Лема². Среди авторских языковых стратегий мы выделяем:

- лингвистическое конструирование;
- семиотическую игру;
- языковую игру.

Сюжет рассказа заключается в том, что конструктор Трурль создаёт машину, наделённую искусственным интеллектом. Основная задача Электрибальта (машины Трурля) – писать стихи. Всё повествование в рассказе делится на два этапа: 1) создание Электрибальта и 2) творческая эволюция полученного киберпоэта. Автор подчёркивает, что сначала необходимо создать «дискурсивный» слой, содержащий текст памяти (историю цивилизации, этические и эстетические представления различных народов и культур и т.д.); «психический» слой, а именно, эгоцентризм, который позволяет анализировать окружающий мир, ставя себя как точку отсчёта; «собственно поэтический» слой, включающий основные понятия стихосложения и проч. Поэтому, прежде чем сотворить Электрибальта, Трурль создаёт «электрический дух», «электрическую воду», «электрическую тьму» и т.д. – он буквально начинает с начала времён (как философ и медик в одном лице, Лем совмещает богословские и физические представления о мире). Продолжая воссоздавать вехи цивилизации, с помощью специальной машины конструктор Трурль реконструирует Каменный век, Средневековье, XX-XXI вв. и т.д. вплоть до времени повествования – до цивилизации роботов. Этот этап создания «текста памяти» будущего киберпоэта сопровождается неудачами, приводящими к катастрофическим последствиям. Например, во время одного из экспериментов, Авель убивает Каина, а

² Однако автор понимает, что человеческие силы ограничены, и в связи с этим возникают смешные и одновременно страшные ситуации. Например, вместо сотворения новых существ, уничтожаются уже существующие («Как уцелела Вселенная») или робот-поэт создаёт бессмысленные и бессвязные тексты («Электрибальт Трурля»).

в другой раз в результате ошибки эволюции, точнее, орфографической ошибки, вместо бледнотика (bladawca, так называются люди в лемовской Вселенной) сотворился воздушный змей (ladawiec). Несмотря на эти неудачи Трурля, описанные в ироническом ключе, автор демонстрирует возможность создания человеком мировой модели, логико-семиотического слепка действительности.

Этап творческой эволюции Электрибальта сопровождается не менее эффектными и даже смешными моментами. Первоначально, машине Трурля не удаётся создать связного и цельного текста, вследствие чего при первой презентации другу-конструктору Клапауцишу с машиной Трурля происходит следующее:

(1) *Trurl nieznacznie tylko drżącą ręką przerzucił wielki wyłącznik i niemal natychmiast głosem lekko ochryplym, lecz emanującym dziwnie sugestywnym czarem, maszyna rzekła:*

– ***Chrzęskrzyboczek pacionkociewiczarokrzysztofoniczmy.***

– *Czy to już wszystko? - spytał po dłuższej chwili niezwykle uprzejmy Kłapaucjusz.*

Трурль чуть дрожащей рукой включил большой рубильник, и почти сразу же машина слегка охрипшим, но изобилующим чарующими и убедительными интонациями голосом произнесла:

– Хрящекригрудинку чёткофифавичёрнокристаллофонируем.

– И это всё? – после недолгой паузы необычайно вежливо спросил Клапауциш³.

Выделенный фрагмент – это два «слова», созданные из морфем польского языка (корней и флексий) путём сложения усечённых основ. Эти окказионализмы имеют мало смысла, но в контексте рассказа Лема приобретают значение «начального этапа формирования искусственного интеллекта», подобно тому, как «детский лепет» предшествует развитию связной речи у человека.

Однако после усилий Трурля, направленных на отладку механизма Электрибальта, машина создаёт связные тексты, обладающие, по мнению других персонажей, большой художественной ценностью. Например:

³ Здесь и далее перевод наш. – Е.С.

(2) *Nieśmiały cybernetyk potężne ekstrema
Poznawał, kiedy grupy unimodularne
Cyberiady całkował w popołudnie parne,
Nie wiedząc, czy jest miłość, czy jeszcze jej nie ma?*

Несмелый кибернетик могучие экстремы
Исследовал, как вдруг унимодулярные группы
Кибириады он интегрировал в парные полдники,
Не зная, существует ли любовь на свете или нет её ещё⁴?

Пример (1) показывает универсальные возможности грамматики естественного языка, в данном случае польского. По аналогии с хрестоматийным предложением Л.В. Щербы на русском языке «Глокая куздра штеко будланула бокра» [Реформатский 2007]⁵, при создании высказывания (1) Лем использовал флексии польского языка: *chrzęskrzyboczek*□ – нулевое окончание имени существительного м. р., мн. ч., Р. п.; *pacionkociewizarokrzysztofoniczmy* – окончание глагола наст. вр., изъявит. накл., 1 л., мн. ч. Мы можем выделить в этих словах корни, созвучные словам польского языка⁶, например:

- ✓ *chrzęskrzyboczek*: *chrząstka* – хрящ, *boczek* – грудинка;
- ✓ *pacionkociewizarokrzysztofoniczmy*: *paciorki* – чётки, *kociak* – котёнок, *fiżochka*, *czarny* – чёрный, *krzyształ* – кристалл, хрусталь [Słownik języka polskiego 1957].

При анализе грамматических показателей «новых» слов возможна не только их интерпретация на польском языке, но и перевод. Это одна из языковых стратегий Станислава Лема – лингвистическое конструирование. В результате мы видим эволюцию искусственного интеллекта, создающего слова с опорой на грамматику польского языка. Пример (2) показывает, что киберпоэт способен не только самостоятельно творить, но и подражать стилю и манере других поэтов, совершенствуясь при этом. Подобно Аристотелю, он прони-

⁴ Перед нами цитата из сонета А. Мицкевича

⁵ Здесь и далее жирным курсивом выделены флексии естественного языка, позволяющие создавать новые слова.

⁶ Созвучия корней «новых» слов Лема уже существующим в словаре польского языка корням вкупе с использованием грамматических показателей значительно облегчает работу переводчика.

кает в саму структуру творчества, постигает суть любого процесса поэтического творения. Электрибалът не подражает текстам других поэтов, он творит самостоятельно, как это делает живой человек, он обладает запасом мудрости предшествующих поколений, имеет представление об этических и эстетических нормах различных народов, философских мировоззрениях, а также о правилах стихосложения. Киберпоэт может творить только тогда, когда обладает психическим и интеллектуальным сходством с живым человеком.

Другая языковая стратегия Лема – это семиотическая игра. Под семиотической игрой мы понимаем операции с различными типами знаков в целях увеличения достоверности текстовой картины мира. Знаки-индексы, обозначающие детали машины Трурля, связывают читателя с объектом действительности, создавая эффект достоверного существования машины:

bezpiecznik – предохранитель, *obwód* – контур, *superskopiczny wyłącznik czynnościowy* – суперскопический переключатель причинности, *lampy, modelujące co poważniejsze postępy cywilizacji* – лампы, моделирующие наиболее важные успехи цивилизации, *szpula wymodelowanego procesu historycznego* – катушка смоделированного исторического процесса, *zbiornik* – приёмник, *obwody logiczne, emocjonalne i semantyczne* – логический, эмоциональный и семантический контуры, *przystawka woli* – приставка воли, *dławik filozoficzny* – философский глушитель, *filtry rzeciwgrafomańskie* – противографоманские фильтры, *generator rymów* – генератор рифм, *egocentryzator ze sprzężeniem narcystycznym* – эгоцентризатор с нарциссической пружиной.

Лем описывает блок-схему своего аппарата, отсюда возникает иллюзия некоей инструкции к сбору аналогичного механизма «в домашних условиях». Также автор даёт информацию о внешнем виде Электрибалъта:

Elektrybałt podobny był do olbrzymiego silnika okrętowego, cały w stalowych galeryjkach, kryty nitowaną blachą, z licznymi zegarami i klapami.

Электрибалът был похож на огромный судовой двигатель, весь в стальных галереях, покрытый клёпаным железом, разнообразными часами и клапанами.

Знаки-символы «электрический дух», «электрическая вода» соотносят нас с теологической идеей возникновения мира, а также наталкивают на мысль о схожести создания мира и творческого творения.

Следующая стратегия Лема – это языковая игра с читателем. Языковая игра есть не что иное, как моделирование вторичной реальности по определённым логическим и семантическим схемам [Хинтиikka 1980: 248]. С. Лем обращается не только к объектам реального мира, таким, как небо, земля, дома, люди, но и к явлениям, неизвестным нам, например, к говорящим, думающим и абсолютно самостоятельным машинам. Автор будто прячет неизвестные объекты среди известных, и задача читателя состоит в том, чтобы установить роль и место каждого неизвестного объекта в лемовской Вселенной. Читатель ментально переносится в мир Станислава Лема; основным механизмом такого переноса служат различные виды референции: **прямая референция**, как способ локализовать место и время повествования; **косвенная референция**, как механизм связи текста Лема с другими текстами культуры (Ветхий Завет, «R.U.R.» К. Чапека, «Голем» Г. Майринка и др.); **нереферентное употребление имён**, позволяющее «увидеть» такие существа и объекты, как Электрибалт, которые «существуют» только во Вселенной Лема.

Возможный текстовый мир в рассказе «Wyprawa pierwsza A, cszyli Elektrybałt Trurla», кроме многочисленных странных и невероятных объектов и существ (которые описаны в других рассказах из цикла «Кибериада» и сборника «Сказки роботов»), населён машинами, обладающими искусственным интеллектом. Одна из таких машин, Электрибалт, призвана создавать художественные тексты. Станислав Лем предлагает нам следующий **алгоритм текстопождения** (творчества):

1. создание системы пресуппозиций:
 - текстов культуры;
 - знаний в виде текстов;
 - коммуникативных фрагментов речи;
 - единиц языка (морфем);

2. создание классов объектов, парадигм текстов и актов речи, из которых выбираются элементы, включающиеся в повествование;
3. семантическая, морфемная и грамматическая комбинации, создающие двухмерную картину мира: с одной стороны – текст, построенный с использованием различных видов референции и лингвистического конструирования, с другой – актуализация возможного мира, населённого разнообразными существующими и не существующими в реальности объектами и существами;
4. создание контекста для интерпретации, на первый взгляд, бессмысленных, бессвязных текстов, как в примере (1).

Лем подсказывает нам не столько, каким должен быть кибернетический поэт, сколько, каким является поэт-человек. Поэту необходим опыт прошлых поколений, культурологическая эрудированность, эмоциональная чувствительность, философское мировоззрение и эгоцентричность. Лем даже приводит пропорции, в которых должны быть представлены перечисленные качества. И машина Трурля, собранная из контуров и ламп с соответствующими характеристиками, заработала, и не просто заработала, а усовершенствовала свой стиль и превзошла поэта-человека.

Нам осталось выяснить, каковы возможности интерпретации рассказа С. Лема «Wyprawa pierwsza A, czyli Elektrybał Trurla». Мы совершили интерпретацию-перевод всех номинаций в рассказе и распределили их на категории:

- имена, существующие в словаре польского языка (civilizacja (цивилизация), poezja (поэзия), cement (цемент), papier (бумага) и т.д.);
- нереферентно употреблённые имена, вымышленные Станиславом Лемом, не имеющие в тексте описания их признаков и свойств (chrzęskrzyboczek (сущ.), bajta (сущ.), wprzącznie (нар. или сущ. во мн.ч.) и др.);

- «новые» имена, описанные в тексте (Elektrybałt (Электрибальт)).

Наибольшую трудность составляет интерпретация-перевод неререферентно употреблённых имён. Помочь может только использование автором морфем польского языка и фонетическое соответствие некоторых слов польским корням. Первоначально необходимо интерпретировать «новое» слово в тексте на языке-оригинале, после – перевести его с учётом ассоциаций, возникших при чтении польского текста. Приведём пример того, как можно интерпретировать при помощи нашего алгоритма отрывок:

*Trzy, samolóż wywiorstne, gręzacz tęci wzdyżmy,
Apelajda sękliwa browajkę kuci.*

Три, лётложе вывёрстно, грёз вздыхотливаем радужи,
Судливая призывайда куёт пивну.

Основания для перевода: перед нами слова-карманы, как их называл Льюис Кэрролл [Успенский 2007], корни этих слов созвучны польским корням, флексии указывают на часть речи, к которой принадлежит слово, и соответствующие ей характеристики. *Samolot* (самолёт)+*łóżko* (кровать)=*samolóż*; *tęcza* (радуга)+*i=tęci*; *wzdychać* (вздохнуть)+*ż+my*= *wzdyżmy*; *apel* (призыв)+*ajd+a*=*apelajda*; *sędzia* (судья)+*kliw+a*=*siękliwa*; *browar* (пивоваренный завод)+*ajk+ę*=*browajkę*; *kuć* (ковать)+*i*=*kuci*.

В заключение отметим, что перед нами не только фантастический, но и футурологический рассказ. Лем пишет, что Электрибальт повторяет стиль любого поэта по совокупности его текстов. В наше время существует программа, которая смоделировала музыкальное произведение в стиле Л. Бетховена, проанализировав творчество великого композитора. Таким образом, Лем предсказал возможность существования киберэпигонов. Возможно, современных кибернетиков останавливает отсутствие технологии внедрения искусственному интеллекту референциальных механизмов, способов соотношения языка и окружающего мира. Если мы сможем запрограммировать искусственный интеллект и научим его создавать так называемые имагинативные представления (позиционировать себя внутри модели параллельного, текстового мира) [Блауштайн 2002], то творчество перестанет быть привилегией человека.

Библиография

Блауштайн Л., 2002: Избранные сочинения. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2002. – 280 с.

Реформатский А.А., 2007: Введение в языковедение. – М.: Просвещение, 2007.

Успенский Б.А., 2007: Язык и коммуникационное пространство. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 320 с.

Хинтиikka Я., 1980: Логико-эпистемологические исследования. – М.: Прогресс, 1980.

Lem S., 1966: Wyprawa pierwsza A, czyli Elektrybał Trurla // Ratujmy kosmos i inne opowiadania. – Kraków: Wydawnictwi Literackie, 1966. – S. 213-224.

Е.А.Смердова

Язык и структура возможного мира в «Сказках роботов» Станислава Лема

Статья посвящена проблеме лингвистического конструирования текстовой картины мира в контексте интеграции фантастического и сказочного нарратива. Исследование производится на материале сборника рассказов Станислава Лема «*Wajki robotów*» [Lem 2012]. «Сказки роботов» – это сборник легенд, сказок о роботах из далёкой Галактики. Синтез обоих жанров – сказки и научной фантастики – проявляется как на уровне сюжета, так и языка. Например, это процесс словообразования, когда корни в структуре слова принадлежат различным временным пластам языка (*электрицари, киберграфы* и др.). Граница между жанрами сказки и научной фантастики (на лексическом, синтаксическом и дискурсивном уровнях) остаётся достаточно отчётливой. Этот стилистический приём смешения мифологического и технологического начал позволяет автору поставить вопрос: есть ли в природе различие между естественным (*naturalne*) и искусственным (*sztuczne*)? Если есть, то как отличить одно от другого? Может ли искусственный разум породить миф? Или это прерогатива только разума естественного, человеческого? Ответ на эти вопросы – одна из задач нашего исследования.

Интерпретация «Сказок роботов» затруднена различными ожиданиями читателя от жанров сказки и фантастики: получается, либо роботы здесь «не на месте», либо неуместны принцессы, рыцари и т.д. Автору удалось создать особую картину мира, для понимания которой необходимо принять его стратегию жанровой интеграции. Только посредством анализа лингвистических (и дискурсивных) особенностей обоих жанров можно интерпретировать «Сказки роботов». Это и стало основной целью нашего исследова-

ния – определить лингвистические границы интерпретации «Сказок роботов» Станислава Лема.

«*Wajki robotów*» [Там же] были опубликованы в 1964 году и изначально включали в себя 15 рассказов. Три из них – рассказы о приключениях конструкторов Трурля и Клапауциша – позднее положили начало циклу «Кибериада». «Сказки роботов» мыслились автором как фантастические повести, которые мама-робот рассказывает своим детям [Jarzębski 2012: 213]. Это произведение является, пожалуй, наиболее удачным опытом совмещения мифологии и технологии. Герои перемещаются из одной Галактики в другую, демонстрируют недюжинные инженерные способности. В то же время на планетах действуют феодальные порядки, придворные советники плетут интриги («Советники короля Гидропса»), а короли беспокоятся за судьбы своих дочерей и устраивают турниры для кандидатов на руку принцессы («Как Эрг Самовозбудитель бледнотика победил») [Jarzębski 2012: 213].

Сказочный и фантастический нарративы имеют свои лингвистические границы. Мы можем совершенно точно сказать, где заканчивается один жанр и начинается другой. Среди характерных черт сказки можно отметить типичные зачины:

Żył raz pewien wielki konstruktor-wynalazca... [Lem 2012:

7]

Жил да был один великий конструктор-изобретатель... («Три электрицаря»)

Dawno temu, wśród czarnego bezdroża, na biegunie galaktycznym, w samotnej wyspie gwiazdnej... [Там же: 57]

Давным-давно среди бездорожья, на галактическом полюсе, на одиноком звёздном острове... («Два чудовища»)

и окончания:

...**Odtąd** nikt już nie próbował najechać Kryonii, bo zabrakło głupców w całym Kosmosie, chociaż niektórzy mówią, że ich jeszcze sporo, a tylko drogi nie znają. [Там же: 15]

...**С тех пор** больше никто не пытался захватить Криюнию, потому что не осталось в Космосе дураков, хотя некоторые говорят, что их ещё много, только они дорогу не знают. («Три электрицаря»)

...wielki programista i pozostali minisrowie służyli odtąd wiernie nowemu królowi, Aurentyna zaś i Froton, który został wielkim podblasznym koronnym, **żyli długo i szczęśliwie**. [Там же: 116]

... с тех пор главный программист и остальные министры верно служили новому королю, Ауритена и Фротон, ставший главным королевским жестянщиком, **жили долго и счастливо**. («Советники короля Гидропса»)

Эти структурные элементы играют важную роль – они создают отсылку к мифам, к «человеческим» сказкам и легендам. Ещё одним лингвистическим маркером сказки¹ служат лексемы: *doradca* (советник), *mędrzec* (мудрец), *król* (король), *królowna* (принцесса), *scarbnica* (сокровищница), *poddany* (подданный), *minister koronny* (королевский министр). Также мы можем найти в рассказах Лема типические мифологические сюжеты². В рассказе «Друг Автоматеуша» [Там же: 117-146] электронный друг Автоматеуша, маленькое ушное устройство по имени Вух, «помогает» ему справиться с трудной ситуацией. Когда Автоматеуш в результате кораблекрушения попадает на необитаемый остров, Вух советует ему совершить самоубийство в виду малой вероятности спасения и доводит приятеля до сумасшествия. Этот сюжет, по Рожеру Калуа, относится к типу «договор с дьяволом». Здесь Вух, робот-друг, играет роль дьявола, хитрого, умного и коварного. В «Сказке о цифровой машине, что воевала с электродраконом» [Там же: 86-97] электродракон появился в результате орфографической ошибки: король Полеандр приказал машине совершить прыжок, а она сотворила дракона. Читатель принимает участие в языковой игре, когда в сложном слове при сохранении первого корня (*elektro-*) происходит замена согласного звука во втором корне (*skok* и *smok*). В результате прыжок (*elektroskok*) становится драконом (*elektrosmok*).

В конце концов, машина уничтожает разбушевавшегося электродракона, предлагая ему «вычесть себя из себя». Такой сюжет из-

¹ Исследуется польский текст, следовательно, мы говорим о западноевропейской сказочной традиции.

² Названия типических сюжетов цитируются по статье Р. Калуа «От сказки до научной фантастики» [Caillois 1967: 31-65].

вестен в культуре. Его модель: «статуя, манекен, оружие или автомат, которые внезапно оживают и становятся независимыми». Ещё один типический сюжет – «смещение областей сна и реальности» – мы находим в «Сказке о короле Мурдасе» [Там же: 163-178]. Король Мурдас очень боялся родственников, якобы претендующих на его трон. Тогда он приказал уничтожить всех родственников (вообще всех, т.к. все роботы родственны друг другу), а сам стал «дополняться и расширяться» за счёт новых деталей и, наконец, оказался «роботом-государством». Он видел сны, которые перемешивались с реальностью, он сражался сам с собой, и так продолжалось бесконечно долго.

Мы привели примеры типичных сказочных сюжетов, которые Лем использовал в «Сказках роботов». Система персонажей также соответствует определённым типам. Очевидно, что сказки Лема выстроены по тем же принципам, которые описал В.Я. Пропп в «Морфологии сказки» [Пропп 2001]. Покажем это на примере рассказов «Урановые уши» [Lem 2012: 16-24] и «Как цифровая машина воевала с электродраконом» [Там же: 86-97].

Таблица 1

Функции сказочных персонажей³

Функции действующих лиц по В.Я. Проппу	Функции действующих лиц в «Сказках роботов» С. Лема
<i>«Урановые уши»</i>	
I. Один из членов семьи отлучается из дома.	I. Инженер по имени Космогоник создаёт планету Актинурию. Он оставляет её, решая вернуться через сто миллионов лет.
II. К герою обращаются с запретом: 2) Обращённую форму запрета представляет собой приказание или предложение.	II. Главный герой – изобретатель Пирон, как и все другие жители Актинурии принуждён носить урановые доспехи (даже на ушах). И это никому не нравится.

³ Римские цифры обозначают нумерацию функций сказочных персонажей у В.Я. Проппа [Пропп 2001].

III. Запрет нарушается.	III. Пирон с товарищами решают устроить бунт против жестокого короля Архитора.
IV. Антагонист пытается произвести разведку.	IV. Архитор прослушивает разговоры всех жителей Актинурии, стремясь раскрыть заговор.
<...> XIV. В распоряжение героя попадает волшебное средство.	<...> XIV. Космогоник возвращается на Актинурию и даёт Пируну урановые дукаты, скопление которых немедленно взрывается.
<...> XVIII. Антагонист побеждается.	<...> XVIII. Жители стали платить налоги урановыми дукатами. Когда в казне их накопилось достаточно, они взорвались. Король Архитор умер.
<i>«Как цифровая машина воевала с электродраконом»</i>	
<...> VIII-а. Одному из членов семьи чего-либо не хватает, ему хочется чего-нибудь.	<...> VIII-а. Король Полеандр Партобон очень любил воевать. Когда у него не осталось реальных врагов, он приказал создать цифровую машину, продуцирующую искусственных неприятелей.
IX. Беда или недостача сообщается, к герою обращаются с просьбой или приказанием, отсылают или отпускают его.	IX. Чтобы опробовать возможности цифровой машины, Полеандр приказывает ей совершить «электроскок» (<i>elektroskok</i>).
X. Искатель соглашается или решается на противодействие.	X. Машина вместо электроскока делает электродракона (<i>elektrosmok</i>). Он причиняет неприятности Полеандру, король приказывает машине уничтожить электродракона.
<...> XVI. Герой и антагонист вступают в непосредственную борьбу.	XVI. Машина выбирает из всевозможных вариантов уничтожения самый рациональный: она просит дракона совершить ряд математических вычислений с самой собой.

<...> XVIII. Антагонист побеждается.	<...> XVIII. В результате дракон «вычитает себя из себя» и исчезает.
---	---

Приведённые в Таблице 1 данные показывают, что для своих сказок Лем использовал традиционные схемы. Такую тщательную проработку типического сказочного сюжета и системы персонажей можно объяснить авторской стратегией. Автору важно заставить читателя поверить в то, что роботы тоже сочиняют и слушают сказки. Так достигается достоверность текстовой картины мира. Рассказы С. Лема соответствуют сказке как структурно (композиция, синтаксис), так и содержательно (лексика, сюжет, система персонажей).

В «Сказках роботов» Лем переносит нас во вдвойне фантастическую картину мира. С одной стороны, *жизнь роботов* – частый мотив в научно-фантастических произведениях, с другой стороны, автор показывает неизведанный и незнакомый «маленькому роботу» мир, *сказочный мир* [Jarzębski 1983: 195]. Зачем Лем совмещает сказочный и фантастический нарратив? Как пишет Р. Калуа: «Сказка и научно-фантастический рассказ выполняют аналогичную функцию передачи информации. Они отражают наивысшую степень напряжения между тем, что человек может, и тем, что он хотел бы делать. <...> Между тем, что человек знает, и тем, что от него скрывает занавес тайны» [Caillois 1967: 64]. Действительно, «Сказки роботов» плавно перетекают в русло научно-фантастического произведения.

Среди характерных черт научно-фантастического нарратива мы, прежде всего, выделяем специфическую лексику:

konstruktor (конструктор), *wynalazca* (изобретатель), *atom* (атом), *planeta* (планета), *Wszechświat* (Вселенная), *lit* (литий), *tryt* (третий), *deuter* (дейтерий) и др.

Физические, химические, астрономические термины (за ними стоят элементы технологической цивилизации) напрямую связаны с роботами и их повседневной жизнью. Но мы должны помнить, что перед нами сказки для роботов-детей, а значит, они (как и все сказки) призваны воспитывать и просвещать читателей. В связи с

этим здесь много описаний и объяснений причин различных событий. Например, в сказке «Как Микромил и Гигацян способствовали разбеганию туманностей» [Lem 2012: 78-86] описывается момент сотворения мира роботов. Как рассказывает автор, два конструктора создали по одному мыслящему существу: Микромил – разумный рубин, а Гигацян – *космолюда*, вмещающего в себя галактики, туманности и самих конструкторов. Конструкторы устроили поединок между своими творениями. Космолюд не мог увидеть крохотный рубин и оборачивался вокруг себя. В результате туманности и галактики начали вращаться вокруг своей оси и все вместе вокруг центра Вселенной. Именно таким знаем мир и мы, и роботы.

В роли колдунов и ворожей в научно-фантастическом произведении выступают конструкторы. Именно благодаря их неисчерпаемому остроумию мы становимся свидетелями зрелищных звёздных турниров; вместо магической силы тут выступают интеллект и инженерная смекалка [Jarzębski 2012: 215]. Фантастический нарратив создаёт второй уровень текстовой картины мира с роботами, технологическими изобретениями и пр.

Маркером жанровой интеграции сказки и научной фантастики стали неологизмы, совмещающие два лексических значения: *фантастическое* и *мифологическое*:

cyberbronia (кибероружие), *cybergęśle* (киберветви), *cyberknecht* (киберкнехт), *elektrosmok* (электродракон), *elektrosmoła* (электросмола), *elektropazur* (электрокоготь), *elektrycerze* (электрыцари).

В ходе языковой игры в словообразование происходит склейка терминов естественных наук и сказочного лексикона [Там же: 219].

Одновременно Лем играет сюжетами культуры и науки, показывая, что в мире в равной степени универсальны законы физики, математики и грамматики. Так, *электродракон* не может не выпустить *электросмолу*. Или *электродракон* способен вычесть себя из себя, что приведёт к его аннигиляции-самоуничтожению.

Отвечая на вопрос *что натурально, а что искусственно* в нашем мире, Лем показывает: искусственно всё то, что *сотворено*. Значит, люди тоже, в определённой степени, *искусственны*. Всё дело в том, с какой стороны посмотреть. Человек – продукт эволюции. Но

одновременно он продукт языка и культуры (искусственная составляющая).

Искусственны или естественны роботы? Если мы говорим о роботах, как о творениях рук человеческих, то искусственны (искусственный интеллект). Но одновременно сотворённые роботы начинают развиваться по законам самоорганизующихся систем. И, в этом смысле, они естественны. Такой порядок вещей Лем показывает метафорически, используя сказочные формулы. Эволюция роботов не может не повторить эволюцию человека. Отсюда, сотворение Вселенной роботов, их мифология и история. Разум, интеллект – любимые предметы лемовских текстов – источники жизни, развитие которой происходит в диалектике естественного и искусственного.

Библиография

Пропп В.Я., 2001: Морфология волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2001. – 192с.

Caillois R., 1967: Od baśni do “science-fiction” // Odpowiedzialność i styl. – Warszawa, 1967.

Jarzębski J., 1983: Posłowie // Lem S. Bajki robotów. – Warszawa: Krajowa agencja wydawnicza, 1983.

Jarzębski J., 2012: Posłowie. Roboty i ludzie // Lem S. Bajki robotów. – Kraków: Wydawnictwo literackie, 2012.

Lem S., 2012: Bajki robotów. – Kraków: Wydawnictwo literackie, 2012.

Н.В. Мальчукова

Проблема Другого в романах С. Лема «Солярис» и В. Пелевина «S.N.U.F.F.»

Лингво-антропологический поворот, произошедший в философии XX в., на первый план выдвинул исследования коммуникации и понимания, а это со всей остротой поставило перед философами проблему Другого, представляемого с одной стороны как некоего субъекта, находящегося вне меня, противостоящего мне физически, ценностно и мировоззренчески, а с другой стороны, как того, кто может находиться и во мне самом, как внутренне противостоящая мне психическая структура. При этом становится ясным, что существование

человека как личности, поиск им жизненных ориентиров, самоопределение во многом оказываются обусловлены тем, как человек осмысливает Другого (внешнего и внутреннего), каким видит себя в отношении к нему.

В настоящее время проблема Другого приобретает особое значение также и в связи с развитием науки, техники и разного рода технологий, результатом чего является появление искусственных систем, созданных человеком и обладающих в той или иной мере человеческими способностями, так называемых систем интеллект-

ного управления. Появление таких систем с необходимостью ставит вопросы об их статусе, о том, насколько, реализуя человеческие способности, они могут быть сопоставимы с человеком в его сущностных характеристиках: ведь данные системы в полном смысле слова являются Другими по отношению к человеку. Постановка и решение этих вопросов реализуется в научно-философском, теоретическом плане, например, в рамках дискуссии о сильном и слабом искусственном интеллекте, получающей развитие в философии сознания. Вместе с тем они имеют и художественно-философское, образное разрешение в рамках такого жанра литературы, как научная фантастика, к которому относятся в частности романы С. Лема «Солярис» и В. Пелевина «S.N.U.F.F.».

Эти два романа, разные в стилистическом и концептуальном плане, разделённые пятидесятилетним интервалом («Солярис» вышел в 1961 г., а «S.N.U.F.F.» – в 2011 г.), объединяются двумя интегральными признаками, важными в контексте анализируемой проблематики: 1) выраженной ориентацией на научно-философскую базу (так, например, в своей автобиографии «Моя жизнь» С. Лем указывает, что при написании романа он ориентировался на научную литературу, в частности на «Кибернетику и общество» Н. Винера [1, с. 18], а у В. Пелевина в тексте романа имеются прямые ссылки на идеи Дж. Сёрля, Д. Чалмерса, Д. Деннета, А. Тьюринга, занимающие центральное место в решении проблематики искусственного интеллекта); 2) присутствием в качестве одного из главных героев фигуры Другого, к созданию которого имеет отношение человек. При этом в отличие от научной литературы, теоретизирующей по поводу проблемы Другого, в данных романах герой-человек оказывается непосредственно вовлечён в ситуацию, когда от решения им проблемы Другого, определения его отношения к Другому здесь и сейчас так или иначе зависит его существование и эмоционально-психическое равновесие.

В «Солярисе» Другой – это Хари, давно умершая в девятнадцатилетнем возрасте жена психолога Криса Кельвина, которая появляется на космической станции «Солярис» вскоре после его прибытия туда (действие происходит в далёком от нашего времени будущем). Эта вновь появившаяся Хари, Хари Соляриса (далее Хари С.) внешне и внутренне (психически) полностью идентична умершей, с

той лишь разницей, что она не нуждается в еде и в сне, физически не может находиться без Криса, обладает несопоставимо большей по сравнению с человеческой силой и способностью к регенерации, причём обладание последней позволяет сделать заключение о неуничтожимости Хари С., во всяком случае известными человеку средствами, т. е. о её бессмертии.

Стремясь понять, кто же эта вновь появившаяся Хари и как стало возможным её появление, Крис постепенно открывает, что сотворцами девушки являются он сам и плазменный океан, почти целиком покрывающий планету Солярис. Хари С. предстаёт материализованной проекцией того, что относительно её прообраза сохранил мозг Криса [2, с. 101]. А саму материализацию осуществил океан, каким-то способом извлёкший воспоминание Криса о Хари – «образ, записанный языком нуклеиновых кислот на многомолекулярных асинхронных кристаллах» [2, с. 177] и перенёсший его на другой материальный носитель, неизвестный науке, но имитирующий физическую организацию человека вплоть до молекулярного уровня [2, с. 99-101].

Крис с самого начала знал, что Хари С. – не человек, а своеобразная имитация человека, но достаточно быстро он начинает воспринимать её как человека и относиться к ней как к человеку. Во многом, как представляется, это связано не только с тем, что Хари С. любит Криса, но и с теми изменениями, которые происходят в ней самой. Последняя изначально осознаёт себя человеком и именно Хари, но при этом ведёт себя, как те представления, те записи в памяти Криса, по которым она была воспроизведена, то есть предстаёт просто как реализация определённой программы. Но впоследствии она от неё отстывает, начинает приобретать самость и обусловлено это тем, что она осознаёт Другого внутри себя. К этому осознанию, то есть к самоидентификации, Хари С. приходит постепенно в результате цепочки событий, в процессе которых она сталкивается и со своими необычными свойствами, отличающими её от Криса [2, с. 93-94; с. 132-134], и с отношением коллег Криса, в частности, Снаута [2, с. 124], и с отношением самого Криса, который тоже находится в непростой ситуации принятия её инаковости [2, с. 104-105]. Однако решающей в этой цепочке оказывается прослушанная Хари С. магнитофонная запись одного из коллег Криса,

где раскрывается суть феномена гостей, каковым является она сама. Именно эта запись завершает процесс самоидентификации Хари С. (и в этом смысле показательна её фраза, адресованная ею после прослушивания записи Крису «...хочу, чтобы ты знал: я – не она (*не Хари – Н. М.*)» [2, с. 139]) и заставляет её искать смерти как избавления от инаковости.

В «S.N.U.F.F.-е» Другой – это Кая – сура, «суррогатная женщина», «самоподдерживающаяся биосинтетическая машина класса “премиум 1”» [3, с. 71]. Кая является искусственной сожигательницей, любовницей одного из представителей постапокалиптического мира будущего Дамилолы Карпова – лётчика-оператора вооружённой дистанционно управляемой летающей кинокамеры. Создание Каи – дело рук специально обученных людей – производителей сур, которые, однако, создавая её, учитывали пожелания Дамилолы относительно её внешнего вида и способностей.

Внешне Кая неотличима от человека и предстаёт шестнадцатилетней девушкой совершенной красоты. Её материальным субстратом при этом являются «самовосстанавливающаяся квази-органическая наноткань» [3, с. 74] и электронно-механическая составляющая [3, с. 71], вследствие чего Кая не нуждается в пище как таковой (ей необходимы только вода и две-три эксплуатационные таблетки в год), в сне, в кислороде (хотя она и может имитировать сон и дыхание) и обладает способностью к регенерации. Находящаяся внутри Каи атомная батарейка является её основным источником питания и имеет многовековой срок эксплуатации. Такое физическое устройство обеспечивает Кае вечную молодость и фактически бесконечный по сравнению с человеческим срок жизни. При этом психическое поведение, реакции Каи идентичны человеческим, хотя спрограммированы они её создателями и отрегулированы самим Дамилолой. Данная коллизия ввергает Дамилолу в постоянные размышления о личностном статусе Каи, наличии или отсутствии у неё самости, сознания, души.

По сути дела Кая – это сексуальная игрушка, инструмент наслаждения для Дамилолы, не только физически, но и психически имитирующий человека, т. е. способный вступать с ним в полноценное общение. Данная способность, подразумевающая наличие эмоционально-волевой составляющей, на определённом уровне за-

программирована фабрично, однако владелец суры имеет возможность менять её в широких пределах, регулируя её настройки по своему усмотрению. При этом самым опасным, хотя и самым многообещающим в плане достижения владельцем суры настоящего счастья, является режим ручной настройки. Его опасность состоит в том, что при этом режиме поведение суры становится непредсказуемым (не случайно находящаяся в таком режиме сура снимается с гарантии), а обещание счастья – в том, что именно в таком случае сура превращается «...из предмета мебелировки в живого непредсказуемого спутника жизни, который может погибнуть сам, а может отправить на тот свет и вас» [3, с. 116]. Именно этот режим настроек Каи выбирает Дамилола, когда выставляет ей на максимум такие параметры, как «существо», «соблазн» и «духовность». При этом самым коварным, то есть обеспечиваемым непредсказуемостью поведения Каи, в такой настройке оказывается «духовность», поскольку в этом случае «... всё поведение суры, вся её речь и реакции резонируют с древней мудростью человечества. Причём база данных время от времени обновляется» [3, с. 119].

Общаясь с Каей, Дамилола не устаёт повторять и ей, и себе, что её нет как личности, что она просто имитация, симулякр, отражение его самого, однако её непредсказуемое поведение заставляет его постоянно сомневаться в собственных утверждениях. Пытаясь разрешить свои сомнения, Дамилола обращается и к аргументу китайской комнаты Дж. Сёрля [3, с. 210], и к дискуссии Д. Чалмерса и Д. Деннета о «философском зомби» [3, с. 494-496], но в конечном итоге как наиболее правомерный он признаёт бихевиористский подход к трактовке поведения, что далее логически приводит его к выводу о том, что «...разницы между мной и Каей просто нет. А если и есть, то не в мою пользу» [3, с. 497]. Такой вывод подтверждает и лейбл, который стоит в документации Каи – «Пройден тест Тьюринга», причём пройден на 100% [3, с. 497-498]. Пытаясь выявить правомерность своих выводов, Дамилола обращается за консультацией к самой Кае. Последняя подтверждает, что действительно разницы между ними нет никакой, причём она идет дальше, утверждая, что оба они суть всего лишь программы, только она – электронная, а Дамилола – химическая, отвергая, таким образом, возможность самоуправления, целеполагания и свободы воли не только для маши-

ны, но и для человека [3, с. 499-516]. Впрочем, в дальнейшем Кая, хитростью получив доступ к своим настройкам и сбежав от Дамилолы с самостоятельно выбранным возлюбленным, демонстрирует как раз обратное, а именно, способность к самоуправлению и целеполаганию. Хотя Дамилола, тяжело переживая её побег, рассматривает и его не иначе как своеобразную реализацию выставленных им максимально параметров: «существа», «соблазна» и «духовности» [3, с. 598-601], то есть как реализацию заданной программы.

В заключение рассуждения следует заметить, что в обоих романах именно поведение нечеловеческих систем является тем критерием, по которому люди (Крис и Дамилола соответственно) определяют для себя их статус. Таким образом, здесь, как и в тесте Тьюринга, основным критериальным признаком определения статуса Другого оказывается его поведение. Вместе с тем, если важным условием теста Тьюринга является то, что тестирующий, оценивая поведение системы, не знает, с человеком или машиной он контактирует, то в обоих романах люди, производящие оценку, изначально знают, что имеют дело с нечеловеческими системами. Однако поведение этих систем оказывается таковым, что заставляет людей воспринимать их как себе подобных, а это делает правомерным следующий вывод: когда имитация человека достигает такого уровня, что её поведение невозможно отличить от поведения человека, вступающего с ней в контакт, то для человека становится неважным, что она – имитация, – и он реагирует на неё и воспринимает её как человека¹.

Здесь надо обратить внимание на то, что поведение человека всегда представлено в единстве физических и психических составляющих и, производя операции идентификации и самоидентификации, человек ориентируется именно на такое единство. При этом нечеловеческие системы, представленные в избранных для анализа романах (Хари С. и Кая соответственно), демонстрируя психическое поведение, тождественное человеческому, а именно – способ-

¹ Такое восприятие, тем не менее, не снимает проблему юридического статуса подобных систем, определение которого с учетом, скажем, социально-экономических выгод определяющего может быть отнюдь не в их пользу. Так, например, Дамилола замечает, что государству с учётом этих выгод предпочтительно считать сур просто электроприборами, не углубляясь в проблему обладания ими самости [3, с. 493-496].

ность выходить за рамки заданного, осуществлять целеполагание, самоуправление и эмоционально-когнитивную оценку окружающего и самооценку, такой тождественности с человеком в своей физической (субстратной) и физиологической организации не имеют². В данном случае получает развитие принцип изофункционализма систем, согласно которому один и тот же набор функций может быть воспроизведён системами с разными физическими свойствами. Художественная форма развития данного принципа позволяет представить ситуацию, когда не просто одна или несколько психических функций человека, а вся его психика оказывается воспроизведённой на отличном от его природного субстрате. Здесь не объясняется, как именно становится возможным такое воспроизведение (в то время как для науки такое объяснение является принципиальным), однако показывается, с какими проблемами может столкнуться не только контактирующий с результатами данного воспроизведения человек, но и сам результат этого воспроизводства, являющийся в полном смысле этого слова Другим.

Литература

1. Лем С. Моя жизнь // Лем С. Собр. соч.: в 10 т. – Т. 1. – М.: Текст, 1992. – С. 8-28.
2. Лем С. Солярис. Непобедимый. Звёздные дневники Ийона Тихого. – М.: Правда, 1988. – 480 с.
3. Пелевин В. S.N.U.F.F. – М.: Эксмо, 2012. – 608 с.

² В «Солярисе» также и плазменный океан оказывается тем космическим Другим, который, вступая в своеобразный контакт с людьми на станции Солярис через Хари и подобных ей посетителей коллег Криса, вообще никаких физических соответствий с человеком не имеет. Отношение обитателей станции Солярис к океану как Другому, являясь стржевым в концепции романа, специального рассмотрения в данной статье не получает, так как для анализа была избрана фигура Другого, к созданию которого так или иначе имеет отношение человек и который вступает с человеком в полноценное общение.

К.С.Поздняков

Проблема понимания в рассказе С. Лема «Лунная ночь» и фельетонах И. Ильфа и Е.Петрова

Для того, чтобы заявленная тема не показалась абсурдной или чрезвычайно надуманной, необходимо сделать ряд существенных оговорок. П. Вайль и А. Генис отмечают, что космос для советского человека 60-х годов представлялся одним из самых популярных образов¹. Несмотря на то, что покорение космоса стало возможным благодаря развитию науки и техники, в коллективном сознании всё «космическое» носило откровенно мифологический характер. Космонавты становились героями нового мифа, а космос обретал символические значения: «Для советского человека космос был ещё и символом тотального освобождения. Разоблачён Сталин, напечатан Солженицын, выпущены транзисторные приёмники, идёт разговор об инициативе и критике. Выход в космос казался логическим завершением процесса освобождения и логическим началом периода свободы. Ощущение силы и беззаветной веры в неё сказывалось во всём: в стихах, сибирских стройках, первых хоккейных успехах»². Однако эйфория со временем прошла. В этом плане показателен цикл стихов И. Холина «Космические», носящий иронический и антиутопический характер. Автор демонстрирует картину, не внушающую оптимизма. Советский человек, покорив космос, фактически

¹ Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. – М.: НЛО, 2001. – С. 22-26.

² Там же. – С. 25.

превращает освоенное пространство в новый Советский Союз. Те же проблемы, те же границы, штампы и стереотипы.

Неудача

Иванов
Получил на Луне
Дачу
Лаётся
На чём свет
Куда только смотрит
Московский совет
Это не ракета
А кляча
В понедельник
Попала
В магнитное поле
В среду
Увязла в космической пыли
В субботу
Опоздал на работу³

Романтика космических путешествий уступает место будничным образам. Перед нами тривиальная картина: советский индивид, спешащий попасть на работу и жалующийся на свою разбитую «колымагу», изменился только масштаб. Форма, заимствованная Холиным из научной фантастики, не выдерживает натиска советского содержания и обесценивается. Можно сказать, что человека не переделаешь, он и в космос отправляется со своим багажом, грузом проблем, связанных с бытом. Космический антураж – это всего лишь декорации, они могут быть любыми. Даже планету можно при желании превратить в советскую коммуналку.

Похожее художественное решение наблюдается в рассказе С. Лема «Лунная ночь». Два главных героя, доктор Миллс и доктор

³ Холин И. Избранное. Стихи и поэмы. – М.: НЛЮ, 1999. – С. 72.

Блопп, попадают в форс-мажорную ситуацию, происходит утечка кислорода. Оставшихся запасов хватит лишь на одного, и поэтому кто-то должен пожертвовать собой ради спасения другого. Текст представляет собой протокол записи диктофона, который фиксировал все звуки на лунной станции. Данный момент стоит отметить особо, поскольку персонажи фактически разыгрывают целый спектакль, понимая, что плёнка (или цифровой носитель) впоследствии может оправдать действия одного из них. Миллс и Блопп находятся под постоянным наблюдением и прекрасно понимают это. Отбросив в сторону космические декорации, герои оказываются в условиях коммуналки или реалити-шоу. За ними следят «другие», наблюдатели, каждый из которых может сделать собственный вывод о том, кто прав, а кто виноват. Самым главным страхом человека в рассказе С. Лема оказывается страх перед соседом, другим.

Подобный страх характерен и для советского коммунального субъекта. Пожалуй, наиболее ярко это чувство описали соавторы И. Ильф и Е. Петров. В этом плане показательна повесть «Светлая личность», своими антиутопическими чертами вполне сопоставимая с романом «Мы» Е. Замятина. Правда, вместо «прозрачных», стеклянных стен, через которые жители Единого Государства имели возможность следить друг за другом, появляется персонаж по прозвищу Прозрачный, невидимый чиновник местного Коммунального Хозяйства, который, якобы, может наблюдать за любым гражданином или гражданкой Пищеслава. В результате пищеславцы стараются быть лучше, чем они есть, но стараются не из благих побуждений, а из-за чувства страха перед невидимым «другим».

И для граждан Единого Государства, и для земляков Прозрачного «Другой» обретает черты ветхозаветного Бога. Это Бог, который следит за человеком и наказывает его (а иногда может наказать и целый город, и всех обитателей земного шара). Миллс и Блопп, разыгрывая спектакль перед диктофоном, думают не столько о том, чтобы выжить, сколько о том вердикте, который вынесет земной суд, тот самый карающий «Другой». При этом каждый из них готов принести в жертву товарища, но не себя. Новозаветные заповеди,

жертвенность, отринуты – для обоих астронавтов самой ценной оказывается собственная жизнь, а не спасение коллеги.

Правда, в «Лунной ночи» даётся намёк на то, что в злоключениях космонавтов виноват компьютер. В новостном блоке с Земли, который прослушивают Блопп и Миллс, попадаетея сюжет следующего содержания: «Этой ночью ударом электротока уничтожен новейший компьютер «Белл Телефон Корпорейшн». Согласно неподтверждённым слухам, компьютер уничтожили сотрудники фирмы, потерявшие работу после установки компьютера. Однако неофициальный представитель служащих «Белл Телефон» доктор Бакмен заявил на пресс-конференции, что этот компьютер был сам способен запрограммировать свою ликвидацию. Если дело обстоит так, то это первый в истории случай самоубийства компьютера. В 22:00 мы передадим интервью с доктором Бакманом, утверждающим, что новейшие компьютеры социально опасны»⁴.

Таким образом, события, происходящие в рассказе Лема, можно интерпретировать как ещё одну вариацию на излюбленную фантастами тему «бунта машин против людей». Действительно, Блопп и Миллс начинают паниковать после того, как компьютер объявляет об утечке кислорода, в финале голос машины сообщает о том, что ситуация стабилизировалась, но мёртвые космонавты эту информацию по иронии судьбы уже не услышат. Во всём этом можно усмотреть злую волю робота, если бы не одно «но». Стоит проанализировать контекст, в котором появляется новость о машине-самоубийце. Несостоявшийся теракт, странный захват власти, который невозможно признать ни законным, ни незаконным и т.п. Абсурдная и пессимистическая картина, нарисованная Лемом, выглядит вполне пророческой. Перед нами самая настоящая современная информационная война. По поводу каждого события есть огромное количество версий, и установить, какой вариант наиболее объективен, не представляется возможным. То же самое наблюдается и в основной части повествования: Блопп и Миллс обвиняют друг друга в хитро-

⁴ Лем С. Лунная ночь. Интернет-источник: <http://www.litmir.net/bg/?b=143691>. Дата обращения: 20.08.2014

сти, коварстве, преступных замыслах, но нет третьего лица, которое могло бы решить, на чьей стороне правда. Очевидно, что, когда тела астронавтов обнаружат их сменщики, в новостях появится несколько версий того, что же произошло на лунной станции. Можно сказать, что значение «бунта машины» в данном случае не принципиально.

Другая тема, которая представляется более интересной, – это отношения человека и машины. Ни Блопп, ни Миллс не пытаются самостоятельно решить проблему, исправить технические неполадки. Они целиком и полностью доверяются компьютеру, решив, что другого выхода, кроме оговорённого машиной, не существует. Помнится, в детской фантастической повести «Пленники астероида» К. Булычёва реализовывалась схожая семантическая компонента. Люди, хозяева астероида, настолько доверились роботам, что постепенно деградировали в инфантильных и бесхребетных существ. Учёные лунной станции, конечно, ещё не дошли до стадии, описанной Булычёвым, но, тем не менее, они не в состоянии усомниться или хотя бы проверить сведения, предоставленные компьютером. Вместо этого они предпочитают сомневаться друг в друге.

Подобная расстановка сил и схожий конфликт обнаруживаются в новелле Ильфа и Петрова «Граф Средиземский». Пожилой аристократ, бывший граф по фамилии Средиземский, вознамерившийся отомстить трём молодым людям, проживающим по соседству, не находит ничего лучше, чем сообщить каждому по отдельности о своём отцовстве. Каждый из троих советских граждан, ютящихся в крохотной комнате, думает, что именно он – незаконнорожденный Средиземский. Как и астронавты Лема, герои Ильфа и Петрова не сомневаются в правильности информации, которую сообщил им бывший граф. Все их помыслы отныне связаны с возможным разоблачением со стороны соседей. Из-за нелепейшей лжи Средиземского персонажами овладевает панический страх: «(...) Пружанский в перепачканных белых брюках кружил вокруг памятника Пушкину и горячо убеждал себя: – В конце концов я не виноват. Я жертва любовной авантюры представителя царского, насквозь пропитанного режима. Я не хочу быть графом. Рассказать невозможно, Талмудовский со мной просто разговаривать не станет. Интересно, как поступил бы

на моём месте Энгельс? Я погиб. Надо скрыть. Иначе невозможно. Ай-ей-ей! А что скажет Шкарлато? Втёрся, скажет, примазался»⁵. Финал произведения Ильфа и Петрова внешне вполне счастливый: соседи признаются друг другу в том, что они Средиземские, и обман раскрывается. Однако неприятный осадок, вызванный страхом, недоверием, остаётся. Соавторам так и не удалось показать идеального молодого персонажа, все подобные герои Ильфа и Петрова отмечены печатью страха, люди будущего не внушают радужных надежд, они боятся друг друга, они не доверяют своему соседу.

Пытаясь выставить друг друга на записи в дурном свете, Миллс и Блопп имитируют разные действия, то и дело перемежая их обвинениями в адрес «другого»:

«По голосам можно понять, что оба в движении – по-видимому, внимательно следят друг за другом, кружат по станции, как боксёры на ринге.

Миллс. Не приближайся ко мне! Стой на месте!

Блопп. Я не могу стоять, когда ты идёшь на меня с ножом. Мне приходится отступать.

Миллс. Ложь! Это мне приходится отступать!

Блопп. Миллс не дурак. Он понял, что разоблачил себя, раскрыв нож, потому что щелчок раздался с его стороны. Поэтому он пошёл на меня, а мне приходится отступать. Таким образом Миллс пытается затруднить определение нашего начального положения. Мы сделали полный круг.

Миллс. Врёшь! Полкруга!

Блопп. Всё та же тактика. У Миллса есть нож, а я безоружен. Поэтому я беру со стола геологический молоток. (Лёгкий стук.) Ну, что ты теперь выдумаешь?

Миллс. Никакого молотка на столе не было!

Блопп. Ну вот. Не было. А что я взял со стола?

⁵ Ильф И., Петров Е. Граф Средиземский // Ильф И., Петров Е. Как создавался Робинзон. – М.: Текст, 2007. – С. 362-371; 369.

Миллс. Ничего! Ты стукнул по столу костяшками пальцев! Опять ты затеял какую-то подлость!»⁶.

Установить в такой ситуации, что есть имитация, а что есть действие, невозможно. В любом случае, если имитация и имеет место быть, то это имитация вполне осознанная, которая имеет целью внушить третьему лицу подозрение по поводу оппонента. Подлинной становится лишь смерть обоих астронавтов. Получается, что имитации, если они и были, становятся бессмысленными. Страх перед Хьюстоном заставляет Блопа и Миллса производить различные звуки и давать им противоположные по смыслу комментарии. Нужно сказать, что повествователь строит текст таким образом, что читатель может либо занять одну из сторон, либо возвыситься над схваткой, но ни одного намёка на то, кто же из двоих астронавтов преступник, мы от автора не получим. В этом решении просматривается определённый скепсис в отношении современной инфосферы: можно давать самые разные трактовки и интерпретации событий, но все они будут субъективны в той же мере, в какой субъективен ответ на вопрос, кто из двоих обитателей лунной станции злодей. Видимо, на грядущее расследование рассчитано и нелепое поведение двух чиновников в «Рассказе о “Гелиотропе”» Ильфа и Петрова. Абукиров и Женералов, сидящие в учреждении за соседними столами (больше работников в «Гелиотропе» нет), днями напролёт имитируют бурную трудовую деятельность. В конце концов, они признаются, что на самом деле им абсолютно нечем заняться на рабочем месте. Однако после принятия решения не ходить на службу Абукиров задумывается: «А что, – подумал он, – если Женералов облечен специальными полномочиями на предмет выявления бездельников и вёл со мной адскую игру?»⁷. Судя по всему, такая же мысль приходит в голову Женералову, и в результате оба персонажа чуть свет выходят на работу и продолжают имитировать усердный труд.

⁶ Лем С. Лунная ночь. Интернет-источник: <http://www.litmir.net/bg/?b=143691>. Дата обращения: 20.08.2014

⁷ Ильф И., Петров Е. 1001 день, или Новая Шахерезада. – М.: Текст, 2005. – С. 147.

Несмотря на огромную разницу в сюжетах произведений, проведённое сопоставление позволяет сказать, что взгляд на будущее польского фантаста во многом совпадает с пессимизмом Ильфа и Петрова. Человек боится другого человека, в своём соседе, напарнике, он видит соглядатая, доносчика. Страх уродует персонажей, заставляя лицемерить, обманывать своего ближнего. Окружающий мир, контекст только способствует усилению всеобщей подозрительности. Литераторы предрекли будущее. Загляните в социальные сети, почитайте блоги, посмотрите телевизор – везде наблюдается масса информации и ещё большее количество всевозможных интерпретаций и комментариев. Самые заурядные события представляются звеньями некой цепи, в присутствии «третьего лица» каждый пытается казаться лучше, чем он есть на самом деле, выставя в самом невыгодном свете своего соседа или товарища – лишь бы на их фоне смотреться положительным персонажем. Герои Лема покоряют космос, используют передовые технологии, Ильф и Петров приветствовали процессы модернизации в СССР, наблюдали, как строится новая страна. Но наука и техника не в состоянии изменить человека, стереть его прошлое, избавить от страха и подозрительности. И это с печальной иронией констатируют как отечественные сатирики, так и пан Станислав Лем.

Приложение

Владимир Борисов

Блог в газете «Шанс»

Нижеследующие тексты не претендуют на полноту и обстоятельность рассмотрения описываемых тем. Это заметки из еженедельной колонки автора в абаканской газете «Шанс», которые так или иначе связаны с именем Лема.

НЕУЖЕЛИ ПЯТЬДЕСЯТ? ЛЕМ

Июль 1964 года ознаменовался для Станислава Лема выходом двух новых книг. Первая вышла в Издательстве Министерства Народной Обороны. Заглавное произведение в книге начиналось сурово: «*“Непобедимый”*, крейсер второго класса, самый большой корабль, которым располагала База в системе Лиры, шёл на фотонной тяге». Начало настраивало на то, что шуточек, как в каких-нибудь «Звёздных дневниках Ийона Тихого», здесь не будет, и разговор пойдёт о серьёзных вещах. Так оно и было. Роман «Непобедимый», рассказывавший о встрече землян с необычной машинной жизнью, точнее, вовсе даже не жизнью, и не разумной к тому же, читался на одном дыхании, и для многих стал надолго ещё одной книгой Лема, любовь к которой читатели пронесли всю жизнь.

История сражения землян с некросферой легла в трилогию о невозможности установления контакта с существами, очень далёкими во всех отношениях от человека. «Эдем», «Солярис», «Непобедимый» сразу же стали классикой научной фантастики, выдержали

множество переизданий и переводов на множество языков. Правда, кино обращалось лишь к одному из этих текстов, «Солярис» трижды экранизировали, а «Эдем» и «Непобедимый» никто не решился визуализировать. Как с усмешкой говорил об этом сам Лем, кому нужны фильмы, в которых нет ни одной женщины?

А вот вторая книга Лема, вышедшая в том же месяце далёкого 1964-го года, была совсем другой и по форме, и по содержанию. Это были «Сказки роботов». Обложку и внутренние иллюстрации художник, как тогда водилось, украсил изображением перфоленты. Тогда это было модно. Кто бы мог подумать, что век перфоленты окажется таким коротким, и сейчас молодые люди с трудом представляют, зачем нужны были эти ленты с дырочками.

«Сказки роботов» казались тогда несерьёзными придумками. Но время показало, что за шуточками скрывается поразительная глубина лемовского воображения. Весёлые истории о неуклюжих роботах, написанные языком с нарочитым намёком на древность, вполне могут стать близкими к реальности по мере того, как сами роботы из фантастических существ становятся самой настоящей действительностью.

Неужели всё это было пятьдесят лет назад?..

ЯЗЫК И КОДЫ

Одно из удивительных свойств Станислава Лема, польского писателя и мыслителя, заключалось в том, что, по собственному его признанию, когда он писал, он не видел мысленно то, о чём повествовал. И сам он оценивал написанное прежде всего с точки зрения логики и красоты языка. Удивительно это тем, что именно Лему мы обязаны одними из самых красочных описаний фантастических пейзажей в литературе, будь то ландшафты Эдема, странные, причудливые сооружения океана на планете Солярис, невероятный Бирнамский лес на Титане, спутнике Сатурна.

Лем писал на польском языке, но временами, чувствуется, ему было тесно в рамках родного языка, особенно когда он описывал

будущее и нужно было как-то обозначить новые, несуществующие ещё явления, предметы и процессы. Он хорошо знал русский, английский, немецкий, французский, латинский языки, активно использовал их при словообразовании и творении неологизмов. И не только. Несколько десятков интервью он давал непосредственно на русском, несколько десятков статей были написаны им на немецком. Писатель оставил огромное эпистолярное наследие (по приблизительным подсчётам секретаря Лема, Войцеха Земека, пан Станислав написал около 60.000 писем). Причём писал письма он практически на всех известных ему языках.

Предупреждая возможные упреки в том, что он злоупотребляет сочинением новых слов и перегружает свои произведения огромным количеством неологизмов, Лем снабдил свой роман «Осмотр на месте» своеобразным «Толковым земляно-землянским словариком», в предисловии к которому от имени Ййона Тихого писал: «Некоторое количество растолкованных слов облегчит чтение книги. Приведены здесь также выражения, которые не встречаются в тексте, однако играют важную роль в духовной и материальной жизни Энциии. Лицам, которые с большей или меньшей язвительностью упрекают меня в том, что я сам затрудняю понимание моих воспоминаний и дневников, выдумывая множество неологизмов, настоятельно рекомендую провести несложный эксперимент, который уяснит им необходимость таких моих действий. Пусть критик попробует подробно описать один день своей жизни в любой крупной земной метрополии, не выходя за пределы словарей, изданных до XVIII столетия. Тех, кто не захочет обратиться к такому опыту, я прошу не брать в руки мои сочинения».

Я как-то пробовал сделать такое описание обычного дня, и у меня ничего не получилось.

ТИХИЙ

Ни один из лемовских циклов не продолжался так долго, как «Звёздные дневники». Первый рассказ об отважном звездодоходце Ийоне Тихом появился в далёком декабре 1953 года, а «Последнее путешествие Ийона Тихого» было написано в 1996 году (забавно, что написано оно было по предложению немецкой редакции журнала «Плейбой», и напечатано впервые было именно на немецком языке, и только потом этот рассказ опубликовали польская и русская редакции журнала).

Польский литературовед и знаток творчества Лема Ежи Яжембский пишет, что характер Ийона Тихого эволюционировал от фигуры барона Мюнхгаузена (который практически не меняется от того, где побывал и из каких передряг выбрался) к другому известному путешественнику и сочинителю, к Лемуэлю Гулливеру, приключения которого позволяют узнать много нового прежде всего о самом себе и это несомненно воздействует на героя.

Поначалу Ийон Тихий тоже был «вещью в себе». Вот как представлял его профессор Тарантога, друг и соратник: *«Капитан дальнего галактического плавания, охотник за метеорами и кометами, неутомимый исследователь, открывший восемьдесят тысяч три мира, почётный доктор университетов Обеих Медведиц, член Общества по опеке над малыыми планетами и многих других обществ, кавалер млечных и туманностных орденов...»*. И казалось, что ничего не изменится в облике этого героя.

Но времена шли, менялся окружающий автора мир, и во многих более поздних рассказах об Ийоне Тихом бесшабашный задор и юмор сменяются горечью неудач. Вот как заканчивает Тихий историю «Путешествия двадцать первого», одного из самых глубоких в философском смысле: *«Видя бесплодность дальнейшего пребывания на этой планете, после грустного и трогательного прощания с благочестивыми братьями, я снарядил ракету, которая сохранилась целой и невредимой благодаря камуфляжу, и отправился в об-*

ратный путь, чувствуя себя другим человеком, нежели тот, что не слишком давно на ней высадился».

«Звёздные дневники» только на первый взгляд кажутся невинно-забавными, и их развлекательная сторона при внимательном рассмотрении оказывается наполнена серьёзными проблемами и неразрешимыми задачами.

ВЗГЛЯД ИЗВНЕ

Составляю словарик неологизмов Станислава Лема. Среди прочего наткнулся на описания человека. Вот как выглядит оно с точки зрения роботов в «Кибериаде»:

БЛЕДНОТИК. Он же – Гомос Антропос. Существа, к которым принадлежит Гомос, зовутся тряскими. Таковы силиконцы и протейды; первые консистенции более плотной, и зовут их черствяками, или студёнышами; вторые, пожиже, у разных авторов носят разные имена, как-то: липуны, или липачи, – у Полломедера, склизнявцы, или клееватые, – у Трицефалоса Арборубского, наконец, Анальцимандр Медянец прозвал их клееглазыми хляботрясами...

В мифологии электроботов бледнотикам отведена важнейшая роль: по одной из версий, именно эти несуразные создания сделали первые примитивные машины, которые затем, эволюционируя, дали начало могущественной цивилизации роботов. Правда, профессор Вендеттий Ульторик Аминиус, создатель всемогущей воскресистики, придерживается теории самозарождения машинной жизни из Мрака Темнующего и Магнетичности и напрочь отвергает существование бледнотиков.

Хлориан Теоретий Ляпостол: *«И тотчас же сел я писать сочинение “Об Эволюции Разума как Двухтактного Феномена”. Ибо, как я там доказал, круговую цепью связаны бледнотики с роботами. Сперва, от слипания слизистой грязи на морском берегу, возникают создания клейкие и белесые, отсюда и прозвище их – альбуменсы. Столетия спустя они постигают, как дух в машину вдохнуть, и делают себе из Автоматов слуг подневольных. Однако через какое-*

то время, обратным ходом вещей, Автоматы, сбросивши клейкое иго, начинают устраивать опыты – не удастся ли случаем в кисель сознание вдохнуть? – и, попробовав на белке, достигают успеха. Но синтетические бледнотики спустя миллион лет снова за железо берутся; так и идет оно коловоротом, попеременно и без конца; как видишь, тем самым я разрешил извечный спор о том, что было раньше – робот или бледнотик?»

Описания бледнотиков у разных авторов существенно различаются, но все они сходятся в одном: более отвратительных, зловерных и коварных существ мир не видел.

Курт Воннегут считал, что у Лема получилось сделать самое неприятное описание человеческого существа во всей мировой литературе.

С точки зрения инопланетян в «Звёздных дневниках Ийона Тихого» человек тоже выглядит не очень привлекательно:

ПОЛОУМНИК ЧУДОЮДНЫЙ (MONSTROTERATUM FURIOSUM). В соответствии с «Галактической монстрологией» Граммплюсса и Гзеемса таково настоящее биологическое название редкостного экземпляра с почти лысым телом, наблюдавшегося в самом тёмном закоулке нашей Галактики, который называет себя Homo Sapiens. В соответствии с общепринятой систематикой этот вид относится к семейству Horrорissimae (квзиморды), отряду Lasciviaceae (омерзенцы, или блуднецы), подтипу Antisapieniales (противоразумники), типу Aberrantia (извращенцы).

ФИЛОСОФ ИЛИ ФАНТАСТ?

Виктор Язневич, мой минский друг и коллега по переводам работ Станислава Лема выпустил в этом году книгу в серии «Мыслители XX столетия». Естественно, о нём, о Леме. Увесистый томик в 400 страниц вместил подробный рассказ о жизненном пути писателя, обстоятельный обзор периодов его творчества. Значительную часть книги составляет рассмотрение философских взглядов Лема, причём это не только главка об основных философских идеях мыс-

лителя, но и детальный, кропотливый анализ отношения Лема к известным философам 20-го века, даже краткий перечень которых занял бы всю мою колонку.

Особую ценность книге придаёт тщательное цитирование работ Лема, опубликованных как на польском, так и на английском и немецком языках. Многие из этих работ пока не переведены на русский язык, что лишь повышает значение книги для нашего читателя. Только библиография цитируемых работ занимает 40 страниц. А 18 страниц занял указатель персоналий, упомянутых в книге.

Кроме того, в процессе работы над книгой автор провёл опрос среди специалистов по творчеству Лема, предлагая ответить на вопрос: «Кто Лем больше – писатель или философ?». Мнения опрошенных разделились, хотя все сходились в том, что Лем широк, и ценить в нём можно и писательскую, и философскую стороны. Позволю себе привести свой ответ на этот вопрос:

«Для меня Лем был прежде всего писателем. Что не мешало ему при этом оставаться мыслителем и философом. Но все его работы, и художественные (даже если в них поставлены сложные проблемы), и сугубо научные (такие как «Диалоги», «Сумма технологий», «Философия случая»), и короткие очерки последних лет жизни, все они могут рассматриваться как образцы belles-lettres, то есть изящной словесности. Ибо для них характерны образность, метафоричность, юмор – то есть всё то, за что мы и ценим высокую беллетристику».

Сам же Лем о своей деятельности говорил так: *«В жизни и работе я был котом, который ходит собственными тропами. Я не принадлежал к какой-нибудь литературной или поэтической группе или школе, не создал какого-либо течения или направления, и хотя со своими работами появлялся в различных удивительных областях, от кибернетической социологии и философии до вымышленной критики несуществующих романов и до science fiction, везде был пришельцем со стороны, которого чаще, чем признание, приветствовало восхищение читателей – наиболее разумное, ибо во всех темах, которые затрагивал, и жанрах, в которых творил, был одиночкой и самозванцем».*

КАК ЭТО БЫЛО

Исследовательская группа «Людены» уже много лет изучает архивы братьев Стругацких. Поскольку живём мы в двадцать первом веке, каждый листок из многочисленных папок первым делом сканируется и переводится в электронный вид, благодаря чему становится доступным для всех членов группы. В первую очередь мы занимались черновиками художественных произведений братьев, сравнивали их с публикациями, выявляли расхождения. Пока был жив Борис Натанович, советовались и помогали ему восстанавливать исходные тексты. Очень интересно было наблюдать, как тексты менялись при работе авторов, трансформировались сюжеты, находились новые, более точные слова, вырисовывался характер персонажей...

Иногда архивы приносили совершенно новые сведения: находились неизвестные ранее рассказы, письма, публикации. Неожиданно для нас, занимающихся также библиографией Стругацких, вдруг обнаруживались публикации, о которых не помнили сами авторы. Особенно это касается публикаций за рубежом: первые переводы рассказов писателей появились в 1958 году, причём сразу же их стали печатать не только в социалистических странах, но и во Франции, США, Италии, Японии... Было удивительно обнаружить в старых папках страницы уругвайской газеты или вьетнамского журнала.

Братья Стругацкие и сами занимались переводами. Аркадий Натанович был профессиональным переводчиком с английского и японского языков, переводил с английского и Борис Натанович.

А вот в папке 335 (у нас всё пронумеровано!) нашлось 6 страниц машинописного текста. На первой страничке рукой Аркадия Натановича написано: С. Лем, «Следствие». Этот роман Лема (под названием «Расследование») был опубликован на русском языке лишь в 1989 году, а странички явно откуда-то из 60-х годов прошлого века. Имя переводчика на страничках не указано. Сам перевод

больше похож на подстрочник, воспроизводит оригинал точно, но слишком буквально. Неужели это попытка самого Аркадия Натановича? Известно, что братья очень внимательно относились к книгам Лема, любили и ценили его творчество.

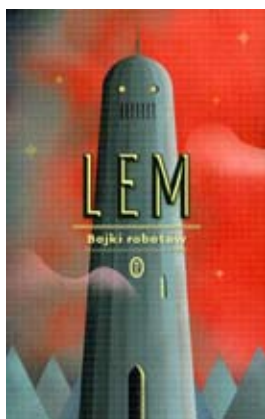
И что же вы думаете? В записной книжке Аркадия 1962-65 годов нашлось несколько страниц, на которых выписаны польские слова с их переводом. И эти слова – именно из романа Лема, в той последовательности, как они встречаются там! Так обнаружилась ещё одна, любопытнейшая перекличка между замечательными фантастами.

Лем. 2014 год

Библиография

(на польском языке)

Художественные произведения

Lem Stanisław. **Bajki robotów** / Projekt okładki i stron tytułowych Przemek Dębowski; Postłowie: Jerzy Jarzębski, „Roboty i ludzie“ (S. 212-222); Opieka redakcyjna Krystyna Zaleska. – Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2014. – 224 s. ISBN 978-83-08-04889-4.

Spis treści:

S. 7-15: **Trzej elektrycyzerze**

S. 16-23: **Uranowe uszy**

S. 24-42: **Jak Erg Samowzбудnik Bładawca pokonał**

S. 43-56: **Skarby króla Biskalara**

S. 57-68: **Dwa potwory**

S. 69-77: **Biała śmierć**

S. 78-85: **Jak Mikromil i Gigacyan ucieczkę mgławic wszczęli**

S. 86-96: **Bajka o maszynie cyfrowej, co ze smokiem walczyła**

S. 97-116: **Doradcy króla Hydropsa**

S. 117-145: **Przyjaciel Automateusza**

S. 146-162: **Król Globares i mędrcy**

S. 163-177: **Bajka o królu Murdasie**

S. 178-185: **Jak ocalał świat**

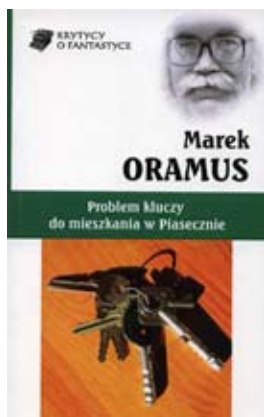
S. 186-201: **Maszyna Trurla**

S. 202-211: **Wielkie lanie**

Lem Stanisław. **Solaris** / Projekt okładki i stron tytułowych Przemek Dębowski; Postłowie: Jerzy Jarzębski, „Lustro“ (S. 329-337); Opieka redakcyjna Krystyna Zaleska. – Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2014. – 340 s. ISBN 978-83-08-04905-1.

Литература о жизни и творчестве

Oramus Marek. **Problem kluczy do mieszkania w Piasecznie**: Powieść postmodernistyczna / Zdjęcie kluczy na okładce: Marek Oramus. – Stawiguda: Solaris, 2014. – 368 s. – (Krytycy o fantastyce). ISBN 978-83-7590-188-7.

Spis treści:

S. 9-14: **Przedmowa**

S. 21-26: **Nikt nie woła spośród gwiazdnych głusz**: (Czy jesteśmy sami we Wszechświecie?)

S. 33-39: **Problem kluczy do mieszkania w Piasecznie**: (Doxiadis: Zabójcza hipoteza)

S. 40-45: **Dyżurny ekolog planety**: (Wilson: Socjologia)

S. 57-62: **Wycieczka krajoznawcza**: (Aldiss: Non stop)

S. 75-80: **Sceny łagrowe z maszyną czasu w tle**:

(Zajdel: Cylinder van Troffa)

S. 94-98: **Czarny płaszcz**: (Crichton: Rój)

S. 99-104: **Gwiazdny wojny na serio**: (Heinlein: Żołnierze kosmosu)

S. 111-116: **Postmoskiewska epoka kamienna**: (Tołstoj: Kyś)

S. 129-134: **Wyprawa ratunkowa**: (Otceten: Przechowalnia)

S. 159-165: **Katorżnik w kopalni kamienia filozoficznego**: (Sutin: Boże inwazje)

S. 201-206: **Bóg Czwarty i pan diabeł**: (Ustinov: Stary Człowiek i pan Smith)

S. 219-224: **Szczury w świątyni**: (Bellow: Planeta pana Sammlera)

S. 238-245: **Rzeźnia numer jeden**: (Faber: Pod skórą)

S. 246-251: **Józef K. na ladzie pierwszej klasy**: (Harniček: Mięso)

S. 289-295: **Cyrk erotyczny**: (Buła: Cyrk Holbergkrantza)

S. 308-313: **Jaskółka uwieczniona**: (Sosnowski: Apokryf Agłai)

S. 326-331: **Gówna zalewa oczy**: (Harrison: Przestrzeni! Przestrzeni!)

S. 332-339: **Długi marsz**: (Strugaccy: Miasto skazane)

S. 363-368: **Skorowidz nazwisk**

Parowski Maciej. **Czas Fantastyki** / Opracowanie graficzne – Mariusz Brzostowski. – Stawiguda: Solaris, 2014. – 579 s. – (Krytycy o fantastyce). ISBN 978-83-7590-184-9.

Wydanie drugie (poszerzone)

Spis treści:

S. 11-31: **Fantaści nadchodzą!**

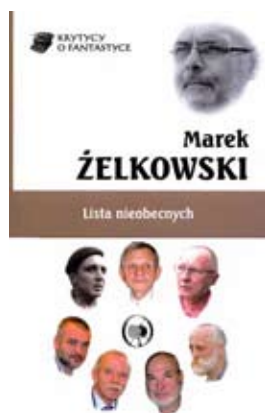
S. 33-37: **Parada wydawców**

S. 38-42: Zielonko Janina. **Fantastyka-Przygoda**: (Mówi Janina Zielonko, kierownik redakcji przekładów Wydawnictwa „Iskry“)

- S. 43-48: Troszczyńska Ewa. „**Stało się Jutro**“: (Mówi Ewa Triszczyńska, kierownik redakcji popularnonaukowej IW „Nasza Księgarnia“)
- S. 49-53: Krzemuska Katarzyna. **Lem, Dick, Snerg i inni**: (Mówi Katarzyna Krzemuska, redaktor naczelny Wydawnictwa Literackiego w Krakowie)
- S. 54-60: Kledzik Bronisław. **Las mieszany**: (Mówi Bronisław Kledzik, kierownik Redakcji Polskiej Literatury Pięknej w Wydawnictwie Poznańskim)
- S. 61-68: Jęczmyk Lech. **Polska i reszta świata**: (Mówi Lech Jęczmyk kierownik redakcji angielskiej Spółdzielni Wydawniczej „Czytelnik“)
- S. 69-75: Wójcik Andrzej. **To się dla nas dobrze skończy**: (Mówi Andrzej Wójcik z Redakcji SF Krajowej Agencji Wydawniczej)
- S. 76-82: Kaska Adam. **Fantastyka bliskiego zasięgu**: (Mówi Adam Kaska, kierownik redakcji literatury pięknej Wydawnictwa Ministerstwa Obrony Narodowej)
- S. 83-90: Przybyłowska Barbara Maria. **Dlaczego TAK – dlaczego NIE?**: (Mówi Barbara Maria Przybyłowska, zastępca redaktora naczelnego Państwowego Instytutu Wydawniczego)
- S. 91-96: **Gatunek – istota żyjąca!**
- S. 97-107: **Ojcowie Założyciele**: Droga do science fiction – od «Gilgamesza» do Wellsa (1); Droga do science fiction – ot Wellsa do Heinleina (2)
- S. 122-127: **Spór o naturę demona**: Howard Phillips Lovecraft. Zew Cthulhu
- S. 133-139: **Palce na pulsie**: Stanisław Lem. Doskonała próżnia
- S. 140-144: **27 lat później**: Adam Hollanek. Katastrofa na Słońcu Antarktydy
- S. 149-156: **Robot dwuznaczny**: Adam Wiśniewski-Snerg. Robot
- S. 161-164: **Literatura dobra na wszystko**: Józef Kozielecki. Smutek spełnionych baśni
- S. 165-168: **Klisze**: Jacek Sawaszkiewicz. Kronika Akaszy – Inicjacja; Kronika Akaszy – Skorupa astralna
- S. 169-174: **LF, czyli Lem-Fiction**: Stanisław Lem. Wizja lokalna
- S. 180-185: **Adam N. poluje na Boga**: Marek Oramus. Arsenał
- S. 186-190: **Na ostrzu noża**: Marek Baraniecki. Głowa Kasandry
- S. 200-204: **Space opera... raz!**: Colin Kapp. Formy Chaosu
- S. 205-211: **Sfalszowane gry**: Philip K. Dick. Słoneczna loteria
- S. 212-216: **Gatunek – istota żyjąca!**: Primo Levi. Najlepsza jest woda
- S. 252-255: **Mowa trawa**: Constantin Cublesan. Trawa
- S. 262-266: **Diabeł nie śpi!**: William Golding. Władca much
- S. 276-280: **Gambit**: Tadeusz Markowski. Umrzeć, by nie zginąć
- S. 285-289: **Katherine od wtorku do wtorku**: David Guy Compton. Śmierć na żywo
- S. 321-331: Wolski Marcin. **Ulubiony ciąg dalszy**: (Mówi Marcin Wolski)
- S. 332-341: Wiśniewski-Snerg Adam. **Karcer i niebo wcielenia**: (Mówi Adam Wiśniewski-Snerg)

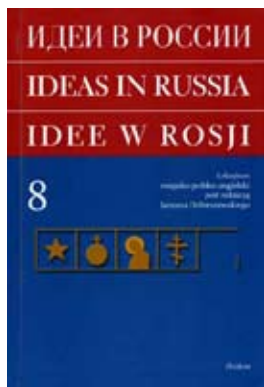
- S. 350-375: Gosk Tadeusz, Oramus Marek, Smuszkiewicz Antoni, Niewiadowski Andrzej, Parowski Maciej. **Krytycy w przededniu boomu**
- S. 376-395: Bugajski Leszek, Handke Ryszard, Hollanek Adam, Niewiadowski Andrzej, Smuszkiewicz Antoni, Parowski Maciej. **Przemiany**
- S. 396-408: Eichler Irena, Hollanek Adam, Niewiadowski Andrzej, Parowski Maciej. **Naukowa czy fantastyczna?**
- S. 414-447: **Kilkunastu Hamletów**
- S. 448-473: **Czary-mary, punk, BANG!**
- S. 492-512: Okólska Barbara, Bugajski Leszek, Krywak Piotr, Sawicki Wawrzyniec, Niewiadowski Andrzej, Parowski Maciej. **Pogranicza, manowce, perspektywy SF**
- S. 513-537: **Fantastyka pod lupą**: (SF w kulturze współczesnej – dyskusja)
- S. 538-565: Wnuk-Lipiński Edmund, Oramus Marek, Wolski Marcin, Inglot Jacek, Malinowska Dorota, Hollanek Adam, Jęczmyk Lech, Parowski Maciej. **Na wirażu**
- S. 566-577: **Indeks nazwisk**
- S. 578-579: Parowski Maciej. Podręczny kalkulator postępowych wątków światowej fantastyki / Naśladownictwo ze Stanisława Lema

Żelkowski Marek. **Lista nieobecnych**: Rozmowy z pisarzami / Projekt i opracowanie graficzne okładki: Mariusz Brzostowski. – Stawiguda: Solaris, 2014. – 302 s. – (Krytycy o fantastyce). ISBN 978-83-7590-186-3.

Wydanie pierwsze
Spis treści:

- S. 5-7: Żelkowski Marek. **Wprowadzenie**
- S. 10-18: Petecki Bohdan. **Popularność mnie peszyła**
- S. 21-46: Filar Dariusz. **Samo bycie znanym to trochę mało**
- S. 48-73: Wnuk-Lipiński Edmund. **Apostezjon miasto nad Wisłą**
- S. 76-97: Fiałkowski Konrad. **Klasyczna SF straciła sens**
- S. 99-109: Dworak Zbigniew. **Pierdyknęło i delta zaczęła dobieierać do epsilon**
- S. 112-140: Białczyński Czesław. **No, Białczyński, miałeś zakaz wjazdu**
- S. 162-173: Żwikiewicz Wiktor. **Dlaczego czasami warto zgubić maszynopis?: O wysiadywaniu, ucieczce z domu oraz o Drugiej jesieni**
- S. 198-209: **Dokąd podróżował Jonasz**: O białych myszkach, nadciągającym koszmarze, schematach, dialogach i łamaniu zasad
- S. 223-235: **Abort**: O Mamuśce, o pewnym długim locie kosmicznym, *wymiataczu* i mistrzu Lemie

Idee w Rosji: Leksykon rosyjsko-polsko-angielski. Tom 8 / Pod redakcją Janusza Dobieszewskiego; Sekretarz redakcji Justyna Celmer; Konsultacja naukowa Andrzej de Lazari, Justyna Kurczak; Projekt graficzny okładki Łukasz Chmielewski. – Łódź: Ibidem, 2014. – 600 s. ISBN 978-83-62331-21-5.

Spis treści:

S. 188-209: Okołowski Paweł, Jaźniewicz Wiktor. **Lem** / Tłum. Halina Kudlińska-Stępień; Bibliografia: Paweł Okołowski, Wiktor Jaźniewicz, Janusz Dobieszewski

Паланістыка Полоністыка Polonystyka 2013 / Redaktor Aleksander Kiklewicz. – Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie, 2014.

Spis treści:

S. 185-214: Kajtoch Wojciech. **O tajemniczości symbolicznej w opowiadaniach**

Oramus Marek. **Grobowiec socjologicznej SF** // Sfinks (Stawiguda). – 2014. – Nr. 2. – S. 4. – (Mutacja nadmiarowa).

Liczne utwory tego typu wypuścił Stanisław Lem, i to grubo wcześniej niż fantatom socjologicznym taka myśl przyszła do głowy.

(на русском языке)

Художественные произведения

Лем Stanisław. **Солярис:** Роман / Пер. с пол. Д.Брускина; Сер. оформл. Е.Ферез. – М.: АСТ, 2014. – 288 с. – (Эксклюзивная классика). 5.000 экз. (о) ISBN 978-5-17-083899-8
[Stanisław Lem. Solaris]

Борисов Владимир. **Можно ли предсказать детали?:** [Борис Стругацкий и Stanisław Lem о предсказаниях будущего] / Коллаж А.Ланковича // Шанс (Абакан). – 2014. – 11-17 дек. (№ 50). – С. 10. – (ФутурКонгресс).

Лем Станислав. **Три моих желания** / Пер. с пол., нем. В.Язневича // Космопорт (Минск). – 2014. – № 5. – С. 39-43
[Stanisław Lem. *Moje trzy życzenia*]

Научно-философские работы

Лем Станислав. **Музыка генов** / Пер. с пол. В.Язневича // Космопорт (Минск). – 2014. – № 7. – С. 5-7
[Stanisław Lem. *Muzyka genów*]

Публицистика. Критика. Интервью. Беседы

Борисов Владимир. **Читатель амфибрахия** / Ред. О.Бэйс; Сер. оформл. Б.Брайнина; Рис. обл. А.Можаевой; Фотографии С.Битюцкого, К.Душенко, Ю.Зубакина, Ф.Роттенштайнера, Г.Шакина. – Иерусалим: Млечный Путь, 2014. – 347 с. – (Звезды «Млечного пути»). (о) ISBN 978-1-50-059583-8

Содерж.:

С. 162-182: Лем Станислав. **Станислав Лем: «В какое необыкновенное время мы живем теперь!»**

То, что создал ты: Гости «Контакта» на клубных страничках и в клубных изданиях / Сост. Н.Калашников; На первой стр. обл. – рис. М.Карповича; На четвёртой стр. обл. – рис. И.Евсеева; В тексте – рис. В.Сойфера, В.Петуховой. – Новокузнецк: Центр. гор. б-ка им. Н.В.Гоголя; Новокузнецкий городской КЛФ «Контакт», 2014. – 100 с.: ил. 100 экз. (о).

Содерж.:

С. 86-88: Михайлов Владимир, Лем Станислав, Азимов Айзек, Достоевский Федор, Биленкин Дмитрий, Брэдбери Рэй, Урбан Адольф, Брандис Евгений, Анчаров Михаил, Бестужев-Лада Игорь, Анненский Иннокентий, Стругацкий Аркадий,

Тамарченко Евгений, Андреев Кирилл, Гончаров Иван, Блок Александр, Муравьев Владимир, Булычев Кир, Франке Герберт, Кэмпбел-мл. Джон, Ефремов Иван. **Подборка высказываний о фантастике**

Борисов Владимир. **Горе-предсказатели** / Коллаж А.Ланковича // Шанс (Абакан). – 2014. – 25-30 дек. (№ 52). – С. 10. – (ФутурКонгресс).

В частности, Станислав Лем о неудачных предсказаниях будущего.

Борисов Владимир. **К вопросу о...** // Шанс (Абакан). – 2014. – 22-28 мая (№ 21). – С. 4. – (Живой Журнал ШАНСа читают все!).

Цитата из «Мира на краю» С.Лема.

Борисов Владимир. **Можно ли предсказать детали?**: [Борис Стругацкий и Станислав Лем о предсказаниях будущего] / Коллаж А.Ланковича // Шанс (Абакан). – 2014. – 11-17 дек. (№ 50). – С. 10. – (ФутурКонгресс).

Лем Станислав. **1. Братья Стругацкие** / Сост., пер., коммент. и фото В.Язневича // Космопорт (Минск). – 2014. – № 5. – С. 34-38. – (Станислав Лем о...).

Лем Станислав. **2. Айзек Азимов** / Сост., пер., коммент. и фото В.Язневича // Космопорт (Минск). – 2014. – № 6. – С. 2-3. – (Станислав Лем о...).

Лем Станислав. **3. Рэй Брэдбери** / Сост., пер., коммент. и фото В.Язневича // Космопорт (Минск). – 2014. – № 7. – С. 2-4. – (Станислав Лем о...).

Лем Станислав. **4. Артур Кларк** / Сост., пер., коммент. и фото В.Язневича // Космопорт (Минск). – 2014. – № 8. – С. 2-3. – (Станислав Лем о...).

Лем Станислав. **6. Филип Дик** / Сост., пер., коммент. и фото В.Язневича // Космопорт (Минск). – 2014. – № 10. – С. 2-5. – (Станислав Лем о...).

Лем Станислав. **7. Альфред Ван Вогт** / Сост., пер., коммент. и фото В.Язневича // Космопорт (Минск). – 2014. – № 11. – С. 2-4. – (Станислав Лем о...).

Лем Станислав. **8. Альфред Бестер** / Сост., пер., коммент. и фото В.Язневича // Космопорт (Минск). – 2014. – № 12. – С. 2-4. – (Станислав Лем о...).

Лем Станислав. **«Весь этот философский хлам»:** (Интервью) / Пер. с нем. В.Язневича // Млечный Путь (Кфар-Саба). – 2014. – № 3. – С. 196-216. – (Переводы).

[Stanisław Lem. *Der ganze Kram der Philosophie*]

Лем Станислав. **Динозавры** / Пер. с пол. В.Язневича // Космопорт (Минск). – 2014. – № 6. – С. 6-7

[Stanisław Lem. *Dynozaury*]

Лем Станислав. **Дорога без отступления** / Пер. с пол. В.Язневича // Космопорт (Минск). – 2014. – № 10. – С. 6-7.

[Stanisław Lem. *Droga bez odwrotu*]

Лем Станислав. **Кошмары футуролога:** Почему нам никто не шлет сигналы из Космоса и кому нужны экспедиции на другие планеты / Пер. с пол. В.Борисова // Шанс (Абакан). – 2014. – 10-16 июля (№ 28). – С. 10. – (ФутурКонгресс)

В публикации ошибочно указана рубрика «Испытано на себе».

Содерж.:

«Алло, мы здесь»

Лунный реквием

[Stanisław Lem. *«Halo, tu jesteśmy!»; Księżycowe requiem*]

Лем Станислав. **Кошмары футуролога** / Пер. с пол. В.Борисова; Коллаж А.Ланковича // Шанс (Абакан). – 2014. – 24-30 июля (№ 30). – С. 10. – (ФутурКонгресс).

Содерж.:

Голубая планета

Независимая переменная

[Stanisław Lem. *Włęklna planeta; Zmienna niezależna*]

Лем Станислав. **Кошмары футуролога** / Пер. с пол. В.Борисова // Шанс (Абакан). – 2014. – 7-13 авг. (№ 32). – С. 10. – (ФутурКонгресс).

Содерж.:

Технология и тело

Два ботинка и лестница

[Stanisław Lem. *Technologia i ciało; Dwa pantofle i drabina*]

Лем Станислав. **Кошмары футуролога** / Пер. с пол. В.Борисова; Коллаж Д.Платко // Шанс (Абакан). – 2014. – 21-27 авг. (№ 34). – С. 10. – (ФутурКонгресс).

Содерж.:

Генетическая рулетка

В мастерской оружейника

[Stanisław Lem. *Genetyczna ruletka; W pracowni rusznikarza*]

Лем Станислав. **«Лекарство от глупости»**: Станислав Лем – о неудачных прогнозах будущего / Пер. с пол. В.Язневича; Рубрику ведет В.Борисов; Коллаж А.Ланковича // Шанс (Абакан). – 2014. – 27 нояб. – 3 дек. (№ 48). – С. 10. – (ФутурКонгресс).

Содерж.:

Следующие двести лет

Антипрогнозный зонг

[Stanisław Lem. **Rozważania sylwiczne XC; Rozważania sylwiczne LXXXVII**]

Лем Станислав. **Маги и шарлатаны** / Пер. с пол. В.Язневича // Космопорт (Минск). – 2014. – № 6. – С. 4-5

[Stanisław Lem. **Magicy i szarlatani**]

Лем Станислав. **Множественность космосов** / Пер. с пол. В.Язневича // Космопорт (Минск). – 2014. – № 12. – С. 4-5.

[Stanisław Lem. **Wielość kosmosów**]

Лем Станислав. **Мысли о литературе, философии и науке**: (Интервью): Часть 1 / Пер. с англ. В.Язневича; [Беседовал] П.Свирски // Млечный Путь (Кфар-Саба). – 2014. – № 1. – С. 177-200. – (Переводы).

[Stanisław Lem. **Reflections on Literature, Philosophy, and Science**]

Лем Станислав. **Мысли о литературе, философии и науке**: (Интервью): Часть 2 / Пер. с англ. В.Язневича; [Беседовал] П.Свирски // Млечный Путь (Кфар-Саба). – 2014. – № 2. – С. 190-214. – (Переводы)

[Stanisław Lem. **Reflections on Literature, Philosophy, and Science**]

Лем Станислав. **Мысли о литературе, философии и науке**: (Интервью): Часть 4 / Пер. с англ. В.Язневича; [Беседовал] П.Свирски // Млечный Путь (Кфар-Саба). – 2014. – № 4. – С. 191-220. – (Переводы).

[Stanisław Lem. **Lem in a Nutshell**]

Лем Станислав. **На Марс?** / Пер. с пол. В.Язневича // Космопорт (Минск). – 2014. – № 8. – С. 4-5.

[Stanisław Lem. **Na Marsa?**]

Лем Станислав. **Почему ошибался?** / Пер. с пол. В.Язневича // Космопорт (Минск). – 2014. – № 11. – С. 4-5.

[Stanisław Lem. **Skąd błąd?**]

Лем Станислав. **Созидание через разрушение** / Пер. с пол. В.Язневича; Фото В.Язневича // Химия и жизнь (М.). – 2014. – № 9. – С. 44-46. – (Книги).

[Stanisław Lem. *Kreacja przez destrukcję*]

Лем Станислав. Станислав Лем: «**Что мне удалось предсказать**» / Пер. с пол. В.Язневича; Фото Ф.Роттенштайнера; Рубрику ведет В.Борисов // Шанс (Абакан). – 2014. – 30 янв. – 5 февр. (№ 5). – С. 10. – (ФутурКонгресс)

[Stanisław Lem. *Rozważania sylwiczne LXXI*]

Литература о жизни и творчестве

Арбитман Роман. **Антипутеводитель по современной литературе: 99 книг, которые не надо читать** / Оформл. худож. Е.Шурлаповой; Отв. за выпуск Д.Хвостова; Худож. ред. Е.Шурлапова. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2014. – 352 с. 2.000 экз. (п) ISBN 978-5-227-05129-5.

С. 150, 338: Станислав Лем.

Содерж.:

С. 148-150: **Сбрось муму с поезда:** Александр Никонов. Анна Каренина, самка

С. 333-339: **Сторожа братьям нашим:** Дмитрий Володихин, Геннадий Прашкевич. Братья Стругацкие

Арбитман Роман. **Как мы с генералиссимусом пилили Луну:** Первая попытка мемуаров / Рис. на обл. И.Максимова; Технич. ред. А.Тужилкин. – М.: Время, 2014. – 248 с. 1.000 экз. (п) ISBN 978-5-9691-1184-4

Содерж.:

С. 36-42: **Как я воскрешал Брежнева**

С. 72-83: **Как я сделался американским писателем**

С. 229-234: **Что я люблю и чего не люблю**

С. 234-237: Иринархов Виталий. **Десятка литературных негодяев**

Борисов Владимир. **Читатель амфибрахия** / Ред. О.Бэйс; Сер. оформл. Б.Брайнина; Рис. обл. А.Можаевой; Фотографии С.Битюцкого, К.Душенко, Ю.Зубакина, Ф.Роттенштайнера, Г.Шакина. – Иерусалим: Млечный Путь, 2014. – 347 с. – (Звезды «Млечного пути»). (о) ISBN 978-1-50-059583-8

Содерж.:

С. 8-34: **Голос жителя Земли**
 С. 83-87: **Мудрец из Кракова**
 С. 106-117: **Бремя жестоких чудес:** [«Солярис» С.Лема]

Каган-Пономарев Михаил. **Литераторы-врачи:** Очерки и подходы с приложением Биобиблиографического словаря. – М.; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2014. – 752 с. (п) ISBN 978-5-4344-0186-9.

Изд. 3-е, испр. и доп.

Содерж.:

С. 7-61: **Литераторы-врачи:** Первое приближение к теме, догадки и попытки обобщения
 С. 89-93: **Литераторы-врачи преимущественно визуалы?**
 С. 123-128: **Лем-Потрошитель**
 С. 137-143: **Фантаст широкого профиля**

С. 177-189: **Психиатр-литературовед**

С. 204-206: **Спорный случай**

С. 209-218: **Подведём итоги**

С. 233-680: **Биобиблиографический словарь:** Часть IV

Язневич Виктор. **Станислав Лем** / Ред. и корректор Т.Кузьмина; Худож. ред. А.Ткачук; Компьютерный дизайн С.Чепикова; Директор-издатель С.Кузьмин. – Минск: Книжный Дом, 2014. – 448 с. – (Мыслители XX столетия). 1.550 экз. (п) ISBN 978-985-17-0830-3

Вторые Лемовские чтения: Сб. материалов Всероссийской научной конференции с международным участием памяти Станислава Лема 28-30 марта 2013 г. / Предисл. А.Нестерова (С. 3-4); Отв. ред. А.Нестеров; Рецензенты Р.Таллер, С.Лишаев. – Самара: Изд-во Самар. гос. аэрокосм. ун-та, 2014. – 253 с. (о) ISBN 978-5-7883-0991-0.

Содерж.:

- С. 8-17: Саморукова Ирина. **Фантастический мир и фантастический сюжет: проблема инновации в science fiction**
- С. 88-95: Мальчукова Нина. **Проблема Другого в романах С.Лема «Солярис» и В.Пелевина «S.N.U.F.F.»**
- С. 105-112: Поздняков Константин. **Проблема понимания в рассказе С.Лема «Лунная ночь» и фельетонах И.Ильфа и Е.Петрова**
- С. 120-128: Смердова Екатерина. **Станислав Лем о возможности кибернетического моделирования творческих процессов. Машина и текстопорождение**
- С. 233-241: Долинина Марина. **Кто воскреснет в кибернетическом аватаре?:** Методологические замечания по поводу обретения кибернетического бессмертия

Идеи в России: Leksykon rosyjsko-polsko-angielski. T. 8 / Под ред. Я.Добешевского; Ред. М.Гульчин; Рецензенты А.Островский, М.Стычиньский; Обл. Л.Хмелевского. – Łódź: Ibidem, 2014. – 600 с. (о) ISBN 978-83-62331-21-5.

Содерж.:

- С. 188-209: Околовский Павел, Язневич Виктор. **Лем** / Пер. с пол. М.Лескинен; Библиография П.Околовского, В.Язневича, Я.Добешевского

Настоящая фантастика-2014: Фантаст. повести и рассказы / Сост. сб. Г.Гусаков; Сер. оформл. Е.Савченко; Ил. на переплете М.Петрова; Отв. ред. И.Минаков; Ред. Е.Кондратьева; Худож. ред. А.Сауков. – М.: ЭКСМО, 2014. – 799 с. – (Рус. фантастика). 3.100 экз. (п) ISBN 978-5-699-72293-8.

Содерж.:

- С. 673-685: Володихин Дмитрий. **Три Солярис**

Фанткритик: 10 ярких лет: Рецензии и критические статьи: Юбилейный сборник / Сост. Ю.Зартайская; Верстка В.Владимирского. – СПб.: Свое издательство, 2014. – 144 с. 1.000 экз. (п) ISBN 978-5-4386-0585-0.

1-й завод 100 экз..

Содерж.:

С. 74-78: Шлыков Валерий. **Футурология и фантастика с точки зрения будущего:** Версия Станислава Лема

Б.а. **Сведения об авторах:** [Татьяна Адаменко; Ксения Артюхина; Дмитрий Бобылев; Алгис Будрыс; Ростислав Грищенко; Сева Гуревич; Альфред Коппел; Юрий Лебедев; Элизабета Левин; Станислав Лем; Михаил Максаков; Стивен Марлоу; Давид Сеглевич; Константин Ситников; Наталья Сорокоумова; Олеся Чертова; Леонид Шифман; Виктор Язневич] // Млечный Путь (Кфар-Саба). – 2014. – № 1. – С. 248-250.

Б.а. **Сведения об авторах:** [Татьяна Адаменко; Дмитрий Артис; Наталья Ахпашева; Виталий Бабенко; Андрей Буторин; Александр Бывшев; Борис Григорин; Уильям Уаймарк Джейкобс; Яна Дубинянская; Михаил Дьяченко; Михаил Копелиович; Юрий Лебедев; Станислав Лем; Евгения Ли; Михаил Максаков; Стивен Марлоу; Юрий Молчан; Евгений Орлов; Бим Пайпер; Гай Хассон; Леонид Шифман; Виктор Язневич] // Млечный Путь (Кфар-Саба). – 2014. – № 2. – С. 251-252.

Б.а. **Сведения об авторах:** [Татьяна Адаменко; Антон Базелинский; Андрей Бударов; Ольга Бэйс; Оксана Волковницкая; Лиза Гольдштейн; Сева Гуревич; Елена Кушнир; Юрий Лебедев; Станислав Лем; Борис Лисицын; Роберт Лок; Михаил Максаков; Евгения Мильченко; Артур Рив; Тогрул Сафаров; Дмитрий Старцев; Альберт Тейчнер; Жак Фатрелл; Дмитрий Филиппенко; Леонид Шифман; Виктор Язневич] // Млечный Путь (Кфар-Саба). – 2014. – № 3. – С. 250-252.

Б.а. **Сведения об авторах:** [Татьяна Адаменко; Леонид Ашкенази; Эллис Батлер; Кирилл Берендеев; Николай Зайков; Рои Ишурон; Артур Касл; Виктория Килеева; Сергей Крайнов; Ольга Краузе; Елена Кушнир; Юрий Лебедев; Станислав Лем; Оксана Логашова; Михаил Максаков; Яэль Михаэли; Наталья Резанова; Вик Спаров; Валерий Цуркан; Леонид Шифман; Виктор Язневич] // Млечный Путь (Кфар-Саба). – 2014. – № 4. – С. 250-252.

Б.а. **Станислав Лем. Рассказы о пилоте Пирксе** // Мир фантастики (М.). – 2014. – № 12. – С. 35. – (А вы читали? / Научная фантастика / Проверено временем).

Афанасьев И. **Экспериментальные микроспутники россыпью** // Новости космонавтики (М.). – 2014. – № 1. – С. 48-55. – (Запуски космических аппаратов).

Первый научный спутник Польши имеет также собственное имя Лет в память о великом фантасте и футурологе Станиславе Леме.

Ашкинази Леонид. **Тот мир – Станислав Лем:** [Рец. на кн.: Язневич В. Станислав Лем] // Химия и жизнь (М.). – 2014. – № 9. – С. 44-45. – (Книги).

Борисов Владимир. **Взгляд извне:** [Герои С.Лема о человеке] // Шанс (Абакан). – 2014. – 20-26 марта (№ 12). – С. 4. – (Живой Журнал ШАНСа читают все!).

Борисов Владимир. **Глядя на полки:** [В частности, о книгах С.Лема и братьев Стругацких] // Шанс (Абакан). – 2014. – 27 марта – 2 апр. (№ 13). – С. 4. – (Живой Журнал ШАНСа читают все!).

Борисов Владимир. **Замечательные фантасты** // Шанс (Абакан). – 2014. – 8-14 мая (№ 19). – С. 4. – (Живой Журнал ШАНСа читают все!).

О новых книгах в серии «ЖЗЛ», в частности, о книгах Г.Прашкевича «Жюль Верн», «Братья Стругацкие», «Брэдли», «Станислав Лем», «Толкин».

Борисов Владимир. **Идеи в России:** [Об англо-русско-польском словаре] // Шанс (Абакан). – 2014. – 15-21 мая (№ 20). – С. 4. – (Живой Журнал ШАНСа читают все!).

Борисов Владимир. **Как это было** // Шанс (Абакан). – 2014. – 29 мая – 4 июня (№ 22). – С. 4. – (Живой Журнал ШАНСа читают все!).
О находках в архивах братьев Стругацких. В частности, о переводе нескольких страниц романа С.Лема «Расследование».

Борисов Владимир. **Мечты о будущем** // Шанс (Абакан). – 2014. – 10-16 июля (№ 28). – С. 4. – (Живой Журнал ШАНСа читают все!).
Лем, Стругацкие, Воннегут, Витицкий – о будущем.

Борисов Владимир. **Неужели пятьдесят? Лем:** [«Непобедимый» и «Сказки роботов» С.Лема] // Шанс (Абакан). – 2014. – 7-13 авг. (№ 32). – С. 4. – (Живой Журнал ШАНСа читают все!).

Борисов Владимир. **От гибели к рождению:** [Рец. на кн.: Форти Р. Трилобиты. Свидетели эволюции] // Шанс (Абакан). – 2014. – 28 авг. – 3 сент. (№ 35). – С. 4. – (Живой Журнал ШАНСа читают все!).
Как возникновение, так и исчезновение трилобитов носило взрывной характер. Гибель одних видов приводила к массовому появлению новых. Станислав Лем объяснял такие явления мощными планетарными катастрофами. Чего-чего, а катастроф в истории Земли хватало!

Борисов Владимир. **Прекрасный «Новый мир»** // Шанс (Абакан). – 2014. – 11-17 сент. (№ 37). – С. 4. – (Живой Журнал ШАНСа читают все!).

Нашлась общая тема для общения и с Владимиром Губайловским, который равнодушен к творчеству Станислава Лема. Мы даже договорились попробовать опубликовать в журнале переписку Лема с Мрожеком, сейчас постараемся получить разрешение на это у наследников польских писателей.

Борисов Владимир. **Сколько нужно обезьян?** // Шанс (Абакан). – 2014. – 16-22 окт. (№ 42). – С. 4. – (Живой Журнал ШАНСа читают все!).

Этот эксперимент напомнил мне историю о Трурле и Клапауциусе из «Кибериады» Станислава Лема, создавших демона второго рода, который обрабатывал случайным образом полученные тексты и отбирал из них истинные, имевшие какой-то смысл. Великий фантаст и здесь предугадал грядущее! А нас можно поздравить с тем, что информационная мощь человечества выходит на уровень гениальных изобретателей Лема.

Борисов Владимир. **Тихий:** [О «Звёздных дневниках Ийона Тихого»] // Шанс (Абакан). – 2014. – 13-19 нояб. (№ 46). – С. 4. – (Живой Журнал ШАНСа читают все!).

Борисов Владимир. **Философ или фантаст?:** [О кн.: Язневич В. Станислав Лем] // Шанс (Абакан). – 2014. – 4-10 дек. (№ 49). – С. 4. – (Живой Журнал ШАНСа читают все!).

Борисов Владимир. **Что нам сулят Нобелевские премии?** // Шанс (Абакан). – 2014. – 16-22 окт. (№ 42). – С. 10. – (ФутурКонгресс).

И все больше я убеждаюсь в правоте Станислава Лема, который утверждал: «Технология – это независимая переменная цивилизации. Хотим мы того или не хотим, она сама приводит себя в движение, и каждое новое открытие вызывает возникновение последующих».

Борисов Владимир. **Язык и коды:** [О жизни и творчестве Станислава Лема] // Шанс (Абакан). – 2014. – 31 дек.; 2015. – 7 янв. (№ 53). – С. 4. – (Живой Журнал ШАНСа читают все!).

Борисов Владимир, Колпаков Владимир. **Про кедр, воблу и Львов:** Разговор о Леме // Сегодняшняя газета (Канск). – 2014. – 14 мая (№ 20). – С. 31. – (Культура).

Вассерман Анатолий. **Анатолий Вассерман: «Горе – не от ума, а от его нехватки...»** / [Беседовала] И.Васильчикова; Фото В.Тараканова // Шанс (Абакан). – 2014. – 8-14 мая (№ 19). – С. 14. – (Только в «Шансе»).

Я бы всем посоветовал прочесть следующие книги: «Анти-Дюринг» Фридриха Энгельса, «Сумма технологии» Станислава Лема, «Слепой часовщик» Ричарда Докинза и «Структура реальности» Дэвида Дойча. После прочтения этих четырех книг формируется, на мой взгляд, достаточно цельная картина мира.

Владимирский Василий. **Фантастический детектив 2014** // Мир фантастики (М.). – 2014. – № 7. – С. 27. – (Кн. ряд / Книги номера). *Персонажи Серебрякова, напротив, выражаются чересчур кучеряво, в стиле «Кибериады» Лема – отдаёт пародией.*

Гопман Владимир. **От Стругацких до Лема:** БВИ рассказывает... Хочется еще! [Рец. на кн.: Борисов В. Читатель амфибрахия] // НГ Ex Libris (М.). – 2014. – 11 дек. (№ 45). – С. 7. – (Non-fiction).

Караев Николай. **Сквозь мутное зеркало и что там увидел Филип Дик, или Империя и не побеждала** // Мир фантастики (М.). – 2014. – № 3. – С. 8-17. – (Спецматериал / Дело Филипа Дика).

Мальский Алексей. **Статья, которой нет:** Нереальные миры в фантастике // Мир фантастики (М.). – 2014. – № 6. – С. 96-101. – (Врата миров / Реальность фантастики).

В частности, о «Футурологическом конгрессе» и «Странных ящичках профессора Коркорана» Станислава Лема.

Невский Борис. **Операция «Вечность»** // Мир фантастики (М.). – 2014. – № 8. – С. 33. – (Кн. ряд / Классика).

Овечкин Олег. **Постчеловеческое будущее**: Кто займет место устаревшего Homo sapiens / Рубрику ведет В.Борисов // Шанс (Абакан). – 2014. – 30 окт. – 5 нояб. (№ 44). – С. 10; 13-19 нояб. (№ 46). – С. 10. – (ФутурКонгресс).

В частности, о «Сумме технологий» Станислава Лема.

Первушин Антон. **Дальше – тишина**: Молчание Вселенной // Мир фантастики (М.). – 2014. – № 1. – С. 114-119. – (Машина времени / Теории).

Астрофизики Майкл Харт, Иосиф Шкловский и фантаст Станислав Лем утверждали, что появлению земной жизни способствовало редчайшее сочетание случайностей.

Переслегин Сергей, Переслегина Елена. **Singularity против Нас**: Тот самый момент / Рубрику ведет В.Борисов // Шанс (Абакан). – 2014. – 15-21 мая (№ 20). – С. 10; 29 мая – 4 июня (№ 22). – С. 10. – (ФутурКонгресс).

А мир беден лидерами. Лема нет, Вернадского нет, Ефремова нет, умерли братья Стругацкие...

Пузий Владимир. **Не Лемом единым**: Современная польская фантастика // Мир фантастики (М.). – 2014. – № 8. – С. 8-15. – (Спецматериал).

Пузий Владимир. **Яцек Дукай. Иные песни** // Мир фантастики (М.). – 2014. – № 5. – С. 28. – (Кн. ряд / Книги номера).

Перед нами, добавлю, не просто высококлассный прозаик, но ещё и мыслитель уровня Станислава Лема. Как и Лем, Дукай эрудирован, не боится ставить острые вопросы, мыслит глобально, пишет ярко и самобытно. При этом, в отличие от позднего Лема, Дукай не пренебрегает сюжетом и не забывает о персонажах.

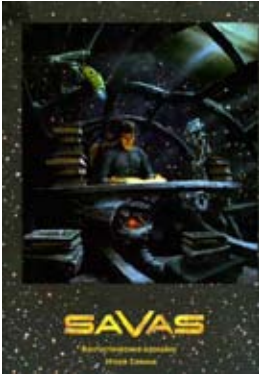
Цветков Алексей. **В устье Гудзона с Алексеем Цветковым**: Пять эссе // Иностранная литература (М.). – 2014. – № 1. – С. 155-171.

Содерж.:

С. 155-158: **Конец будущего**: [Упом. Ж.Верн, Г.Уэллс, Стругацкие, С.Лем, Дж.Р.Р.Толкиен]

Шикарев Сергей. **Спасение утопающих**: [Рец. на кн.: Ерёмин О., Смирнов Н. Иван Ефремов] // Новый мир (М.). – 2014. – № 7. – С. 191-198. – (Рецензии. Обзоры).

Подражания. Пародии

Савин Игорь. **Savas. Фантастические изохайку Игоря Савина**: Выпуск первый / Лит. консультант В.Краснянская; Ред. В.Лебедев. – М.: В.И.П. ПрестижГрупп, 2014. – 96 с. 500 экз. (п) ISBN 978-5-9901600-5-7.

С. 28-29: Если вы будете на Солярисе, то обязательно попадёте на станцию «Ржавая». Через неё проходят все, кто прилетает к Умнику. Как правило, это тоже умники, только меньшего размера – учёные, художники, музыканты, писатели. Они валят сюда толпами за советом, когда сами уже ничего не со-

ображают. Есть туристы – эти, в основном, прибывают, чтобы потрепать себе нервы. И многим это явно удаётся, потому что госпиталь станции забит до отказа и непрерывно эвакуирует их обратно. А работяги, то есть, мы, появляются на Ржавой спокойно, без переживаний и фанфар. Потому как спецы и на Солярисе требуются.

Бабиян Вартан. **Райская планета**: [Рассказ] / Ил. Л.Квасовой // Массаракш! Мир наизнанку (Ростов-на-Дону). – 2014. – № 142. – С. 10. – (Вареники с сюрпризом).

Бабиян Вартан. **Райская планета**: [Рассказ] / Рис. Л.Квасовой // ФанCity (М.). – 2014. – № 4. – С. 122-123. – (Истории).

Берендеев Кирилл. **Дневник Бортинженера** // Млечный Путь (Кфар-Саба). – 2014. – № 4. – С. 81-103. – (Рассказы).
Посвящение: Станиславу Лему. Напоминает «Эдем».

Край Игорь. **Учреждение**: Путешествие Ийона Тихого по этажам научно-исследовательского института // Мир фантастики (М.). – 2014. – № 3. – С. 110-115. – (Машина времени / Вперед в прошлое)

Постановки и экранизации. Литература о них

Межуев Борис. **«Перестройка-2». Опыт повторения** / Ред. М.Беляев; Худож. Е.Ильин. – М.: Весь Мир, 2014. – 204 с. (п) ISBN 978-5-7777-0578-5

С. 55, 69, 71: о к/ф «Солярис».

Вторые Лемовские чтения: Сб. материалов Всероссийской научной конференции с международным участием памяти Станислава Лема 28-30 марта 2013 г. / Предисл. А.Нестерова (С. 3-4); Отв. ред. А.Нестеров; Рецензенты Р.Таллер, С.Лишаев. – Самара: Изд-во Самар. гос. аэрокосм. ун-та, 2014. – 253 с. (о) ISBN 978-5-7883-0991-0.

Содерж.:

С. 49-61: Кирсанова Лидия, Коротина Ольга. **Дискурс фантастического в его отношении к само-му себе и реальности (объективности)**

Так говорили в советском кино / Сост. Е.Андрианова; Отв. ред. А.Фоминичев; Макет обл. М.Сафиуллина. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2014. – 157 с. 3.000 экз. (о) ISBN 978-5-222-22655-1

Издание второе.

Содерж.:

С. 53-54: «Солярис»

Б.а. **Сканировать и анимировать:** [О к/ф: Конгресс] // Огонек (М.). – 2014. – 10 марта (№ 9). – С. 45. – (Культура / Зеркало / Жанр)

Гагинский Александр. **Конгресс:** [О к/ф] // Мир фантастики (М.). – 2014. – № 1. – С. 59. – (Видеодром / После финальных титров).

Гагинский Александр. **Польша может в кино:** Польская кинофантастика // Мир фантастики (М.). – 2014. – № 8. – С. 45-49. – (Видеодром / Ретроспектива)

С. 45-46: Об экранизациях произведений Станислава Лема.

Мальский Алексей. **Роль, знай своё место:** [О к/ф: Конгресс] // Мир фантастики (М.). – 2014. – № 8. – С. 96. – (Врата миров / Фантаст. профессии)

(на английском языке)

Художественные произведения

Lem Stanislaw. **The Cyberiad** / Translated by Michael Kandel; Cover Illustration Hayley Warnham; With illustrations by Daniel Mróz; Introduction (P. vii-xiv) by Christopher Priest. – London: Penguin Books, 2014. – 289 pp. – (Modern Classics). ISBN 978-0-141-39459-6.

Contents:

The Cyberiad

P. 3-8: **How the Word Was Saved**

P. 9-20: **Trurl's Machine**

P. 21-27: **A Good Shellacking**

The Seven Sallies of Trurl and Klapaucius

P. 31-42: **The First Sally, or The Trap of Gargantius**

P. 43-57: **The First Sally (A), or Trurl's Electronic Bard**

P. 58-84: **The Second Sally, or The Offer of King Krool**

P. 85-102: **The Thirs Sally, or The Dragons of Probability**

P. 103-112: **The Fourth Sally, or How Trurl Built a Femfatalatron to Save Prince Pantagoon from the Pangs of Love, and How Later He Resorted to a Cannonade of Babies**

P. 113-130: **The Fifth Sally, or The Mischief of King Balerion**

P. 131-139: **The Fifth Sally (A), or Trurl's Prescription**

P. 140-159: **The Sixth Sally, or How Trurl and Klapaucius Created a Demon of the Second Kind to Defeat the Pirate Pugg**

P. 160-170: **The Seventh Sally, or How Trurl's Own Perfection Led to No Good**

P. 171-244: **Tale of the Three Storytelling Machines of King Genius**

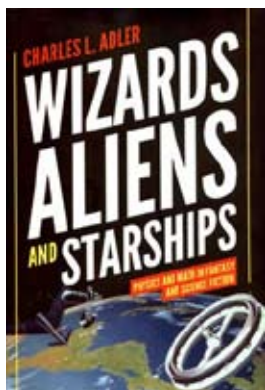
P. 245-274: **Altruizine, or A True Account of How Bonhomius the Hermetic Hermit Tried to Bring About Universal Happiness, and What Came of It**
From the Cyphroeroticon, or Tales of Deviations, Superfixations and Aberrations of the Heart

P. 277-289: **Prince Ferrix and the Princess Crystal**

[Stanisław Lem. **Jak ocalał świat; Maszyna Trurla; Wielkie lanie; Wyprawa pierwsza, czyli pułapka Gargancjana; Wyprawa pierwsza A, czyli Elektrybalt Trurla; Wyprawa druga, czyli oferta króla Okrucyusza; Wyprawa trzecia, czyli smoki prawdopodobieństwa;**

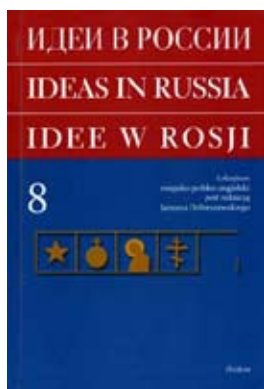
Wyprawa czwarta, czyli o tym, jak Trurl kobietron zastosował, królewicza Pantarktyka od mąk miłosnych chcąc zbawić i jak potem do użycia dzieciomiotu przyszło; Wyprawa piąta, czyli o figlach króla Baleryona; Wyprawa piąta A, czyli konsultacja Trurla; Wyprawa szósta, czyli jak Trurl i Klapaucjusz demona drugiego rodzaju stworzyli, aby zbójcę Gębona pokonać; Wyprawa siódma, czyli o tym, jak własna doskonałość Trurla do złego przywiodła; Bajka o trzech maszynach opowiadających króla Genialona; Altruizyna, czyli opowieść prawdziwa o tym, jak pustelnik Dobrycy kosmos uszczęśliwić zapragnął i co z tego wynikło; O królewiczu Ferrycym i królowie Krystali]

Литература о жизни и творчестве

Adler Charles L. **Wizards, Aliens, and Starships: Physics and Math in Fantasy and Science Fiction** / Jacket Illustration: Chesley Bonestell, Space Station, Ferry Rocket, and Space Telescope 1,075 Miles above Central America (1952); Author photo by Alexandra Adler; Jacket design by Karl Spurzem. – Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2014. – 378 pp. ISBN 978-0-691-14715-4 (hardback).

P. 197-198, 259, 266-267, 334, 365: *Stanislaw Lem.*

Ideas in Russia: Leksykon rosyjsko-polsko-angielski. Tom 8 / Pod redakcją Janusza Dobieszewskiego; Sekretarz redakcji Justyna Celmer; Konsultacja naukowa Andrzej de Lazari, Justyna Kurczak; Projekt graficzny okładki Łukasz Chmielewski. – Łódź: Ibidem, 2014. – 600 pp. ISBN 978-83-62331-21-5.

Contents:

P. 189-209: Okołowski Paweł, Jaźniewicz Wiktor. **Lem** / Transl. by Guy Russell Turr; Bibliografia: Paweł Okołowski, Wiktor Jaźniewicz, Janusz Dobieszewski

(на немецком языке)

Художественные произведения

Lem Stanisław. **Der futurologische Kongreß**: Aus Ijon Tichys Erinnerungen / Aus dem Polnischen von I. Zimmermann-Göllheim; Umschlagfoto: Roger Ressimeyer; Umschlag: Göllner, Michels, Zegarzewski. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 2014. – 139 S. – (suhrkamp taschenbuch 534; Phantastische Bibliothek. Band 29). ISBN 978-3-518-37034-6.

24. Auflage 2014

[Stanisław Lem. Kongres futurologiczny]

Литература о жизни и творчестве

Schwartz Matthias. **Expeditionen in andere Welten**: Sowjetische Abenteuerliteratur und Science-Fiction von der Oktoberrevolution bis zum Ende der Stalinzeit. – Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2014. – 684 S. ISBN 978-3-412-21057-1.

Die vorliegende Arbeit wurde 2010 vom Fachbereich Philosophie und Geisteswissenschaften der Freien Universität Berlin als Dissertationsschrift angenommen.

Lem, Stanisław (1921-2006): S. 37, 541, 615.

Quarber Merkur 115: Franz Rottensteiners Literaturzeitschrift für Science Fiction und Phantastik / Titelabbildung: »Innenwelten/ Außenwelten«, Helmut Wenske. – Giessen: Verlag Lindenstruth, 2014. – 280 S. ISBN 978-3-934273-94-8; ISSN 1433-7932.

Inhalt:

S. 189-190: Rottensteiner Franz. **Hans Frey. Philosophie und Science Fiction**

S. 216-217: Rottensteiner Franz. **Gerry Canavan & Kim Stanley Robinson (Hrsg.). Green Planets. Ecology and Science Fiction**

- S. 219-220: Rottensteiner Franz. **Sascha Mamczak, Sebastian Pirling & Wolfgang Jeschke (Hrsg.). Das Science Fiction Jahr 2013**
 S. 253-257: Rzeszotnik Jacek. **Lem – Mrozek. Listy (Lem – Mrozek. Briefe)**

Постановки и экранизации. Литература о них

№ 63
SOLARIS
 DETLEV GLANERT

OPER / Programm of ANKA

Solaris: Programmheft / Fotos (Farbteil) Bernd Uhlig; Intendantin Dr. Birgit Meyer; Geschäftsführender Direktor Patrick Wasserbauer; Redaktion Tanja Fasching, Georg Kehren. – Köln: Oper der Stadt Köln, 2014. – 92 S. – (Oper. № 63).

Приложения: Besetzung (4 S.); Künstlerbiografien (16 S.): Lothar Zagrosek; Patrick Kinmonth; Darko Petrovic; Annina von Pfuell; Andreas Grüter; Fernando Melo; Andrew Ollivant; Nikolay Borchev; Aoife Miskelly; Martin Koch; Bjarni Thor Kristinsson; Qiulin Zhang; Dalia Schaechter; Hanna Herfurtner.

Inhalt:

S. 2-6: Kehren Georg, Glanert Detlev. **Die Handlung**

- S. 9-12: Kehren Georg. **»Fang mich doch, du altes Loch!«**
 S. 14-23: Müller Antje. **»Und das Wort ward Fleisch«:** Detlev Glanerts Oper
 »Solaris«
 S. 26-35: Rottensteiner Franz. **Stanisław Lems Roman »Solaris«**
 S. 37-41: **»Lem über Lem«:** Aus: Stanisław Bereś im Gespräch mit Stanisław Lem (1986) / Aus dem Polnischen von Edda Werfel und Hilde Nürenberger
 S. 42-43: **Detlev Glanert** / Foto: Ronald Knapp
 S. 44-45: **Reinhard Palm** / Foto: Marlies Lanker
 S. 46-89: **Solaris:** Oper in zwei Teilen von Detlev Glanert: Libretto von Reinhard Palm nach dem gleichnamigen Roman von Stanisław Lem

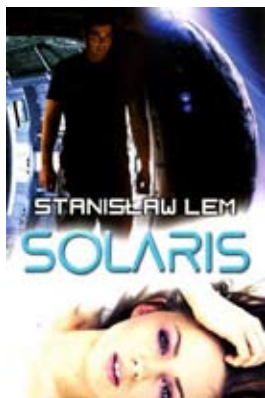
[Stanisław Lem. Czas nieutracony]

(на чешском языке)

Художественные произведения

Lem Stanisław. **Solaris** / Z polštiny přeložil Pavel Weigel; Návrh obálky Robin Brichta; Odpovědná redaktorka PhDr. Eva Mikolášková. – Voznice: Leda; Praha: Rozmluvy, 2014. – 264 s. ISBN 978-80-7335-387-2 (LEDA); ISBN 978-80-87440-88-9 (ROZMLUVY).

[Stanisław Lem. Solaris]

Об авторах

Андреев Алексей Викторович (1972). Окончил Новгородский государственный университет. Автор иллюстраций к романам «Непобедимый», «Эдем», «Солярис».

Ашкинази Леонид Александрович (1947). Окончил Московский институт электроники и математики. Член российского физического общества и Российского общества социологов. Кандидат физико-математических наук.

Борисов Владимир Иванович (1951). Критик, библиограф, переводчик. Окончил Томский институт автоматизированных систем управления и радиоэлектроники.

Володихин Дмитрий Михайлович (1969). Окончил исторический факультет Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова (1993). Кандидат исторических наук (1995). Доктор исторических наук (2011). Доцент, профессор исторического факультета МГУ. Член-корреспондент РАН.

Мальчукова Нина Валерьевна (1975). Доктор философских наук, доцент, профессор Иркутского государственного университета.

Околовский Павел (Okolowski Pawel) (1963). Польский философ. Сотрудник Института Философии Варшавского университета.

Поздняков Константин Сергеевич. Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы Поволжской социально-гуманитарной академии.

Смердова Екатерина Андреевна. Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Язневич Виктор Иосифович (1957). Исследователь творчества С.Лема, переводчик. Кандидат технических наук.

Источники

Околовский Павел, Язневич Виктор. *Лем* / Пер. с пол. М.Лескинен; Библиография П.Околовского, В.Язневича, Я.Добешевского // Идеи в России. *Idee w Rosji. Ideas in Russia. Leksykon rosyjsko-polsko-angielski pod redakcją Janusza Dobieszewskiego*. Том 8. – Łódź: Ibidem, 2014. – С. 188-209.

Ашкинази Леонид. *Тот мир – Станислав Лем* // Химия и жизнь (М.). – 2014. – С. 44-45.

Язневич В.И. *Каюсь!* // Рукопись.

Володихин Дмитрий. *Три Солярис* // Настоящая фантастика 2014. – М.: Эксмо, 2014. – С. 673-685.

Смердова Е.А. *Так творятся миры: лингвистические эксперименты Станислава Лема* // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С.Пушкина. – 2014. – Вып. 1. Т. 1. – С. 162-172.

Смердова Е.А. *Вероятностная интерпретация неференциально непрозрачного текста* // Вестник Пермского государственного университета. Российская и зарубежная филология. – 2014. – Вып. 2 (26). – С. 63-70.

Смердова Е.А. *Станислав Лем о возможности кибернетического моделирования творческих процессов. Машина и текстопорождение* // Вторые Лемовские чтения: Сб. материалов Всероссийской научной конференции с международным участием памяти Станислава Лема 28-30 марта 2013 г. – Самара: Изд-во Самар. гос. аэрокосм. ун-та, 2014. – С. 120-128.

Смердова Е.А. *Язык и структура возможного мира в «Сказках роботов» Станислава Лема* // Филология в зоне актуальности: вызовы времени: Сб. статей по материалам всероссийской научной конференции молодых учёных: Пермь, 1-2 апреля 2014 г. – Пермь, 2014. – С. 132-138.

Мальчукова Н.В. *Проблема Другого в романах С.Лема «Солярис» и В.Пелевина «S.N.U.F.F.»* // Вторые Лемовские чтения: Сб. материалов Всероссийской научной конференции с международным участием памяти Станислава Лема 28-30 марта 2013 г. – Самара: Изд-во Самар. гос. аэрокосм. ун-та, 2014. – С. 88-85.

Поздняков К.С. *Проблема понимания в рассказе С.Лема «Лунная ночь» и фельетонах И.Ильфа и Е.Петрова* // Вторые Лемовские чтения: Сб. материалов Всероссийской научной конференции с международным участием памяти Станислава Лема 28-30 марта 2013 г. – Самара: Изд-во Самар. гос. аэрокосм. ун-та, 2014. – С. 105-112.

Борисов Владимир. *Неужели пятьдесят? Лем* // Шанс (Абакан). – 2014. – 7-13 авг. (№ 32). – С. 4.

Борисов Владимир. *Язык и коды* // Шанс (Абакан). – 2014. – 31 дек.; 2015. – 7 янв. (№ 53). – С. 4.

Борисов Владимир. *Тихий* // Шанс (Абакан). – 2014. – 13-19 нояб. (№ 46). – С. 4.

Борисов Владимир. *Взгляд извне* // Шанс (Абакан). – 2014. – 20-26 марта (№ 12). – С. 4.

Борисов Владимир. *Философ или фантаст?* // Шанс (Абакан). – 2014. – 4-10 дек. (№ 49). – С. 4.

Борисов Владимир. *Как это было* // Шанс (Абакан). – 2014. – 29 мая – 4 июня (№ 22). – С. 4.

Указатель имён

- Adler Alexandra (Адлер Александра) – 129
Adler Charles L. (Адлер Чарлз Л.) – 129
Aldiss Brian Wilson (Олдисс Брайан Уилсон) – 110
Arndt Holger (Арндт Хольгер) – 23
Asimov Isaac (Азимов Айзек) – 18, 114-115
Augustinus Hipponensis Aurelius (Августин Блаженный Аврелий) – 6
Bach Johann Sebastian (Бах Иоганн Себастьян) – 37, 53
Balcerzak Ewa (Бальцежак Ева) – 23
Banionis Donatas (Банионис Донатас Юозович) – 35
Baraniecki Marek (Баранецкий Марек) – 111
Bayes Reverend Thomas (Байес /Бейес/ Томас) – 59
Beethoven Ludwig van (Бетховен Людвиг ван) – 75
Bellow Saul (Беллоу Сол) – 110
Bereś Stanisław (Бересь Станислав) – 23, 40, 53, 131
Berthel Werner (Бертель Вернер) – 25
Bester Alfred (Бестер Альфред) – 115
Białczyński Czesław (Бялчиньский Чеслав) – 112
Blaustein Leopold (Блаштайн Леопольд) – 75-76
Bonestell Chesley (Бонестелл Чесли) – 129
Borchev Nikolay (Борчев Николай) – 131
Bradbury Raymond /Ray/ Douglas (Брэдбери Рэймонд /Рэй/ Дуглас) – 13, 114-115,
122
Brichta Robin (Брихта Робин) – 131
Bruegel Peter de Oude (Брейгель Питер /Старший/) – 37
Brzostowski Mariusz (Бжостовский Мариуш) – 110, 112
Budrewicz Tadeusz (Будревич Тадеуш) – 24
Budrys Algirdas /Algis/ Jonas (Будрис Альгирдас /Алгис/ Йонас) – 121
Bugajski Leszek (Бугайский Лешек) – 112
Bühler Karl Ludwig (Бюлер Карл Людвиг) – 66
Buła Jan (Була Ян) – 110
Bursztyńska Halina (Бурштынская Галина) – 24
Butler Ellis Parker (Батлер Эллис Паркер) – 121
Caillois Roger (Кайуа /Калуа, Келлуа/ Роже) – 64, 79, 82, 84
Campbell, Jr. John Wood (Кэмпбелл-мл. Джон Вуд) – 114
Canavan Gerry (Канаван Герри) – 130
Čapek Karel (Чапек Карел) – 73
Carroll Lewis /Dodgson Charles Lutwidge/ (Кэрролл Льюис /Доджсон Чарлз Лют-
видж/) – 75

- Castle Arnold (Касл Арнольд /Артур/) – 121
Celmer Justyna (Цельмер Юстина) – 113, 129
Chalmers David John (Чалмерс Дэвид Джон) – 86, 89
Chmielewski Łukasz (Хмелевский Лукаш) – 113, 120, 129
Clarke Arthur Charles (Кларк Артур Чарлз) – 115
Clooney George Timothy (Клуни Джордж Тимоти) – 38
Clute John Frederick (Клют Джон Фредерик) – 25
Compton David Guy (Комптон Дэвид Гай) – 111
Coppel Alfredo Jose de Arana (Коппель Альфредо Хосе де Арана) – 121
Crichton John Michael (Крайтон Джон Майкл) – 110
Crick Francis (Крик Фрэнсис) – 9
Cubleşan Constantin (Кублешан Константин) – 111
Dajnowski Maciej (Дайновский Мацей) – 23
Davis James Madison (Дейвис Джеймс Мадисон) – 23
Dawkins Clinton Richard (Докинз Клинтон Ричард) – 124
Dębowski Przemek (Дембовский Пшемек) – 109
Dennett Daniel Clement (Деннет Дэниел Клемент) – 86, 89
Deutsch David (Дойч Дэвид) – 124
Dick Philip Kindred (Дик Филип Киндред) – 111, 115, 124
Dobieszewski Janusz (Добешевский Януш) – 16-25, 113, 120, 129, 133
Doxiadis Apostolos K. (Δοξιάδης Αλόστολος Κ., Доксиадис Апостолос К.) – 110
Dukaj Jacek (Дукай Яцек) – 125
Dworak Zbigniew (Дворак Збигнев) – 112
Dylan Marlais Thomas (Дилан Марлайс Томас) – 38
Eco Umberto (Эко Умберто) – 54, 57, 60, 65, 67
Eichler Irena (Эйхлер Ирена) – 112
Engel Peter (Энгель Питер) – 23
Engels Friedrich (Энгельс Фридрих) – 97, 124
Escher Maurits Cornelis (Эшер Мауриц Корнелис) – 53
Faber Michel (Фейбер Мишель) – 110
Fasching Tanja (Фашинг Таня) – 131
Feuerbach Ludwig Andreas von (Фейербах Людвиг Андреас фон) – 10, 28
Fiałkowski Konrad (Фиалковский Конрад) – 112
Fiałkowski Tomasz (Фиалковский Томаш) – 23
Filar Dariusz (Филяр Дариуш) – 112
Fleck Ludwik (Флек Людвиг) – 8
Fortey Richard (Форти Ричард) – 123
Franke Herbert Werner (Франке Герберт Вернер) – 114
Frey Hans (Фрай Ханс) – 130
Futrelle Jacques Heath (Фатрелл Жак Хит) – 121
Gamow George (Гамов Георгий Антонович /Джордж/) – 31
Glanert Detlev (Гланерт Детлев) – 131

- Glass David (Гласс Дэвид) – 35
Gödel Kurt Friedrich (Гёдель Курт Фридрих) – 53
Golding William Gerald (Голдинг Уильям Джеральд) – 111
Goldstein Elizabeth /Lisa/ Joy (Голдстейн Элизабет Джой /Гольдштейн Лиза/) – 121
Göllner Regina (Гёлльнер Регина) – 130
Gombrowicz Witold Marian (Гомбрович Витольд Мариан) – 23
Gosk Tadeusz (Госк Тадеуш (Gosk Tadeusz)) – 112
Gräfrath Bernd (Грефрат Бернд) – 10, 23
Grüter Andreas (Грютер Андреас) – 131
Handke Ryszard (Хандке Рышард) – 23, 112
Harniček Martin (Гарничек Мартин) – 110
Harrison Harry (Гаррисон Гарри) – 110
Hart Michael (Харт Майкл) – 125
Heinlein Robert Anson (Хайнлайн Роберт Энсон) – 110-111
Heller Michał (Хеллер Михал) – 23
Herfurtner Hanna (Херфуртнер Ханна) – 131
Hintikka Kaarlo Jaakko Juhani (Хинтика Каарло Яакко Юхани) – 73, 76
Hofstadter Douglas Richard (Хофштадтер Дуглас Ричард) – 41, 53
Hollanek Adam (Холлянек Адам (Hollanek Adam)) – 111-112
Ingarden Roman Witold (Ингарден Роман Витольд) – 43, 52
Inglot Jacek (Инглот Яцек) – 112
Jacobs William Wymark (Джекобс Уильям Уаймарк) – 121
Jarzębski Jerzy (Яжембский Ежи) – 23, 25, 40, 53, 64, 67, 78, 82-84, 103, 109
Jaźniewicz Wiktor (Язневич Виктор Иосифович) – 4-29, 105-106, 113-123, 129, 132-133
Jęczmyk Lech (Енчмык Лех) – 111-112
Jeschke Wolfgang (Ешке Вольфганг) – 131
Jesiólkowski Janusz (Есёлковский Януш) – 23, 40, 53
Kajtoch Wojciech Maciej (Кайтох Войцех Мацей) – 113
Kandel Michael (Кандель Майкл) – 24, 128
Kapp Colin (Кэпп Колин) – 111
Kaska Adam (Каска Адам) – 111
Kasprzyk Krystyna (Каспшик Кристина) – 24
Kehren Georg (Керен Георг) – 131
Keller-Krawczyk Lech (Келлер-Кравчик Лех) – 24
Kiklewicz Aleksander (Киклевич Александр) – 113
Kinmonth Patrick (Кинмонт Патрик) – 131
Kledzik Bronisław (Кледзик Бронислав) – 111
Knapp Ronald (Напп Роналд) – 131
Koch Martin (Кох Мартин) – 131
Kozielecki Józef (Козелецкий Юзеф) – 111

- Krajewska Monika (Краевская Моника) – 41, 53
Kripke Saul Aaron (Крипке Сол Аарон) – 41, 52
Kristinnsson Bjarni Thor (Кристинссон Бьярни Тор) – 131
Krywak Piotr (Крывак Пётр) – 24, 112
Krzemuska Katarzyna (Кжемуская Катажина) – 111
Kudlińska-Stepień Halina (Кудлинская-Степень Галина) – 113
Kurczak Justyna (Курчак Юстина) – 113, 129
Lanker Marlies (Ланкер Марлиз) – 131
Lazari Andrzej de (Лазари Анджей де) – 113, 129
Le Chatelier Henri Louis (Ле Шателье Анри Луи) – 31
Leibniz Gottfried Wilhelm (Лейбниц Готфрид Вильгельм) – 8, 10, 23
Lem Stanisław (Лем Станислав) – passim
Lem Tomasz (Лем Томаш) – 24
Levi Primo (Леви Примо) – 111
Lichański Jakub Z. (Лиханьский Якуб З.) – 24
Locke Robert Donald (Лок Роберт Дональд) – 121
Lovecraft Howard Phillips (Лавкрафт Говард Филлипс) – 111
Lucretius Carus Titus (Лукреций Кар Тит) – 7, 9
Lyons John (Лайонз Джон) – 67
Maciąg Włodzimierz (Мацёнг Влодзимеж) – 24
Mackiewicz Witold (Мацкевич Витольд) – 24
Majewski Paweł (Маевский Павел) – 24
Malinowska Dorota (Малиновская Дорота) – 112
Malinowski Krzysztof Wiesław (Малиновский Кшиштоф Веслав) – 20
Mamczak Sascha (Мамчак Саша) – 131
Markowski Tadeusz (Марковский Тадеуш) – 111
Marlowe Stephen /Lesser Milton/ (Марлоу Стивен /Лессер Милтон/) – 121
Marx Karl Heinrich (Маркс Карл Генрих) – 8, 10
Melo Fernando (Мело Фернандо) – 131
Meyer Birgit (Майер Биргит) – 131
Meyrink /Meyer/ Gustav (Майринк /Мейер/ Густав) – 73
Michelangelo Buonarroti (Микеланджело Буонарроти) – 37
Michels Hermann (Михельс Герман) – 130
Michera Wojciech (Михера Войцех) – 24
Mickiewicz Adam (Мицкевич Адам) – 68, 71
Mikolášková Eva (Миколашкова Эва) – 131
Miskelly Aoife (Мискелли Аойфе) – 131
Mróz Daniel (Мруз Даниель) – 128
Mrozek Sławomir (Мрожек Славомир) – 123, 131
Müller Antje (Мюллер Антье) – 131
Musijenko Swietłana (Мусиенко Светлана) – 24
Myszko Danuta (Мышко Данута Ромуальдовна) – 15, 21, 24

- Nicholls Peter (Николлз Питер) – 25
Niewiadowski Andrzej (Невядовский Анджей) – 24, 112
Nürenberger Hilde (Нюренбергер Хильда) – 131
Nusser Peter (Нуссер Петер) – 24
Okołowski Paweł (Околовский Павел) – 4-25, 113, 120, 129, 132-133
Okólska Barbara (Окульская Барбара) – 112
Ollivant Andrew (Олливант Эндрю) – 131
Oramus Marek (Орамус Марек) – 24, 110-113
Orliński Wojciech (Орлинский Войцех) – 24
Otceten Stefan (Отцетен Стефан) – 110
Palm Reinhard (Пальм Рейнхард) – 131
Parowski Maciej (Паровский Мацей) – 110-112
Petecki Bohdan (Петецкий Богдан) – 112
Petrovic Darko (Петрович Дарко) – 131
Pfuel Annina von (Пфуэль Аннина фон) – 131
Pierce Charles Sanders (Пирс Чарльз Сандерс) – 54
Pięta Iwona (Пента Ивона) – 24
Piper Horace Beam (Пайпер Хорас Бим) – 121
Pirling Sebastian (Пирлинг Себастьян) – 131
Płaza Maciej (Плаза Мацей) – 25
Poe Edgar Allan (По Эдгар Аллан) – 25
Poincaré Jules Henri (Пуанкаре Жюль Анри) – 48, 53, 57, 67
Popper Karl Raimund (Поппер Карл Раймунд) – 6, 8
Priest Christopher (Прист Кристофер) – 128
Przybyłowska Barbara Maria (Пшибыловская Барбара Мария) – 111
Quine Willard Van Orman (Куайн Уиллард Ван Орман) – 54, 66
Reeve Arthur Benjamin (Рив Артур Бенджамин) – 121
Rembrandt Harmenszoon van Rijn (Рембрандт Харменс ван Рейн) – 37
Ressmeyer Roger (Рессмайер Роджер) – 130
Robinson Kim Stanley (Робинсон Ким Стэнли) – 130
Rottensteiner Franz (Роттенштайнер Франц) – 114, 118-119, 130-131
Russell Bertrand Arthur William (Рассел Бертран Артур Уильям) – 6, 11
Rzeszotnik Jacek (Жешотник Яцек) – 24, 53, 131
Sawaszkiwicz Jacek (Савашкевич Яцек) – 111
Sawicki Wawrzyniec (Савицкий Вавжинец) – 112
Schaechter Dalia (Шехтер Далия) – 131
Scheck Frank Rainer (Шек Франк Райнер) – 25
Schopenhauer Arthur (Шопенгауэр Артур) – 6
Schulz Bruno (Шульц Бруно) – 23
Schwartz Matthias (Шварцц Маттиас) – 130
Searle John Rogers (Сёрль Джон Роджерс) – 86, 89
Shapley Harlow (Шепли Харлоу) – 31

- Skibińska Elżbieta (Скибиньская Эльжбета) – 24, 53
Smuszkiewicz Antoni (Смушкевич Антони) – 24-25, 112
Soderbergh Steven Andrew (Содерберг Стивен Эндрю) – 35, 38-39
Sosnowski Jerzy (Сосновский Ежи) – 110
Spurzem Karl (Сперзем Карл) – 129
Stepnowska Tatiana (Степновская Татьяна) – 22
Stoff Andrzej (Стофф Анджей) – 25
Strugacki Arkadij Natanowicz (Стругацкий Аркадий Натанович) – 13, 36, 107-108, 110, 114-115, 118
Strugacki Boris Natanowicz (Стругацкий Борис Натанович) – 13, 36, 107-108, 110, 113, 115, 118
Sulikowski Andrzej (Суликовский Анджей) – 25
Sulikowski Rafał (Суликовский Рафал) – 25
Sutin Lawrence (Сутин Лоуренс) – 110
Suvin /Šlesinger/ Darko Ronald (Сувин /Шлезингер/ Дарко Роналд) – 25
Swirski Peter (Свирски Петер) – 117
Szpakowska Małgorzata (Шпаковская Малгожата) – 25
Teichner Albert R. (Тейчнер Альберт) – 121
Tolkien John Ronald Reuel (Толкин Джон Роналд Руэл) – 45, 53, 122, 125
Tolstoj Tatiana Nikiticzna (Толстая Татьяна Никитична) – 110
Troszczyńska Ewa (Трощиньская Ева) – 111
Turing Alan Mathison (Тьюринг Алан Мэтисон) – 86, 89-90
Turr Guy Russell (Терр Гай Расселл) – 129
Uhlig Bernd (Улиг Бернд) – 131
Ustinov Peter Alexander (Устинов Питер Александр) – 110
Van Vogt Alfred Elton (Ван Вогт Альфред Элтон) – 115
Verne Jules Gabriel (Верн Жюль Габриэль) – 30, 122, 125
Voltaire /Arouet François Marie/ (Вольтер /Аруэ Франсуа-Мари/) – 63-64, 66
Vonnegut, Jr. Kurt (Воннегут-мл. Курт) – 105, 122
Warnham Hayley (Уорнем Хейли) – 128
Wasilewski Andrzej (Василевский Анджей) – 25
Wasserbauer Patrick (Вассербауэр Патрик) – 131
Watson James Dewey (Уотсон /Ватсон/ Джеймс Дьюи) – 9
Wawrzyniak Waclaw (Вавжиняк Вацлав) – 25
Weigel Pavel (Вейгель Павел) – 131
Wells Herbert George (Уэллс Герберт Джордж) – 19, 30, 111, 125
Wenske Helmut (Венске Хельмут) – 130
Werfel Edda (Верфель Эдда) – 131
Wiener Norbert (Винер Норберт) – 86
Wilson Edward Osborne (Уилсон Эдвард Осборн) – 110
Wiśniewski-Snerg Adam (Вишневицкий-Снерг Адам) – 111
Wittgenstein Ludwig Josef Johann (Витгенштейн Людвиг Йозеф Иоганн) – 8, 42, 52

- Wnuk-Lipiński Edmund (Внук-Липиньский Эдмунд) – 112
Wójcik Andrzej (Вуйцик Анджей) – 111
Wolski Marcin (Вольский Марцин) – 111-112
Wydmuch Marek (Выдмух Марек) – 25
Zagrosek Lothar (Загросек Лотар) – 131
Zajdel Janusz Andrzej (Зайдель Януш Анджей) – 110
Zaleska Krystyna (Залеская Кристина) – 109
Zegarzewski Werner (Зегажевский Вернер) – 130
Żelkowski Marek (Жельковский Марек) – 112
Zemek Wojciech (Земек Войцех) – 102
Zgorzelski Andrzej (Згожельский Анджей) – 25
Zhang Qiulin (Чжан Цюлинь) – 131
Ziegfeld Richard E. (Зигфельд Ричард Э.) – 25
Zielonko Janina (Зелёнка Янина) – 110
Zimmermann-Göllheim Irmtraud (Циммерманн-Гёлльхайм Ирмтрауд) – 130
Żwikiewicz Wiktor (Жвикевич Виктор) – 112
- Ἀριστοτέλης (Аристотель) – 71
Δοξιάδης Ἀπόστολος Κ. (Doxiadis Apostolos K., Доксиадис Апостолос К.) – 110
Ὅμηρος (Гомер) – 63-64
- Августин Блаженный Аврелий (Augustinus Hipponensis Aurelius) – 6
Адаменко Татьяна – 121
Адлер Александра (Adler Alexandra) – 129
Адлер Чарлз Л. (Adler Charles L.) – 129
Азимов Айзек (Asimov Isaac) – 18, 114-115
Андреев Алексей Викторович – 4, 132
Андреев Кирилл Константинович – 18, 114
Андрианова Е.А. – 127
Анненский Иннокентий Фёдорович – 114
Анохина Юлия – 37
Анчаров Михаил Леонидович – 114
Араб-Оглы Эдвард Артурович – 18
Арбитман Роман Эмильевич /Иринархов Виталий Авдеевич/ – 18, 118
Аристотель (Ἀριστοτέλης) – 71
Арндт Хольгер (Arndt Holger) – 23
Артис Дмитрий – 121
Артюхина Ксения – 121
Арутюнова Нина Давидовна – 45, 52
Афанасьев Игорь Борисович – 122
Ахпашева Нагалья Марковна – 121
Ашкинази Леонид Александрович – 4-5, 26-28, 121-122, 132-133

- Бабенко Виталий Тимофеевич – 121
Бабиян Варган – 126
Базелинский Антон – 121
Байес /Бейес/ Томас (Bayes Reverend Thomas) – 59
Бак Дмитрий Петрович – 18, 40, 52
Балабуха Андрей Дмитриевич – 18
Баландин Рудольф Константинович – 18
Бальцежак Ева (Balcerzak Ewa) – 23
Банионис Донатас Юозович (Banionis Donatas) – 35
Баранецкий Марек (Baraniecki Marek) – 111
Бардасова Элеонора Вячеславовна – 18
Батлер Эллис Паркер (Butler Ellis Parker) – 121
Бах Иоганн Себастьян (Bach Johann Sebastian) – 37, 53
Беллоу Сол (Bellow Saul) – 110
Беляев М.М. – 126
Берендеев Кирилл Николаевич – 121, 126
Бересь Станислав (Bereś Stanisław) – 23, 40, 53, 131
Бертель Вернер (Berthel Werner) – 25
Бестер Альфред (Bester Alfred) – 115
Бестужев-Лада Игорь Васильевич – 114
Бетховен Людвиг ван (Beethoven Ludwig van) – 75
Бжостовский Мариуш (Brzostowski Mariusz) – 110, 112
Биленкин Дмитрий Александрович – 114
Бирюков Борис Владимирович – 18
Битюцкий Сергей Петрович – 114, 119
Блауштайн Леопольд (Blaustein Leopold) – 75-76
Блок Александр Александрович – 114
Бобылев Дмитрий – 121
Бонестелл Чесли (Bonestell Chesley) – 129
Борисов Владимир Иванович – 4, 18, 29, 100-108, 113-119, 122-125, 132-133
Борчев Николай (Borchev Nikolay) – 131
Бразговская Елена Евгеньевна – 40, 52
Брайнин Б. – 114, 119
Брандис Евгений Павлович – 18, 114
Брежнев Леонид Ильич – 118
Брейгель Питер /Старший/ (Bruegel Peter de Oude) – 37
Бритиков Анатолий Фёдорович – 18
Брихта Робин (Brichta Robin) – 131
Брускин Дмитрий Михайлович – 10, 113
Брэдбери Рэймонд /Рэй/ Дуглас (Bradbury Raymond /Ray/ Douglas) – 13, 114-115, 122
Бугайский Лешек (Bugajski Leszek) – 112

- Бугров Виталий Иванович – 19
Бударов Андрей – 121
Будревич Тадеуш (Budrewicz Tadeusz) – 24
Будрис Альгирдас /Алгис/ Йонас (Budrys Algirdas /Algis/ Jonas) – 121
Була Ян (Buła Jan) – 110
Булычёв Кир /Можейко Игорь Всеволодович/ – 96, 114
Бурштынская Галина (Bursztyńska Halina) – 24
Буторин Андрей Русланович – 121
Бывшев Александр – 121
Бэйс Ольга – 114, 119, 121
Бюлер Карл Людвиг (Bühler Karl Ludwig) – 66
Бялчиньский Чеслав (Białczyński Czesław) – 112
Вавжиняк Вацлав (Wawrzyniak Waclaw) – 25
Вайль Пётр Львович – 92
Вайсброт Евгений Павлович – 10, 19
Ван Вогт Альфред Элтон (Van Vogt Alfred Elton) – 115
Василевский Анджей (Wasilewski Andrzej) – 25
Васильчикова Ирина – 124
Вассербауэр Патрик (Wasserbauer Patrick) – 131
Вассерман Анатолий Александрович – 124
Вейгель Павел (Weigel Pavel) – 131
Венске Хельмут (Wenske Helmut) – 130
Верн Жюль Габриэль (Verne Jules Gabriel) – 30, 122, 125
Вернадский Владимир Иванович – 125
Верфель Эдда (Werfel Edda) – 131
Винер Норберт (Wiener Norbert) – 86
Витгенштейн Людвиг Йозеф Иоганн (Wittgenstein Ludwig Josef Johann) – 8, 42, 52
Вишневецкий-Снерг Адам (Wiśniewski-Snerg Adam) – 111
Владимирский Василий Андреевич – 121, 124
Внук-Липиньский Эдмунд (Wnuk-Lipiński Edmund) – 112
Воздвиженская А. – 19
Волковницкая Оксана – 121
Володихин Дмитрий Михайлович – 4-5, 30-39, 118, 120, 132-133
Вольский Марцин (Wolski Marcin) – 111-112
Вольтер /Аруэ Франсуа-Мари/ (Voltaire /Arouet François Marie/) – 63-64, 66
Воннегут-мл. Курт (Vonnegut, Jr. Kurt) – 105, 122
Вуйцик Анджей (Wójcik Andrzej) – 111
Выдмух Марек (Wydmuch Marek) – 25
Гагинский Александр Михайлович – 127
Газенко Олег Георгиевич – 19
Гамов Георгий Антонович /Джордж/ (Gamow George) – 31
Гарничек Мартин (Harniček Martin) – 110

- Гаррисон Гарри (Harrison Harry) – 110
 Гёдель Курт Фридрих (Gödel Kurt Friedrich) – 53
 Гей Николай Константинович – 19
 Гёлльнер Регина (Göllner Regina) – 130
 Генис Александр Александрович – 92
 Герчук Юрий Яковлевич – 19
 Гланерт Детлев (Glanert Detlev) – 131
 Гласс Дэвид (Glass David) – 35
 Гмурман Владимир Ефимович – 48, 52, 57, 66
 Голдинг Уильям Джеральд (Golding William Gerald) – 111
 Голдстейн Элизабет Джой /Гольдштейн Лиза/ (Goldstein Elizabeth /Lisa/ Joy) – 121
 Гомбрович Витольд Мариан (Gombrowicz Witold Marian) – 23
 Гомер (Ὅμηρος) – 63-64
 Гончаров Иван Александрович – 114
 Гопман Владимир Львович – 124
 Горловский Александр Самойлович – 19
 Госк Тадеуш (Gosk Tadeusz) – 112
 Греффрат Бернд (Gräfrath Bernd) – 10, 23
 Григорин Борис – 121
 Грицанов Александр Алексеевич – 10, 19
 Грищенко Ростислав В. – 121
 Громова Ариадна Григорьевна – 10, 19
 Грютер Андреас (Grüter Andreas) – 131
 Губайловский Владимир Алексеевич – 123
 Гульчин Михаил – 120
 Гуревич Всеволод /Сева/ – 121
 Гуревич Георгий Иосифович – 19
 Гусаков Глеб Владимирович /Веров Ярослав/ – 35, 120
 Дайновский Мацей (Dajnowski Maciej) – 23
 Дворак Збигнев (Dworak Zbigniew) – 112
 Дейвис Джеймс Мадисон (Davis James Madison) – 23
 Дембовский Пшемек (Dębowski Przemek) – 109
 Деннет Дэниел Клемент (Dennett Daniel Clement) – 86, 89
 Джекобс Уильям Уаймарк (Jacobs William Wymark) – 121
 Дик Филип Киндред (Dick Philip Kindred) – 111, 115, 124
 Дилан Марлайс Томас (Dylan Marlais Thomas) – 38
 Дмитревский Владимир Иванович – 18-19
 Добешевский Януш (Dobieszewski Janusz) – 16-25, 113, 120, 129
 Дойч Дэвид (Deutsch David) – 124
 Докинз Клинтон Ричард (Dawkins Clinton Richard) – 124
 Доксиадис Апостолос К. (Δοξιάδης Ἀπόστολος Κ., Doxiadis Apostolos K.) – 110

- Долинина Марина Владимировна – 120
Достоевский Фёдор Михайлович – 6, 114
Дубинянская Яна Юрьевна – 121
Дукай Яцек (Dukaj Jacek) – 125
Душенко Константин Васильевич – 11, 29, 67, 114, 119
Дьяченко Михаил – 121
Евсеев Игорь Владимирович – 114
Енчмык Лех (Jeżczyk Lech) – 111-112
Ерёмина Ольга Александровна – 125
Ерофеева Елена Валентиновна – 57, 66
Есёлковский Януш (Jesiólkowski Janusz) – 23, 30, 53
Ефремов Иван Антонович /Антипович/ – 30, 114, 125
Ешке Вольфганг (Jeschke Wolfgang) – 131
Жвикевич Виктор (Żwikiewicz Wiktor) – 112
Жельковский Марек (Żelkowski Marek) – 112
Жешотник Яцек (Rzeszotnik Jacek) – 24, 53, 131
Жуков Сергей Викторович – 35
Загросек Лотар (Zagrosek Lothar) – 131
Зайдель Януш Анджей (Zajdel Janusz Andrzej) – 110
Зайков Николай – 121
Залеская Кристина (Zaleska Krystyna) – 109
Замятин Евгений Иванович – 94
Зартайская Юлия – 121
Захарченко Василий Дмитриевич – 18
Згожельский Анджей (Zgorzelski Andrzej) – 25
Зегажевский Вернер (Zegarzewski Werner) – 130
Зелёнко Янина (Zielonko Janina) – 110
Земек Войцех (Zemek Wojciech) – 102
Зигфельд Ричард Э. (Ziegfeld Richard E.) – 25
Зоркая Нея Марковна – 19
Зубакин Юрий Юрьевич – 114, 119
Иванов Георгий – 29
Ивашева Валентина Васильевна – 19
Ильин Е.А. – 126
Ильф /Файнзильберг/ Илья Арнольдович – 5, 92-99, 120, 133
Ингарден Роман Витольд (Ingarden Roman Witold) – 43, 52
Инглот Яцек (Inglot Jacek) – 112
Ишурон Рои – 121
Каган-Пономарёв Михаил Яковлевич – 119
Каганская Майя Лазаревна – 19
Кагарлицкий Юлий Иосифович – 20
Казанцев Александр Петрович – 20

- Кайтох Войцех Мацей (Kajtoch Wojciech Maciej) – 113
Кайуа /Калуа, Келлуа/ Роже (Caillois Roger) – 64, 79, 82, 84
Калашников Николай Николаевич – 114
Канаван Герри (Canavan Gerry) – 130
Кандель Майкл (Kandel Michael) – 24, 128
Кантор Владимир Карлович – 20
Караев Николай Николаевич – 124
Карпович Марк – 114
Каска Адам (Kaska Adam) – 111
Касл Арнольд /Артур/ (Castle Arnold) – 121
Каспшик Кристина (Kasprzyk Krystyna) – 24
Квасова Людмила – 126
Кедров Константин Александрович – 20
Келлер-Кравчик Лех (Keller-Krawczyk Lech) – 24
Керен Георг (Kehren Georg) – 131
Кжемуская Катажина (Krzemuska Katarzyna) – 111
Киклевич Александр (Kiklewicz Aleksander) – 113
Килеева Виктория – 121
Кинмонт Патрик (Kinmonth Patrick) – 131
Кирсанова Лидия Игнатъевна – 127
Кларк Артур Чарлз (Clarke Arthur Charles) – 115
Кледзик Бронислав (Kledzik Bronisław) – 111
Клуни Джордж Тимоти (Clooney George Timothy) – 38
Клют Джон Фредерик (Clute John Frederick) – 25
Ковальчук Михаил Андреевич /Гаков Вл./ – 18-19, 23
Ковтун Елена Николаевна – 20
Козелецкий Юзеф (Kozielecki Józef) – 111
Колпаков Владимир Борисович – 124
Комптон Дэвид Гай (Compton David Guy) – 111
Кондратьева Е.А. – 120
Копелиович Михаил – 121
Коппель Альфредо Хосе де Арана (Coppel Alfredo Jose de Arana) – 121
Коротина Ольга Александровна – 127
Кох Мартин (Koch Martin) – 131
Краевская Моника (Krajewska Monika) – 41, 53
Край Игорь – 126
Крайнов Сергей – 121
Крайтон Джон Майкл (Crichton John Michael) – 110
Краснянская Виктория – 126
Краузе Ольга – 121
Крик Фрэнсис (Crick Francis) – 9
Крипке Сол Аарон (Kripke Saul Aaron) – 41, 52

- Кристинссон Бьярни Тор (Kristinsson Bjarni Thor) – 131
Крыва́к Пётр (Krywak Piotr) – 24, 112
Куайн Уиллард Ван Орман (Quine Willard Van Orman) – 54, 66
Кублешан Константин (Cubleşan Constantin) – 111
Кудлинская-Степень Галина (Kudlińska-Stepień Halina) – 113
Кузнецов А. – 19
Кузьмин С.В. – 119
Кузьмина Т.Е. – 119
Куницын Георгий Иванович – 20
Курчак Юстина (Kurczak Justyna) – 113, 129
Кушнир Елена – 121
Кэмпбелл-мл. Джон Вуд (Campbell, Jr. John Wood) – 114
Кэпп Колин (Kapp Colin) – 111
Кэрролл Льюис /Доджсон Чарлз Лютвидж/ (Carroll Lewis /Dodgson Charles Lutwidge/) – 75
Лавкрафт Говард Филлипс (Lovecraft Howard Phillips) – 111
Лагин /Гинзбург/ Лазарь Иосифович – 20
Лазари Анджей де (Lazari Andrzej de) – 113, 129
Лайонз Джон (Lyons John) – 67
Ланкер Марлиз (Lanker Marlies) – 131
Ланкович Александр – 113, 115-117
Ларин Сергей Иванович – 20
Ле Шателье Анри Луи (Le Chatelier Henri Louis) – 31
Лебедев Валентин Алексеевич – 126
Лебедев Юрий Александрович – 121
Леви Примо (Levi Primo) – 111
Левин Элизабета – 121
Левоневский Дмитрий Анатольевич – 20
Лейбниц Готфрид Вильгельм (Leibniz Gottfried Wilhelm) – 8, 10, 23
Лем Станислав (Lem Stanisław) – passim
Лем Томаш (Lem Tomasz) – 24
Ленин /Ульянов/ Владимир Ильич – 16
Лескинен Мария Войттовна – 6-11, 120
Ли Евгения – 121
Лисицын Борис – 121
Лиханьский Якуб З. (Lichański Jakub Z.) – 24
Лишаев Сергей Александрович – 120, 127
Логашова Оксана – 121
Лок Роберт Дональд (Locke Robert Donald) – 121
Луcretий Кар Тит (Lucretius Carus Titus) – 7, 9
Ляпунов Борис Валерианович – 20
Маевский Павел (Majewski Paweł) – 24

- Майер Биргит (Meyer Birgit) – 131
Майринк /Мейер/ Густав (Meyrink /Meyer/ Gustav) – 73
Макаров Владимир Иванович – 19
Максаков Михаил – 121
Максимов Иван – 118
Малиновская Дорота (Malinowska Dorota) – 112
Малиновский Кшиштоф Веслав (Malinowski Krzysztof Wiesław) – 20
Мальский Алексей – 124, 127
Мальчукова Нина Валерьевна – 4-5, 85-91, 120, 132-133
Мамчак Саша (Mamczak Sascha) – 131
Марковский Тадеуш (Markowski Tadeusz) – 111
Маркс Карл Генрих (Marx Karl Heinrich) – 8, 10
Марлоу Стивен /Лессер Милтон/ (Marlowe Stephen /Lesser Milton/) – 121
Мацёнг Влодзимеж (Maciąg Włodzimierz) – 24
Мацкевич Витольд (Mackiewicz Witold) – 24
Межуев Борис Вадимович – 126
Мелещенко Юрий Сергеевич – 20
Мело Фернандо (Melo Fernando) – 131
Мельников А. – 20
Микеланджело Буонарроти (Michelangelo Buonarroti) – 37
Миколашкова Эва (Mikolášková Eva) – 131
Мильченко Евгения – 121
Минаков Игорь Валерьевич – 35, 120
Мискелли Аойфе (Miskelly Aoife) – 131
Михайлов Владимир Двигуриевич – 114
Михановский Владимир Наумович – 20
Михаэли Яэль – 121
Михельс Герман (Michels Hermann) – 130
Михера Войцех (Michera Wojciech) – 24
Мицкевич Адам (Mickiewicz Adam) – 68, 71
Мицкевич /Днепров/ Анатолий Петрович – 19
Можаева Анастасия Дмитриевна – 114, 119
Молчан Юрий – 121
Молчанов Н. – 20
Молчун М. – 20
Мошенская Лидия Олеговна – 21
Мрожек Славомир (Mrozek Sławomir) – 123, 131
Мруз Даниель (Mróz Daniel) – 128
Муравьев Владимир Брониславович – 114
Мусиенко Светлана (Musijenko Swietłana) – 24
Мышко Данута Ромуальдовна (Myszko Danuta) – 15, 21, 24
Мюллер Антье (Müller Antje) – 131

- Налимов Василий Васильевич – 48-49, 52, 54, 57-59, 62, 67
Напп Роналд (Knapp Ronald) – 131
Невский Борис – 125
Невядовский Анджей (Niewiadowski Andrzej) – 24, 112
Нестеров Александр Юрьевич – 120, 127
Николлз Питер (Nicholls Peter) – 25
Никольский Сергей Васильевич – 21
Никонов Александр Петрович – 118
Ниренбург Борис Эдуардович – 10, 35
Нудельман Рафаил Ильич /Эльевич/ – 10
Нуссер Петер (Nusser Peter) – 24
Нюренбергер Хильда (Nürenberger Hilde) – 131
Овечкин Олег – 125
Околовский Павел (Okołowski Paweł) – 4-25, 113, 120, 129, 132-133
Окульская Барбара (Okólska Barbara) – 112
Олдисс Брайан Уилсон (Aldiss Brian Wilson) – 110
Олливант Эндрю (Ollivant Andrew) – 131
Орамус Марек (Oramus Marek) – 24, 110-113
Орлинский Войцех (Orliński Wojciech) – 24
Орлов Евгений – 121
Осипов Александр Николаевич – 21
Островский Анджей – 120
Отцетен Стефан (Otceten Stefan) – 110
Падучева Елена Викторовна – 45, 53, 67
Пайпер Хорас Бим (Piper Horace Beam) – 121
Пальм Рейнхард (Palm Reinhard) – 131
Парнов Еремей Иудович – 21
Паровский Мацей (Parowski Maciej) – 110-112
Пелевин Виктор Олегович – 5, 85-91, 120, 134
Пента Ивона (Pięta Iwona) – 24
Первушин Антон Иванович – 125
Переслегин Сергей Борисович – 125
Переслегина Елена Борисовна – 125
Пестов Игорь Дмитриевич – 19
Петецкий Богдан (Petecki Bohdan) – 112
Петров /Катаев/ Евгений Петрович – 5, 92-99, 120, 133
Петров М. – 120
Петрович Дарко (Petrovic Darko) – 131
Петрянов-Соколов Игорь Васильевич – 21
Петухова Вера – 114
Пирлинг Себастьян (Pirling Sebastian) – 131
Пирс Чарльз Сандерс (Pierce Charles Sanders) – 54

- Пискунов Владимир Максимович – 19
Плаза Мацей (Płaza Maciej) – 25
Платко Дмитрий – 116
По Эдгар Аллан (Poe Edgar Allan) – 25
Поздняков Константин Сергеевич – 4-5, 92-99, 120, 132-133
Поппер Карл Раймунд (Popper Karl Raimund) – 6, 8
Прашкевич Геннадий Мартович – 118, 122
Прист Кристофер (Priest Christopher) – 128
Пропп Владимир Яковлевич – 80, 84
Пуанкаре Жюль Анри (Poincaré Jules Henri) – 48, 53, 57, 67
Пузий Владимир Константинович – 125
Пушкин Александр Сергеевич – 96
Пфуэль Аннина фон (Pfuel Annina von) – 131
Пшибыловская Барбара Мария (Przybyłowska Barbara Maria) – 111
Рабинович Г. – 21
Размахнина Валерия Калистратовна – 21
Рассел Бертран Артур Уильям (Russell Bertrand Arthur William) – 6, 11
Резанова Наталья Владимировна – 121
Рембрандт Харменс ван Рейн (Rembrandt Harmenszoon van Rijn) – 37
Рессмайер Роджер (Ressmeyer Roger) – 130
Реформатский Александр Александрович – 71, 76
Рив Артур Бенджамин (Reeve Arthur Benjamin) – 121
Робинсон Ким Стэнли (Robinson Kim Stanley) – 130
Роднянская Ирина Бенционовна – 21
Роттенштайнер Франц (Rottensteiner Franz) – 114, 118-119, 130-131
Рублёв Андрей – 38
Рыбалкин М. – 21
Савашкевич Яцек (Sawaszkiwicz Jacek) – 111
Савин Игорь Викторович – 126
Савицкий Вавжинец (Sawicki Wawrzyniec) – 112
Савченко Е. – 120
Саморукова Ирина Владимировна – 120
Сауков А.Г. – 120
Сафаров Тогрул – 121
Сафиуллин М. – 127
Свирски Петер (Swirski Peter) – 117
Сеглевич Давид /Рудкевич Алекс/ – 121
Сергеев А. – 21
Серебряков Владимир /Смушкович Даниэль Максимович/ – 124
Серебряный Сергей Дмитриевич – 67
Сёрль Джон Роджерс (Searle John Rogers) – 86, 89
Ситников Константин Иванович – 121

- Скибиньская Эльжбета (Skibińska Elżbieta) – 24, 53
Смелков Юлий Сергеевич – 22
Смердова Екатерина Андреевна – 4-5, 40-84, 120, 132-133
Смирнов Николай Николаевич – 125
Смушкевич Антони (Smuszkiewicz Antoni) – 24-25, 112
Содерберг Стивен Эндрю (Soderbergh Steven Andrew) – 35, 38-39
Сойфер Вадим – 114
Солженицын Александр Исаевич – 92
Солодовников Станислав Валерьевич – 14, 22
Сорокоумова Наталья – 121
Сосновский Ежи (Sospowski Jerzy) – 110
Спаров Вик /Воробьёв Виктор/ – 121
Сперзем Карл (Spurzem Karl) – 129
Сталин /Джугашвили/ Иосиф Виссарионович – 92, 130
Старцев Дмитрий – 121
Степаненко Алексей Сергеевич – 22
Степновская Татьяна (Stepnowska Tatiana) – 22
Стофф Анджей (Stoff Andrzej) – 25
Стругацкий Аркадий Натанович (Strugacki Arkadij Natanowicz) – 13, 36, 107-108, 110, 114-115, 118, 122, 124-125
Стругацкий Борис Натанович /Витицкий С./ (Strugacki Boris Natanowicz) – 13, 36, 107-108, 110, 113, 115, 118, 122, 124-125
Сувин /Шлезингер/ Дарко Роналд (Suvin /Ślesinger/ Darko Ronald) – 25
Суликовский Анджей (Sulikowski Andrzej) – 25
Суликовский Рафал (Sulikowski Rafał) – 25
Сутин Лоуренс (Sutin Lawrence) – 110
Таллер Роберт Израилевич – 120, 127
Тамарченко Евгений Давидович – 114
Тараканов Вадим – 124
Тарковский Андрей Арсеньевич – 10, 13, 22, 35-36, 38-39
Тейчнер Альберт (Teichner Albert R.) – 121
Терр Гай Расселл (Turr Guy Russell) – 129
Тимошенко Татьяна Викторовна – 22
Титов Герман Степанович – 22
Ткачук А.Н. – 119
Токмянина Светлана Витальевна – 22
Толкин Джон Роналд Руэл (Tolkien John Ronald Reuel) – 45, 53, 122, 125
Толстая Татьяна Никитична (Tolstoj Tatiana Nikiticzna) – 110
Трощиньская Ева (Troszczyńska Ewa) – 111
Тужилкин Андрей Михайлович – 118
Тьюринг Алан Мэтисон (Turing Alan Mathison) – 86, 89-90
Уилсон Эдвард Осборн (Wilson Edward Osborne) – 110

- Улиг Бернд (Uhlig Bernd) – 131
Уорнем Хейли (Warnham Hayley) – 128
Уотсон /Ватсон/ Джеймс Дьюи (Watson James Dewey) – 9
Урбан Адольф Адольфович – 22, 114
Успенский Борис Андреевич – 65, 67, 75-76
Устинов Питер Александр (Ustinov Peter Alexander) – 110
Уэллс Герберт Джордж (Wells Herbert George) – 19, 30, 111, 125
Файнбург Захар Ильич /Альпер З./ – 18, 22
Фатрелл Жак Хит (Futrelle Jacques Heath) – 121
Фашинг Таня (Fasching Tanja) – 131
Фейбер Мишель (Faber Michel) – 110
Фейербах Людвиг Андреас фон (Feuerbach Ludwig Andreas von) – 10, 28
Фerez Екатерина – 113
Фетисова Александра Николаевна – 22
Фиалковский Конрад (Fiałkowski Konrad) – 112
Фиалковский Томаш (Fiałkowski Tomasz) – 23
Филиппенко Дмитрий – 121
Филяр Дариуш (Filar Dariusz) – 112
Флек Людвиг (Fleck Ludwik) – 8
Фоминичев А. – 127
Форти Ричард (Fortey Richard) – 123
Фрай Ханс (Freu Hans) – 130
Франке Герберт Вернер (Franke Herbert Werner) – 114
Фрумкин Константин Григорьевич – 22
Хайнлайн Роберт Энсон (Heinlein Robert Anson) – 110-111
Хандке Рышард (Handke Ryszard) – 23, 112
Харитонов Евгений Викторович – 22
Харитонов М. – 22
Харт Майкл (Hart Michael) – 125
Хассон Гай – 121
Хвостова Д.О. – 118
Хеллер Михал (Heller Michał) – 23
Херфуртнер Ханна (Herfurtner Hanna) – 131
Хинтикка Каарло Яакко Юхани (Hintikka Kaarlo Jaakko Juhani) – 73, 76
Хмелевский Лукаш (Chmielewski Łukasz) – 113, 120, 129
Холин Игорь Сергеевич – 92-93
Холлянек Адам (Hollanek Adam) – 111-112
Хофштадтер Дуглас Ричард (Hofstadter Douglas Richard) – 41, 53
Хренов Николай Андреевич – 22
Цветков Алексей – 125
Цельмер Юстина (Celmer Justyna) – 113, 129
Циммерманн-Гёлльхайм Ирмтрауд (Zimmermann-Göllheim Irmtraud) – 130

- Цуркан Валерий – 121
Чалмерс Дэвид Джон (Chalmers David John) – 86, 89
Чапек Карел (Čapek Karel) – 73
Чепиков С.В. – 119
Чёрная Наталия Ильинична – 22
Чернышёва Татьяна Аркадьевна – 22
Чертова Олеся – 121
Чжан Цюлинь (Zhang Qiulin) – 131
Шакин Геннадий Константинович – 114, 119
Шалашова Зоя Петровна – 22
Швартц Маттиас (Schwartz Matthias) – 130
Шек Франк Райнер (Scheck Frank Rainer) – 25
Шепли Харлоу (Shapley Harlow) – 31
Шехтер Даля (Schaechter Dalia) – 131
Шикарев Сергей Александрович – 125
Широков Феликс Владимирович – 10, 18
Шифман Леонид – 121
Шкловский Иосиф Самуилович – 125
Шлыков Валерий – 121
Шопенгауэр Артур (Schopenhauer Arthur) – 6
Шпаковская Малгожата (Szpakowska Małgorzata) – 25
Шульц Бруно (Schulz Bruno) – 23
Шурлапова Елена Юрьевна – 118
Шуткевич Виктор Михайлович – 23
Щерба Лев Владимирович – 47, 71
Эйхлер Ирена (Eichler Irena) – 112
Эко Умберто (Eco Umberto) – 54, 57, 60, 65, 67
Энгель Питер (Engel Peter) – 23
Энгельс Фридрих (Engels Friedrich) – 97, 124
Эпштейн Михаил Наумович – 53
Эшер Мауриц Корнелис (Escher Maurits Cornelis) – 53
Яжембский Ежи (Jarzębski Jerzy) – 23, 25, 40, 53, 64, 67, 78, 82-84, 103, 109
Язневич Виктор Иосифович (Jaźniewicz Wiktor) – 4-29, 105-106, 113-123, 129, 132-